**ВИТАЛИЙ ШАРИЯ**

# БУКЕТ АБХАЗИИ

*Повести и рассказы*

Абгосиздат
Сухум 2015

ББК 84(5Абх) 6-44
Ш 28

Шария, В.В.
Ш 28 **БУКЕТ АБХАЗИИ.** Повести и рассказы
Абгосиздат. Сухум, 2015. – 296 с.

Рассказы и повести Виталия Шария выходили в сборниках в Сухуме и Москве, в журналах «Наш современник», «Смена», «Алашара», «Акуа-Сухум», газете «Литературная Россия» и других, переводились на армянский и осетинский языки. В новую книгу прозаика вошли произведения разных лет – как уже знакомые читателю, так и публикуемые впервые.

**ББК 84(5Абх) 6-44**

©Шария, В.В., 2015
© Абгосиздат, 2015

## БУКЕТ АБХАЗИИ

К десяти утра на пляже уже была теснотища. Манча оглядел пространство, которое часто представлялось ему гигантским мангалом, где поджаривались тела отдыхающих, и чертыхнулся: куда ж приткнуться? Про себя, конечно, чертыхнулся, чтоб привезенный им Виктор Петрович не услышал. Собственно, везти его на «Лексусе» сюда, метров за триста от дома, многие назвали бы блажью, но Манча посчитал необходимым уважить прибывшего сегодня дорогого гостя и самолично сопроводить на пляж.

Наконец, присмотрели подходящее место. Пока Виктор Петрович – рослый костлявый мужчина лет пятидесяти пяти, с редкими светлыми, зачесанными назад волосами – раздевался, Манча, вытирая платком пот на щеках и лысине, тащил на плече к выбранному ими месту белый пластиковый топчан. Гостю из Коврова не терпелось окунуться в море, и, уложив свою одежку на топчане, он рванул босиком по раскаленной гальке к воде, смешно подбрасывая вверх длинные худые ноги. («Что ж тапочек у него нет, – посетовал в душе Манча, – а я, лабут, не сообразил в магазинчик к Карине заехать»). Виктор Петрович с разбегу нырнул в волну. Затем, вынырнув, выпустил изо рта фонтанчик, словно кит, и поплыл от берега саженками.

Сегодня в семь двадцать утра Манча встретил его на вокзале, сошедшего с поезда «Москва – Сухум». За неделю до этого позвонил двоюродный брат Заур, еще до войны обосновавшийся в Коврове, и попросил «уделить внимание» лектору института, где учится его старшая дочка. Мужик, мол, простой, непритязательный, дней десять хочет отдохнуть «по старой памяти» в Гагре, а у Манчи же теперь что-то вроде частной гостиницы...

Вскоре, побороздив прибрежные морские просторы, Виктор Петрович вернулся.

– Чтоб не укусила медуза, купите горячий кукуруза… Берите чурчхела – чтоб появилось любовный дело… –

прошествовал мимо, выкрикивая стихи собственного сочинения, старик с поклажей.

– Что, что? – не расслышал Виктор Петрович, который, сидя на топчане, обтирал, как он выразился, «мослы» полотенцем. – Что он сказал про чурчхелу?

– Ашот! – вспомнил Манча имя старика. – Можно тебя… Тут наш гость интерес к твоей чурчхеле проявил. Что, говоришь, от нее будет?

– Любовный дело, – заулыбался Ашот.

– Ну-ка, дай пяток.

Не взирая на попытки Виктора Петровича полезть в джинсы за бумажником, Манча расплатился и вручил гостю пять толстеньких чурчхел разного цвета, выбрав их, сообразно кондиционности, из корзинки старика.

– Вообще-то это грузинское слово, – извиняющимся тоном сказал Манча, – но привыкли так все говорить… А по-абхазски «аджинджуха».

– И что, вправду… повышает потенцию?

– Ну, как сказать… Там же орехи. Потому, наверное.

– А вообще жалко, что вы грузин прогнали, веселее с ними было, – неожиданно заявил Виктор Петрович. – Помню, возле Гудауты такой указатель придорожный висел, я как-то пару раз там проезжал и уматывался: «ахали, сопели». Кто тут, думаю, ахал и сопел? Потом перевели мне – оказывается, по-ихнему… как это?

– «Новое село».

–Точно. А еще как они прикольно к своим бабам обращались: «пол-батона»!

– «Калбатоно»?

– Ну да. Только ведь некрасиво это: они, выходит, женщину за пол-человека считают?

– Ну, Виктор Петрович, ну, юморист! – расхохотался Манча.

Правду Заур сказал, что мужик приедет простецкий, хоть и кандидат каких-то наук. Помимо прочего, на плече у Виктора Петровича синела татуировка – не похожая на

нынешние, а явно стародавняя, времен его молодости, но разглядывать, что там изображено, Манче показалось неудобно.

В чехольчике на брючном ремне Манчи (так когда-то его предки носили на поясах кинжалы, но только не на правой, а на левой стороне) затрезвонил мобильник.

– На завтрак нас зовут, – сообщил он, возвращая мобилу на место.

Уже через минут пять они сидели у Манчи на увитой виноградной лозой и плющом веранде, которая располагалась на крыше гаража и примыкала к кухне. Стол являл собой образец радушия, изысканности и буйства красок: белоснежные, сочащиеся молоком пласты домашнего сыра, розовощекие сдобные булочки, красная икра на блюдце, большая плошка, до краев наполненная светло-желтым медом, бежевые круассаны, бело-красный салат с инжиром и козьим сыром, венчал же все это желто-розовый омлет с креветками и помидорами, приготовление которого недавно освоила жена Манчи.

– А это что за холодец такой? – потыкал Виктор Петрович вилкой в предупредительно разрезанный на квадратики упругий бордовый акалмыш на тарелке.

– Это из виноградного сока варится. Как десерт у нас, – пояснил Манча.

Они разлили по чашкам горячий свежезаваренный чай, но гораздо большим успехом за столом сразу начал пользоваться коньяк «Абхазия», которому Манча как истый патриот с недавних пор отдавал предпочтение перед остальными марками. В честь гостя на завтрак были приглашены также двое соседей: тщедушный пенсионер лет семидесяти Джота, которого близкие звали Кубрыц, что по-абхазски означает Комарик, и крупногабаритный бровастый сорокалетний таможенник Аршавел, отдыхавший сегодня дома после смены. Оба мужчины речистые, но Виктора Петровича оказалось совсем не нужно развлекать, такой сам кого хочешь развлечет. Разрезав булочку

пополам и намазывая сливочным маслом, он стал рассказывать старый, явно времен, когда оно продавалось по талонам, анекдот:

– «Мажьте хлеб маслом», – угощает гостей хозяйка. «Мы мажем». Она снова: «Мажьте хлеб маслом, я вас прошу». «Да мажем мы, мажем!». И опять: «Мажьте маслом!». «Да мы же мажем!». «Нет, вы не мажете, вы кладете».

Наверное, в кругу современной молодежи не все бы и поняли смысл анекдота, но в этой компании он имел успех. Правда, Кубрыц, с которым подобное случалось, посмеявшись вместе с остальными, затем вроде как обиделся за Манчу и начал объяснять Виктору Петровичу, что хозяин этого дома всегда соблюдал традиции гостеприимства, что у абхазов есть пословица: «Гость в доме – Бог в доме» и так далее. Пословица гостю понравилась, но на произносимые тосты, что было предсказуемо, он обращал мало внимания и нередко опрокидывал свою стопку с коньяком, не дослушав говорящего. А через полчасика высказал мечту-просьбу: «Эх, гитарку бы сюда!». У Манчи в доме гитары не было, а вот у Аршавела нашлась. И разбитной Виктор Петрович (он, впрочем, не раз просил обращаться к нему просто «Виктор»), отодвинув стул, на котором сидел, подальше от стола и устроившись поудобнее, забренчал на ней. Манче запомнились две песни. Первую он вроде бы когда-то в стародавние времена слышал:

«Мчится поезд, а в вагоне качка,
Под чулком у Маньки денег пачка.
И вздыхает Манечка во сне:
«Вот они, голубчики, при мне».

Ну, и дальше что-то про ее планы – что она на них купит: «лисапед на слабодном ходу, чайнички, ложечки, вилочки и, конечно, сковороду! А еще патефон со пластинками и душистое мыло «ТэЖэ», новые калоши с ботинками и фатеру на пятом этаже…». А вторую Виктор

Петрович анонсировал так: «Это – любимая песня моего деда. Старинный городской романс начала XX века». И запел с тем же азартом:

«Ах, зачем я не кот?
На один хотя бы год!
Испытать жизнь кота –
Это ж, братцы, красота!

Котам не нужно собственной квартиры,
Лакеев, нянек, прачек, кучеров,
Наличности и банковских активов,
Не нужно им банкетов и пиров.

Коту не надо в гости собираться
И галстук-бабочку носить,
А лишь на крыше прохлаждаться,
Амуры с кошками водить!

Лежать вальяжно на диване,
Усы испачкавши в сметане,
И ощутить, что вдруг тебя
Ласкает нежная рука…

Вот как-то раз в одной московской лавке
Я увидал такого же кота.
С такою важностью лежит он на прилавке,
Что даже злость берет на подлого кота!

Ах, зачем я не кот…»

– Ну, и так далее, – заключил Виктор Петрович и поднялся. – Не слышу оваций!

Он был порядком утомлен – и с дороги, и после выпитого за завтраком. Настолько, что даже пошатывался. Жена и невестка Манчи взяли его под руки и повели отдыхать в отведенный ему люкс.

Манча хотел заняться делами: накопилось много документации, которую надо было просмотреть, но Аршавел предложил сыграть в нарды, и вместе с Кубрыцем в роли болельщика они остались на веранде. Манча был страстный нардист, и «зацепить» его на это дело ничего не стоило.

Время, проведенное на пляже, привело Анатолия в восторг. Мысли о неурядицах последнего времени на работе и досадных заминках сегодняшнего утра быстро растворились в душе, как растворяются и исчезают, бывает, под лучами утреннего солнца маленькие облачка на небе. «Я на солнышке лежу и на солнышко гляжу…» – напевал он про себя, растянувшись на большом полотенце, постеленном на гальку метрах в десяти от воды, и поглядывая вверх, на иссиня-зеленую громаду гор над собой. Горы подступали здесь, в Старой Гагре, вплотную к морю и, казалось, нависали над пляжем. В свое время, «до перестройки», как обычно говорила его жена, Анатолий побывал в самых разных приморских курортах Союза, но ни пляж с видом на игрушечные горы Южного берега Крыма, ни роскошные пески Евпатории, ни песчаное мелководье Анапы и Юрмалы не оставили в памяти такого яркого пятна, такого солнечного блика, как несколько дней, проведенных в Гагре. «Вот где незабываемая красота», – не раз делился он потом впечатлениями со многими, в первую очередь, с женой. Но и в «конфетно-букетный период» их отношений, и когда они поженились, здесь шла война, а семь лет назад они расстались. И вот теперь, четверть века спустя, он снова решил побывать здесь, чтобы испытать те же чувства, и снова был один. Хоть и говорят, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку, но…

Огляделся по сторонам и подумал, что здесь будто ничего не изменилось. Те же возгласы мамочек, призывающих детишек вылезать из воды, те же разномастные – от цвета кофе с молоком до бело-розового «шампанского»

яблока – тела загорающих. Так же, как и четверть века назад, поигрывал мышцами брюшного пресса, похожего на бронзовую стиральную доску, какой-то молодой атлет, неспешно направляясь к воде. Метрах в пяти стояла крупная мадам – важно-сосредоточенным лицом к солнцу, прикрыв глаза, расставив в стороны руки и вывернув еще их ладонями вверх. Где-то подальше – еще одна такая же тетка, но более грузная. Еще дальше стоял пузатый старикан. Кто их научил так загорать? Казалось бы, лежишь на пляже, думал Анатолий, – ну и лежи себе, расслабься, наконец, только поворачивайся время от времени, чтоб не «сгореть»; так нет, и здесь они типа делом заняты, «трудятся». При этом чем уродливее, казалось, их тела, чем больше на них жировых складок и венознее-целлюлитнее ноги, тем охотнее выставляют они на всеобщее обозрение всю эту «красоту». Нет, чтобы постесняться и не портить ландшафт…

А у самой воды звучал громкий ненасытный плач девочки лет пяти и шел ее диалог с молодой дамой в очках, видимо, мамой:

– Ы-ы-ы!

– Я слушаю внимательно твои предложения. Конкретно говори.

– Ы-ы-ы!

А вот и «носильщики» всякой съедобной всячины понесли в массы купальщиков свой товар.

– Холодное пиво, горячая кукуруза, домашнее вино, чача, рыба, раки, – раздался вдали зычный голос. И все это повторилось раз пять-шесть в той же последовательности и с той же интонацией, пока обладатель зычного голоса, в соломенной шляпе-сомбреро и с дочерна загорелыми икрами, не прошествовал мимо и не скрылся вдали.

Впрочем, сменившая его тетка выдала без передыха вообще километровую тираду: «Пирожки жареные, духовые, с повидлом, вишней, сливой, сгущенкой, сосиска в тесте, сладкая вата, мороженое, вода, пиво, семечки,

пахлава, трубочки, петушки, воздушный рис, сладкая кукуруза, дыни, арбузы, виноград, яблоки, персики, сливы, инжир, пончики, чурчхела, рыба сушеная, вяленая, копченая…». И после короткой паузы – все заново. «Ну и ну, – восхитился Анатолий. – Это ж какую глотку луженую надо иметь, чтоб вот так часами вопить! А может, у нее это магнитофонная запись? Хотя вряд ли… А какую верблюжью выносливость надо иметь, чтоб это все таскать?».

Высокая пожилая матрона, появившаяся со своей поклажей через пару минут, привнесла в эту монотонную голосовую рекламу творческое начало:

– Кукурузу бабушка только что сварила – кипит кукуруза!

Анатолий выбрал в ведерке, с которого она откинула толстый слой марли, самый симпатичный початок, сыпанул на него немножко крупной соли из протянутого старухой пакетика и тщательно потер со всех сторон ладонью, чтобы кристаллики забились в пазы между зернами. Если закрыть глаза, то можно представить себе, что он трет волшебную лампу Алладина… Старуха двинулась дальше, и он впился, наконец, зубами в упругую солоноватую плоть кукурузины…

А потом усталость от дороги все же сказалась… Как же давно он не засыпал так сладко, как на этом гагрском пляже, под его гомон. Около одиннадцати Анатолий проснулся, сказал себе: «Пора» – и стал одеваться.

Снова не спеша прошел по длиннющей улице с непонятным и трудновыговариваемым названием «Абазгаа», глазея на утонувшие в зелени дворы и таблички на калитках. Со времен его молодости Гагра, конечно, не могла не измениться. Хоть и редко, но попадались следы от урагана войны, который пронесся здесь двадцать лет назад, но вместе с тем то тут, то там повырастали трехэтажные особнячки с надписями «мини-гостиница», «гостевой дом»… Словоохотливая женщина, встреченная по пути, объяснила ему, что отличие тут в том, что с частной го-

стиницы государство берет больше налогов, а в гостевом доме, да и просто в доме без всякой вывески может быть даже большее число комнат «под квартиранты» и удобств ничуть не меньше. Во дворах некоторых особняков, выстроенных буквой «П», размещались столовые под открытым небом или под прозрачными пластиковыми навесами, где курортники сидели на длинных лавках за длинными столами. «Наверное, тут полный пансион. Что ж, удобно», – подумал Анатолий, вспомнив, как в Гагре его молодости отдых отравляли часовые очереди в душных столовках в центре города. Иногда он ради эксперимента заходил в эти дворы и слышал трафаретное, как в советских гостиницах: «Мест нет». Наверное, сейчас, в разгар сезона, они есть только где-то подальше от моря. Или это совсем уж скромное жильё…

Дом, в который он вернулся после неудачного визита сюда пару часов назад, был тоже оснащен подобной столовой – в глубине просторного тенистого, мощеного керамическими плитами двора. Анатолию понравилось, что тень здесь создавала вившаяся на деревянной решетке вверху (будто зарешеченное небо получалось) и создававшая подобие крыши виноградная лоза, а левая, примыкающая к стене гаража сторона двора была заставлена большими керамическими горшками с разнообразными красивыми растениями. В глубине виднелся двухэтажный дом старой постройки. Справа перпендикулярно к улице вытянулся длинный трехэтажный новострой «под номера»; его крыша из сине-зеленой металлочерепицы блестела на солнце как молодая чешуйчатая кожа змеи, только что вылезшей из старой своей шкуры. Во дворе постоянно звучала музыка – в основном, советские и зарубежные хиты 70-80-х годов. Тоже неплохо придумано, учитывая, что основной контингент приезжающих сюда «дикарями» – это, наверное, люди его поколения с ностальгическими воспоминаниями. И о Гагре, и об этих хитах.

В комнатке на первом этаже новостроя, выполнявшей, видно, функции регистратуры, похожая на мумию, с высохшим лицом женщина в черном по-прежнему смотрела телевизор. Первым делом Анатолий положил полотенце в свою дорожную сумку, которая продолжала стоять в уголке комнаты, и только затем спросил:

– Скажите, пожалуйста, Манча приехал?

– Давно, – почему-то недовольно ответила женщина.

– И где его можно увидеть?

–Там, наверху… Вон туда пройдете, напротив, к гаражу, и там по железной лестнице подниметесь.

Поднявшись на увитую виноградом веранду на крыше гаража, Анатолий сразу понял, что сейчас тут не до него. «Чари-як!» – орал один из троих мужчин, сидевших в креслах за низким столиком. «Ду-щащ!» – старался перекричать его второй. После чего вновь следовал стук прыгающих по дереву костяшек – «трик-трак», как и называют эту игру в Западной Европе. Направляясь к нардистам, которые, скорее всего, и не подозревали, что только что изъяснялись на персидском языке, Анатолий подумал: как и забивальщики «козла» в его родном дворе, они наверняка находятся в том состоянии, что даже предстань сейчас перед ними вместо него бронтозавр или птеродактиль, это и тогда не смогло бы отвлечь их от игры.

– Извините, я ищу Манчу…

– Шеш-беш! – гаркнул огромный плешивый мужик лет пятидесяти с большим пористым носом, густыми черными бровями и черными, начавшими седеть усами и только после этого мельком глянул на Анатолия. – Я слушаю, уважаемый.

– Я от Зурика… Хотел бы у вас отдохнуть дней десять…

–У этого Зурика проблемы со слухом, что ли? – Манча обернулся к сидевшему рядом старичку. – Вчера ему говорю: «Не присылай ко мне никого, у меня сейчас все под завязку»…

Потом откинулся в кресле и после некоторого размышления спросил:

– Сколько вас?

– Один я, один.

– Ясный перец… Ладно, молодой человек, сегодня тут уехали… Правда, место без удобств. Скажите там Флоре, чтоб показала вам во флигеле и оформила, если устроит…

После чего вновь всецело сосредоточился на игре.

«Флора – это женщина в черном?» – хотел уточнить Анатолий, но раздумал и поплелся вниз.

Место без удобств оказалось коморкой площадью примерно два на три метра, в которой еле помещались кровать и тумбочка. «Зато отдельная комната, никто не помешает… Что делать, пик сезона сейчас», – бормотала Флора, у которой Анатолия все подмывало спросить, нет ли у нее сестры по имени Фауна. «И вот за этот «гроб» – четыреста пятьдесят рублей в сутки? – с возмущением подумал он, оставшись один и оглядывая непритязательное помещение. – Вот Манча так Манча…». В других гостевых домах на этой улице, где он из любопытства интересовался ценами, одноместные комнаты со всеми удобствами сдавались по 350-400 рублей. Н-да, те с удобствами, но свободных нет, а эта без удобств, но она есть…

Потом полежал минут десять, не раздеваясь, на жесткой кровати и потихоньку успокоился. Искать какое-то другое место, на этой же, скажем, улице? А на фига? Все удобства у него и дома есть. А два года назад ездил на конференцию в Лондон, так там вообще жил в номере за сто пятьдесят фунтов в сутки (платила принимающая сторона). Ну и что? Да, стерильная чистота, да, белые махровые тапочки, но разве этим ему Лондон запомнился? А тут… Он что, приехал сюда, чтобы днями в помещении сидеть? Ради местных апартаментов? Поздно вечером придет переночевать, утром уйдет… Пик сезона…

Почему-то вспомнилась и вновь развеселила обращенная к нему реплика пожилой русской работницы малень-

кой привокзальной кафешки, где сегодня рано утром выпил кофе с бутербродом за столиком под открытым небом и продолжал сидеть, просматривая какую-то местную газету и время от времени поглядывая на вокзальную площадь: «Мужчиночка, читать, транспорт ждать – на остановку!».

Когда, приняв в дощатой постройке во дворе душ и переодевшись, выходил на улицу, вновь звучала самая, видно, популярная в фонотеке этого «гостевого дома» звукозапись – шлягер минимум полувековой давности «О, море в Гаграх, о, пальмы в Гаграх!». Причем в начале записи следовало представление: «Гениальный автор и не менее гениальный исполнитель неизвестны». А затем вкрадчиво-интимный баритон выводил:

«Перестук колёс – и поезд мчится,
Покидая город ваш родной.
Небо ночью звездами искрится,
Утопая в дымке голубой.
Под покровом теплой южной ночи
Поезд мчит и плещется волна...
Вот уж позади остались Сочи,
Вас встречают пальмы и луна.

О, море в Гаграх, о, пальмы в Гаграх!
Кто побывал, тот не забудет никогда.
Мой взор ласкает и восхищает
И на горах весной и летом снег всегда.
Здесь моря рокот и пальмы шепот,
Когда шумит и бьется к берегу прибой.
Здесь отдыхаю, сил набираюсь,
О город Гагры, восхищаюсь я тобой!

Здесь у моря царствует природа,
Целый год цветет тенистый сад.
Здесь всегда, в любое время года,

В воздухе магнолий аромат.
Кипарисы, пальмы, чуть качаясь,
Стройною шеренгою встают;
Солнечному свету улыбаясь,
Цвет магнолий золото дают.

О, море в Гаграх, о, пальмы в Гаграх!
Кто побывал, тот не забудет никогда.
Мой взор ласкает и восхищает
И на горах весной и летом снег всегда.
Здесь моря рокот и пальмы шепот,
Когда шумит и бьется к берегу прибой.
Здесь отдыхаю, сил набираюсь
И, уезжая, восхищаюсь я тобой!».

Уже стоя у калитки, Анатолий терпеливо дослушал этот сочиненный бог весть когда бессмертный гимн курортной Гагре, а для многих, в том числе и для него, – бессмертный образчик пошлости. Но пошлости какой? Которая и есть, размышлял он, «самое то» для массовой культуры. Ибо эта «масса» не в силах, к сожалению, отличить стихов от подобия стихов, а музыки – от расхожего примитивного мотивчика. И вот когда-то, в шестидесятых годах прошлого века, журналом «Кругозор» на потребу всем таким была выпущена мягкая пластинка с записью этой не отмеченной печатью изысканного вкуса песенки. Тот, кто предложил выпустить ее, не ошибся: пластинка пользовалась бешеным успехом. Но примечательно, что сочинитель так и не предъявил после этого своих прав на «шедевр». Может, потому что рядом нашелся человек со вкусом, который доходчиво объяснил самодеятельному композитору и поэту, что все это банально и неуклюже («сил набираюсь» – словно из советской газетной передовицы)? А может, все гораздо проще: автор просто не дожил до дней, когда его творение обрело всенародную популярность?..

По белой от солнца улице он прошел до остановки автобуса (желтый громоздкий «Икарус» – как привет из прошлого). А выйдя из него в центре, на улице Нартаа, отправился в пешую экскурсию по сладкой, спелой курортной Гагре. Неподалеку от здания районной милиции его внимание привлекла выложенная плиткой дорожка, которая вела к пестрой, разрисованной яркими красками стене кафе «Какаду» на самом берегу моря. Причем больше всего привлекли красные следы человеческой пятерни, которые виднелись на этой дорожке – будто кто-то прошагал туда, к кафе, на руках. Продается, говорят, в магазинах штука, которая оставляет такие следы; ею и воспользовались шутники. А что, мелочь, но из потока отдыхающих кого-то нет-нет, да и заманит в кафе эта хохма… А в самом начале дорожки справа висела небольшая, несколько аляповато нарисованная вывеска с надписью «Абхазские вина» и горящей посреди дня электролампочкой сбоку.

Чуть дальше по улице у ресторана «Три бочки» на столике под открытым небом сидели и обедали трое курортников, а еще одна женщина стояла у маленького стенда-выставки местных алкогольных напитков рядом с входом в ресторан и занималась их дегустацией. На небольшом круглом столе рядом со стендом стояла стопка одноразовых стаканчиков. Анатолий тоже подошел к стенду. На нижней его полочке стояли марочные вина производства фирмы «Вина и воды Абхазии», повыше – домашние вина в пластиковых «полторушках», еще выше – так называемые домашние коньяки… И венчали всю эту красоту три небольших бочонка с краниками на верхней полке. Он налил в пластиковый стаканчик из бутылки «Букета Абхазии». Пригубив, подумал, что, пожалуй, это то самое вино, которое ему доводилось пить в 80-е.

Пойдя дальше, увидел выведенное крупными рукописными буквами на листке бумаги, приклеенном к стеклянной стене небольшого павильона: «Мандариновый сок». Солнце припекало все сильней, в горле пересохло,

и он обратился к молодой продавщице павильона с просьбой налить ему стакан. Оказалось, что здесь он продается разлитым в бутылки – по 50 рублей. Цена показалась Анатолию приемлемой, тем более, что сок охлажденный. Правда, бутылки оказались бутылочками по 0,3 литра. Но главное разочарование ждало потом, когда пошел по улице, отвинтив пробку и прихлебывая из горлышка: сок был разведен водой в пропорции примерно один к двум. По вкусу он напоминал скорее что-то вроде «миринды», только еще более жидкой, разбавленной. Вернулся к продавщице с претензией: это что же вы, мол, продаете, пользуясь, наверное, тем, что большинство отдыхающих настоящий мандариновый сок никогда не пробовали? Та сперва решила откреститься от своего товара: «Я же сок сама не развожу, продаю то, что мне привозят». Но потом поменяла тактику: а неразведенный сок отдыхающим, мол, не нравится, от него у многих аллергия бывает… Анатолий все же допил свой «сок» (жара достала), но послевкусие было ужасным. Да, такая кока колом в горле встанет… Вообще, он терпеть не мог все эти «пепси» и «коки», но лучше бы банку одной из них выпил.

Прогулка по знаменитому Гагрскому парку оставила примерно то же пестрое впечатление, что и прогулки по городу. Где-то встречалась мерзость запустения, а где-то зато были попытки превратить уголки этого парка в зоопарк – с обезьянами, медведями, павлинами. Очень позабавила его картинка в зооуголке, где несколько курортников столпилось у просторной клетки с павианами-гамадрилами. Именно так, согласно табличке на клетке, называются эти крупные обезьяны с вытянутыми, как у собаки, мордами и ярко-красными, плоскими, лишенными волос задами. И вот один из этих павианов, самый в клетке большой, светло-рыжего окраса, прицепился к девочке лет двенадцати-тринадцати с абрикосовым загаром, такой же рыженькой, нежно-розовощекой и весьма физически развитой для своего возраста, с налившимися уже

грудками. Он держал ее за руку, втянув ее внутрь клетки, и то ласково гладил ее, то начинал будто что-то выщипывать своими пальцами на тыльной стороне ее ладони и на предплечье. «Когда обезьяны ищут так друг у друга паразитов, это проявление доброжелательного отношения, любви и нежности», – пояснил кто-то из курортников своему сынишке, а заодно и всем остальным. Но смех смехом, а рыжий павиан не отпускал руку девочки уже минут пять. Хорошо еще, что та вместе со своей миловидной, что называется, приятной полноты, мамашей в соломенной шляпке явно никуда не спешили. Но так или иначе, им все же надо было идти, а все попытки девочки высвободить руку кончались безуспешно. Одна из женщин, стоявших у клетки, чтобы отвлечь павиана от руки девочки, протянула ему сквозь прутья клетки свою. Но хотя ее узкая холеная рука была украшена блескучими кольцами и браслетом («цацками-пецками», как выразилась их рисковая хозяйка), павиан, мельком взглянув, не проявил к ней никакого интереса. «А может, это любовь? Может, он на вашей дочке жениться хочет?» – пошутил, не очень, конечно, удачно, Анатолий, обращаясь к мамаше в шляпке. «Ну, вообще-то Насте рановато еще», – тоже вроде бы решила пошутить та. «А сколько ей?» – воспользовался возможностью поддержать разговор Анатолий. «Двенадцать». В какой-то момент девочка все же ухитрилась высвободить руку из обезьяньих лап. И, чтобы не смотреть на страдания павиана, они с мамой решили побыстрее ретироваться из зооуголка. А тот действительно страдал: метался по клетке, издавал крики отчаяния, а из глаз его, казалось Анатолию, вот-вот покатятся слезы.

Анатолий догнал маму с дочкой на выходе из зооуголка. Как и думал, они отдыхали в Гагре вдвоем. Где папа и есть ли он вообще, посчитал бестактным расспрашивать при девочке, но мамаша после его просьбы дала ему свой местный номер телефона. Сумел, значит, ее расположить. Он записал этот номер в записную книжку: купить но-

вую трубку и взять местную, абхазскую сим-карту еще не успел. Хотя отправляясь в Гагру, он совершенно не думал о курортном романе, зарекаться от него никогда не надо. Да и как знать, во что он может вылиться. В любом случае, кто и что мешает ему, 45-летнему разведенному мужчине, завести такое знакомство?

На походе к своему новому обиталищу увидел входившую во двор к Манче группу курортников человек из двадцати. Сперва подумал, что это постояльцы гостевого дома с какой-то целью собрались все вместе, или тургруппа заезжает, но ему объяснили: это экскурсия в винный погреб с дегустацией вина.

Молодец Манча! Он, оказывается, еще и владелец винного погреба, куда водят на экскурсии… Затесавшись в группу, Анатолий спустился в небольшой, освещенный лампами дневного света подвал старого двухэтажного дома, где у стены стояли четыре большие бочки и несколько бочонков, на длинном столе – бутыли и бутылки с вином и стаканы, а на стене были развешены большие фотографии. Здесь все было «по-взрослому», даже имелась указка, которой красивая девушка-экскурсовод Мадина водила по этим снимкам.

– В истории абхазского виноделия, – журчал ручейком ее голос, – выдающееся место занимает знаменитая династия Ачба. Основатель ее, Николай Батович, родился в 1904 году в селе Звандрипш в семье князя Баты Ачба и княгини Екатерины Званба. Женился в 20 лет, в 21 год переехал в местечко Гудауты и начал профессионально заниматься виноделием. Первые его вина не имели названия; люди говорили: «Это Николая вино», что было своеобразным знаком качества. В 1930 году переехал в город Гагры, который уже тогда был модным среди советской элиты курортом – здесь отдыхал весь бомонд того времени. По аллеям в тени гагрских пальм в 30-е гуляли Любовь Орлова с режиссером Григорием Александровым, Леонид Утесов со своим джазом, «белая цыганка» Изабелла Юрьева,

Игорь Ильинский, совсем молодой Юрий Левитан, Иван Козловский… И с большинством из них Николай Батович Ачба дружил. Но он не только вел светскую жизнь, но много и результативно работал. Здесь, в Гаграх, он создал свое первое знаменитое вино – «Букет Абхазии», которое имело очень счастливую судьбу. В Гаграх часто отдыхали и члены правительства во главе со Сталиным. Так что не было ничего удивительного, что вскоре Николая Батовича вызвали в Москву и включили его «Букет Абхазии» в реестр вин, который подавали в Кремле. Но это счастливое время закончилось для него в 37-м году. Тогда люди в Абхазии исчезали каждый день. Дошло дело и до Ачба. Но знакомый работник НКВД успел его предупредить, и он, не заходя домой, сел на пароход в Одессу, а оттуда поехал в Москву. Там его прятали Юрий Левитан и Вениамин Лурье. У последнего он жил на девятом этаже в доме на Садово-Кудринской улице, и когда соседи снизу по телефону предупреждали, что по квартирам ходят «органы», Николай Батович хватал пальто и вылезал через окно на пожарную лестницу, хотя и побаивался высоты…

– Это ж сколько ему было, тридцать три? – подал голос темпераментный лысый толстяк, из категории тех, кто в любой аудитории самыми первыми из слушающих подают голос. – Ну, в таком возрасте нетрудно.

– Друзья его скрывали бы и дальше, – продолжила Мадина, – но он не хотел их подставлять и поехал на Урал. Несколько лет бродяжничал…

– Ничего себе, – вошел во вкус комментариев толстяк. – Бывший князь, потом трудящийся Востока, потом – бомж.

– Вас бы в те времена, – укоризненно бросила ему стоявшая рядом полная женщина.

– …Пока, уже во время войны, не прибился к военному госпиталю и не стал там работать по снабжению. В общей сложности 17 лет ему пришлось прожить вдали от родной Абхазии. Шесть лет возглавлял винзавод в станице Крымской Краснодарского края, пока в конце 54-го его не вы-

звал председатель Совмина Абхазской АССР, где тогда по всему Союзу собирали специалистов-абхазов. В Абхазии он взялся за строительство сразу трех винзаводов – в Сухуме, Гудауте и Гаграх. Без его фантастической работоспособности, удивительных человеческих качеств винодельческая промышленность Абхазии не была бы создана так быстро. Николай Батович построил прекрасный завод «Абхазвино», но вскоре после этого, в 1973 году, умер. Ему не удалось на нем поработать. Но дело «князя виноделия» продолжили его сын Владимир Ачба, ставший директором завода, и ученик Валерий Авидзба – в должности главного технолога. А сейчас к ним присоединился и внук Николая Батовича – молодой бизнесмен Николай Владимирович Ачба. Друзья зовут его Ника. Он в 1999 году с помощью друзей из России создал и возглавил компанию «Вина и воды Абхазии». И в разоренной войной Абхазии вместе с отцом и Валерием Авидзба возродил выпуск брендовых марок вин, созданных еще его дедом. Кроме крепленого «Букета Абхазии», который всегда пользовался большой популярностью среди гостей курортной Абхазии, это сухие вина «Лыхны», выпущенное еще в 1962 году, «Псоу» – в 1964-м, «Апсны» – в 1968-м. Созданы также новые. Так, на Сочинской выставке 2004 года золотую медаль получило полусухое вино «Амра» и полусладкое белое «Псоу». Мощное сухое вино «Чегем» получило серебро. Кстати, вино «Чегем» было сделано в честь произведений Фазиля Искандера: создатели вин – большие его друзья. Было разработано и внедрено в производство белое вино «Диоскурия», названное так в ознаменование 2500-летия столицы Абхазии города Сухума, который до нашей эры так назывался.

«А сколько лет Гагре?» – хотел спросить Анатолий, но немолодой мужик бугаистого типа, которому явно не терпелось перейти к «делу», опередил его:

– А все эти вина здесь есть?

– Почти все. Чуть позже мы их продегустируем.

– Скажите, пожалуйста, – поинтересовалась полная женщина, – а у этого внука есть дети?

– Вы – в смысле продолжения династии? Есть, пятеро. И кто-нибудь из них, можно не сомневаться, обязательно продолжит дело своего прадедушки. В честь которого, кстати, современные абхазские виноделы стали выпускать вино «Атауад», что по-абхазски значит «князь».

– А вот я слышал, что все марочные вина в Абхазии сегодня делают из концентрата, порошка. Или это подлая клевета? – подал голос худосочный лысеющий очкарик.

– Видите ли… – улыбнулась Мадина. – Виноградарство у нас только возрождается, заложено много виноградников, и пока виноматериал, то есть молодое вино, приходится завозить из Молдавии. Но ни о каком порошке, конечно, и речи не может идти, иначе абхазские марочные вина никто бы не покупал. А молодое вино – это лишь сырье для марочного, как мука для выпечки хлеба. Ему технологи на заводе должны придать букет, то есть совокупность запахов и ароматов, вкус, крепость, выдержку… Именно во время этого длительного процесса переработки и применяются секреты, которые в этой династии передаются от отца к сыну.

– А еще говорят, что воспеваемая у вас «изабелла» в Европе считается не виноградом, а сорняком, – не унимался очкарик. Видно, он относился к типу людей, из которых почерпнутая где-то информация лезет потом, как забродившее тесто из кастрюли.

– «Изабеллу» в Абхазию завезли двести – двести пятьдесят лет назад, и она здесь очень распространилась из-за своей неприхотливости. Но сейчас фирма «Вина и воды Абхазии» заложила на больших площадях виноградники, в основном это десятки сортов из Франции, в частности, савиньон, мерло, шардоне, но есть и возрождаемые аборигенные сорта – «акачич», «амлаху»… Многие у нас считают виноделие самой перспективной отраслью сельского хозяйства Абхазии. Цитрусы – это все же рискованное

дело: не продашь вовремя партию – что с ними потом делать? А настоящее вино со временем, как известно, только растет в цене… Хочу, друзья, предупредить вас: в предстоящих ваших поездках на экскурсии по Абхазии, да и у нас в Гагре, вас подстерегают продавцы фальсификата. А может, кто-то из вас уже и обжегся… Эти продавцы зазывают туристов и подсовывают им всякую бормотуху. Например, «ежевичное вино». А какое вообще может быть ежевичное вино, если вино – это напиток из виноградного сока? Это такая же нелепость, как и «высокогорный эвкалиптовый мед» – ведь эвкалипты в горах не растут… Ну, назвали бы уже честно – ежевичная настойка. А то получается как в СССР, когда народ травили яблочными и клубничными настойками, которые назывались винами: «Солнцедар», «Агдам»…

– А что вы имеете против «Солнцедара»? – неожиданно подкинулся мужик бугаистого типа, – Вы его, девушка, пили? Не пили. А я пил… Нашему брату все эти шерломерло не в дугу, вы уж извините. У каждого свой вкус: одна любит арбуз, а другая офицера…

Говорил он весело и напористо, и было не понять, шутит человек или нет.

– А вот мы сейчас и попробуем все вина, и каждый сможет выбрать то, что ему по вкусу, – не растерялась Мадина, совершенно разумно решив не вступать с ним в дискуссию. – Подходите, пожалуйста, к столу.

В погребке наступило, что называется, веселое оживление. Мадина и помогавшая ей женщина средних лет наливали столпившимся вокруг стола курортникам вино по их выбору в маленькие одноразовые стаканчики. Потом в новые стаканчики – другое вино, третье… Анатолия улыбнула картинка, которую он увидел, протиснувшись к столу: говорливый эрудит-очкарик водил под носом стаканчик с вином, как это делают профессиональные дегустаторы, а потом долго держал, перекатывал во рту первый глоток. «Специалист?» – поинтересовался он у

эрудита как можно более благожелательно. «Да нет, – отвлекся тот от священнодейства. – Просто любитель». И, допив, тут же снова пристал с вопросами к Мадине: а почему, мол, в абхазских магазинах сейчас не встретить того самого знаменитого «Букета Абхазии», о котором она так интересно рассказывала? Может, весь его экспортируют в Россию, где традиционно много любителей крепленых вин; но это же нелогично делать полностью, если учесть растущий поток в Абхазию туристов из той же России? Экскурсовод отвечала что-то в том смысле, что он не совсем прав: «Букет Абхазии» в здешних магазинах встретить можно, но действительно редко. Кто-то говорит, что на него теперь меньше спроса: если нужна крепость, так водка и крепче, и дешевле. А кто-то – что того, прежнего, «Букета» нынешним виноделам воссоздать все же не удалось. «Ага! – победно воскликнул эрудит. – Значит, не все секреты дедушка передал!». «Бросьте, – вмешался Анатолий. – Я попробовал сегодня «Букет Абхазии», и если память моих вкусовых рецепторов им не изменяет, это то же самое вино, которое я пил в советские годы».

– «Жизнь после пятидесяти только начинается», – сказала женщина и попросила налить ей еще пятьдесят грамм», – балагурил темпераментный толстяк, подняв свой стаканчик и обращаясь к полной курортнице. – Извините, вот так я брякнул как-то в одной компании, а дама, которой рассказывал эту хохму, смертельно на меня обиделась. Ей было только сорок пять, а она расценила это как намек на ее возраст.

Анатолий отпробовал марочные «Псоу» и «Чегем», а также стаканчик домашнего вина из запасов хозяина погреба. («Ух, зацепило уже… Но какой приход нежный», – прокомментировал впечатления об этом вине местного винодела Конджария все тот же эрудит). Допивая стаканчик, он бочком-бочком приблизился к Мадине и задал вопрос, который давно крутился в голове, но был не совсем в тему, чтобы озвучивать его при всех: «Почему вы

все время говорите «Гагры», и кинофильм есть «Зимний вечер в Гаграх», а на картах, табличках, в расписаниях – везде «Гагра»? Так как правильно – единственное число или множественное?». Его подозрение, что она не сможет толком ответить на этот вопрос, подтвердилось. И тогда он сам начал излагать как версию то объяснение, которое слышал еще в первый приезд сюда: «Гагры» – это старое название, как и «Гудауты», принятое век назад, а в народе его по старой памяти и сейчас употребляют. Мадина согласилась, что версия довольно правдоподобная, и они еще пару минут мило беседовали про вина.

Когда выбрались из погребка, уже хорошо стемнело и поздний вечер укутал землю теплым душным одеялом. С веранды на гараже, куда он поднимался утром, кто-то под звуки гитары орал дурным голосом: «Нам лижут пятки языки костра…». А спустя время: «Над Москвой встает зеленый восход, по мосту идет оранжевый кот, а лотошник на углу продает апельсины цвета беж…».

Виктор Петрович проспал до семи вечера, после чего его позвали к ужину на ту же увитую виноградом веранду на крыше гаража. Ужин, конечно, по сравнению с завтраком изобиловал более разнообразными спиртными напитками, включая дорогущую водку «Абсолют», и блюдами, включая зажаренного целиком молочного поросенка и вкуснейшую солянку из говядины.

За столом собрались те же, кто был за завтраком, кроме Аршавела. А еще пришли друзья Манчи Джамал Кокоскерия по прозвищу Кокос и Хута Агрба, которого хозяин дома приветствовал раскрыв ему навстречу объятия и затянув на мелодию песни своей любимой певицы Софии Ротару: «Хута, Хута-рянка, девчоночка смуглянка…».

Первым из гостей пришел высокий, жилистый и действительно смуглый Хута, а пока ждали Кокоса, Манча довольно долго, сидя в кресле, вел с кем-то деловой разговор по мобильнику: «Петрович, если там за моей спиной

какие-то движения начнутся – я тебя не знаю и ты меня не знаешь. Ты меня понял?».

Потом он положил мобильник на край столика для телевизора и пояснил Виктору:

– Я вообще-то мобильник в чехле на поясе только вне дома ношу. А то тут пару раз было… Сижу, значит, вечером в кресле с котом нашим на коленях… Полуперс… Кличка – Падишах… А моя внучка пятилетняя что придумала: принесет, положит мне его на колени, а сама берет другой телефон и набирает мой номер. А мобильник – на поясе. Падишах – кот нервный, как подскочит от резкого звонка, как вцепится когтищами в самое уязвимое мое место! Второй раз, кстати, это было, когда я задремал. Тут и до инфаркта недалеко. А внучка от смеху умирает…

Пушистый черно-белый Падишах будто по заказу прошествовал в это время вдоль обильно накрытого стола, подняв хвост в предвкушении, что и ему сегодня перепадет что-то. Его появление сразу после рассказа Манчи еще больше развеселило гостей. А запахи, исходившие от уже поставленных на стол кушаний, также добавляли в атмосферу за столом свою дозу позитива.

Маленький, худенький, но очень энергичный, напоминающий батарейку «энерджайзер» и битком набитый всякими смешными историями Кокос, местный бизнесмен лет сорока, был назначен Манчей тамадой. С Виктором Петровичем он быстро перешел на «ты». И стал объяснять ему то, что остальным присутствующим доводилось слышать уже не раз: «Ты не смотри, брателла, на мой рост. Ты видишь только то, что над землей. А под землей, чтоб ты знал, меня еще столько же, если не больше». Виктор Петрович ответил в тон ему: «А ты имей на всякий случай в виду, что я не «длинный». Длинный я, когда спать ложусь. А когда стою – я высокий». Хотя назвать его высоким можно было с большой натяжкой – ну так, выше среднего роста мужик.

Они оказались самыми активными за столом: и по количеству выпитого, и по говорливости. «Манча пил раньше ведрами, – сообщил Виктору Кокос. – Но сейчас видишь как – только гомеопатическими дозами врачи разрешают». Говорил за столом Манча тоже немного. Но зато весьма артистично, и все сказанное им пользовалось неизменным успехом. Например, изображенная в лицах история, как в прошлом году одна подвыпившая отдыхающая устроила официантке (вечерами столовая гостевого дома работала как кафе, по заказам) скандал из-за того, что у принесенной ей жареной форели не было почему-то хвоста, как эта женщина потребовала хозяина, как Манча подходил к ней и объяснял-уговаривал, что отломившийся хвостик отнюдь не снижает питательной ценности блюда.

Виктор Петрович, как и остальные, тоже иногда толкал нечто вроде тостов – хотя, разумеется, в своем амплуа, совершенно безотносительно тому, что говорил ранее тамада. Перед тем, как опрокинуть свою первую рюмку «Абсолюта», он поднялся и провозгласил: «Месяц назад, дорогие мои, я сказал алкоголю «нет!». Но оказывается, что он не слышит ни хрена…». Потом, спустя пару тостов, вспомнил бородатый анекдот о российском мужичке, который взахлеб рассказывал друзьям-собутыльникам, как здорово отдыхать на Кавказе: на вокзале к тебе сразу подходят незнакомые молодые люди, бесплатно везут в частный сектор, платят за жилье, чуть ли не каждый вечер кормят-поят, развлекают в ресторане, днем показывают достопримечательности, а когда провожают с отдыха домой, еще и подарки дарят… «Ты сам там был?» – спросили его. «Нет, жена ездила»… В следующий раз он встал и напыщенно произнес «народный афоризм»: «Жизнь – это букет цветов, в котором есть крапива»…

Немало разговоров за столом было посвящено программе пребывания в Абхазии Витюхи Петровича, как он в какой-то момент в шутку попросил себя называть. «В Пицунду-Шмицунду обязательно ребята свозят, – рассуж-

дал Манча, – на Рицу-Шмицу, в Афон-Шмафон…». «А Сухум? – напомнил Кубрыц, – суталица ведь». «Не знаю, когда и куда наш уважаемый гость поедет, – вмешался Кокос, – но субботу я резервирую за собой. Едем по дороге на Рицу в заповедное место на пикник. Шашлык-машлык, фрукты-шмукты и, и само собой, вино-шмино. И женский персонал будет – конфитюр…».

Под конец Виктор Петрович вновь, как и утром, истребовал гитару и, сделав несколько аккордов, завопил: «Нам лижут пятки языки костра, чужие сапоги натерли ноги…».

Полдевятого утра, когда Анатолий вышел со двора, его внимание привлекли громкие голоса людей, стоявших у белой «Волги» на площадке, непосредственно примыкавшей к гостевому дому. На площадке этой «ночевали» три-четыре легковушки, которые по утрам разъезжались.

В кучке людей были Манча и Флора, и присоединившись к ним, Анатолий услышал, как высокий плотный мужчина с мохнатыми бровями возбужденно рассказывал что-то, обращаясь к Манче. Суть происшедшего оказалась такова. Около четырех утра один из соседей, которого одолела бессонница, заметил, что в «Волгу» забрался незнакомый человек. Позвонил хозяину машины – этому самому мужчине. Тот выскочил из дома вместе с сыном. Злоумышленник закрылся изнутри в машине и отказывался выходить, потому что боялся. В общем, возникла, как понял Анатолий, достаточно трагикомическая ситуация. На что рассчитывал вор, неясно: не могли же хозяева «Волги» оставить его в ней и пойти спать. Разбивать же окно собственной машины им было жалко… Кое-как уговорили его выйти, пообещав, что не будут сдавать в милицию. Оказалось, что он уже перерезал провода, пытаясь вытащить из машины магнитофон. Оправдание же было такое: ему сегодня утром надо отдавать долг – 15 тысяч. Конечно, он поймал здоровенную плюху от сына хозяина, после чего, еле встав с земли, дал деру…

– Какой из себя был? – спросил кто-то бровастого.

– Лет сорок, коротышка вот такой, чернявый, на цыгана похож… Но не наш, не гагрский, это точно.

– Из залетных, ясный перец, – констатировал Манча. – На летние гастроли приехал. Курортники с севера едут, эти – с другой стороны. Аршавел, ну ты же такой, что муха без билета мимо не пролетит! Что случилось, не можешь сигнализацию хорошую поставить? Или гараж, в конце концов… Ты же знаешь, в каком районе живем.

– Напрасно вы все же его в полицию… то есть в милицию не сдали, – высказался отдыхающий в шортах. – Вот сегодня он снова в чью-то машину полезет. Если уже не полез.

– А он что, не видел на машине абхазские номера? – удивилась Флора.

– Ха! А ты не знаешь, что некоторые приезжие уже покупают на время у гаишников наши номера?.. Да этому вообще, по-моему, все по барабану было: абхазские номера, российские…– махнул рукой Аршавел.

– Да, если доза срочно нужна… – усмехнулся курортник. – Мне пацаны с Северного Кавказа рассказывали, как их здесь разводили. Ехал на машине, за перекрестком их тормозят трое местных: «Вы на красный свет проехали. Штраф…». «Какой красный свет? И кто вы такие? Почему не в форме?». «Гони бабки и проезжай». «Ребята, вы что творите, мой двоюродный брат за вас тут воевал!».

– Да, и вот благодаря такой швали, – вздохнул Аршавел, – судят по Абхазии.

Анатолий решил позавтракать в прибрежном кафе на открытом воздухе. Он не захотел становиться на пансион у Манчи, чтобы не быть привязанным к этому дому: мало ли куда ему завтра захочется поехать. Да и, честно говоря, посмотрел вчера утром на размеры порций на столиках во дворе Манчи и подумал, что вообще-то собачка больше какает... Взял в кафе «лодочку» с яйцом, кофе и носталь-

гический пончик с заварным кремом. Когда вернулся, людей у «Волги» уже не было…

– Я вчера на экскурсии в вашем винном погребе был. Понравилось… Хотел бы купить баллончик вина.

Анатолий стоял вплотную к Манче, и пластиковый пятилитровый баллон, приобретенный в соседнем продуктовом магазинчике, который он держал перед собой, ласково похлопывая, почти упирался в необъятный живот собеседника.

Манче понравилось, что ему понравилось.

Подрожав, вспыхнули в погребке лампы дневного света.

Анатолий попробовал по очереди из трех пластиковых стаканчиков, которые Манча сноровисто наполнил из трех стоявших на столе десятилитровых бутылей, и безошибочно узнал то самое, понравившееся ему вчера вино.

– Шестьсот рублей с вас, уважаемый.

Странно, вчера, Анатолий хорошо запомнил, это вино по стольнику за литр продавали: любитель «Солнцедара» наполнил им вот такой же пятилитровый баллон. Ну да ладно…

Но расплатившись, он словно машинально отвинтил крышку баллона, плеснул вина из него в эту крышку и пригубил – будто пьяница конченный, который не мог утерпеть, пока донесет этот баллон до своих «покоев». «Ф-фу», – это было то самое вино, которое он только что забраковал, удивившись в душе, как это хозяину не стыдно продавать такой «уксус». Помимо прочего, неужели забыл, что Анатолий – его постоялец, не говоря уже о просьбе Зурика… Ну, наперсточник!..

Первым побуждением было перевернуть баллон и медленно – быстро не выльется – вылить его содержимое на пол. Но что-то помешало – даже просто отказаться от этого пойла и потребовать назад свои деньги. Впрочем, Манча ведь, как в старом анекдоте про Штирлица, «все равно вывернется». Перепутал, скажет, извини, скажет… Вот и

сейчас он и бровью не повел, когда Анатолий совершил «контрольную дегустацию». Будто ничего не видел и не понял.

Естественно, отпала и задумка о приглашении куда-нибудь на лоно природы дамочки из парка, которую он надеялся приятно удивить понравившимся ему вином.

…Ему интересно было поговорить о Манче с Флорой, которая как-то обмолвилась о его прозвище – «Полтора человека». Ну, это и за внушительные объемы его, и за то, наверное, что в свое время «пил ведрами». Со слов Флоры (надо было, конечно, учесть, что речь шла о ее работодателе), возникал такой его портрет: кутила, весельчак, хлебосол… «Да уж, хлебосол», – хмыкнул про себя Анатолий. А сотрудникам своего коллектива он – как отец родной. «Ага, добродушный такой, отходчивый, – уже вслух стал развивать эту мысль Анатолий. – Покроет, наверное, кого-нибудь из работников матом, но тут же, через минуту, об этом забудет... Помню, помню, как он вчера на вас орал. Из-за чего – не знаю». «А я вообще такого не помню», – поджала губы Флора.

А вечером следующего дня Манча сидел с друзьями в приморском ресторане «Рица». За их столиком на узкой веранде между стеклянной стеной главного зала ресторана и каменным парапетом, за обратной стороной которого на трехметровой глубине начинался галечник пляжа, то и дело звучали взрывы смеха.

– Ну, Родионович, ну, ты даешь… – выдавил сквозь слезы капитан милиции Астик. – А как ты их перепутал?

– Как, как… каком вверх… Я ж рассказываю: дождался московского поезда… Из третьего вагона вышли несколько женщин и один мужик. Одет прилично, в руке – портфельчик.

– Ага, и ты решил: раз портфель – значит, лектор. А не подумал, что нормальные курортники без нормального багажа не ездят?

– Погоди... Я тоже не носом воду пью, не ногой сморкаюсь… Слушай, как было. Я к нему подвалил: «Вы из Коврова, от Заура?». Мужик: «Да». Ну, ты бы засомневался? А он, сто процентов, подумал: «А что я теряю? Не буду спорить, а там посмотрим, куда дело вырулит». Устрица еще та… Я потом с ним не раз про Заура заговаривал, а он всегда технично от темы уходил... То есть умел травить, какой Заур хороший человек, но постоянно так было: «Ну, это я не знаю, я же у него дома не был… Ну, об этом мы с ним не говорили». А у меня тут так быстро освоился… и уже начал права качать. Утром заходит ко мне как в свою комнату: «Эх, сейчас бы пивасик засосать. Холодненький…». Потом ему вдруг загорелось в Кодорское ущелье поехать: кто-то рассказал, что там очень красивые места. Потом – на параплане полетать… Вчера мой Лесик, племянник, в Пицунду его повез, целый день туда-сюда катал. Ну, говорит, это было что-то с чем-то. Едем, говорит, мимо пансионата «Кудры», тот увидел вывеску и начал поучать: вот, мол, что значит нерусские писали. Что значит «кудры», если по-русски правильно «кудри»? Я, Лесик говорит, ему объясняю: Кудры – это Кодор по-абхазски, река у нас такая… «А-аа». Когда в Пицунде на рынок заехали, только Лесик отвернулся, так он жраланул какого-то пойла, которым наши «химики» отдыхающих поят. После обеда вообще его развезло. Лесик ему то и дело: неудобно, мол, – а он такой: «Неудобно дубленку в трусы заправлять». Потом сидят вечером в баре, а он: «Эх, сейчас бы еще девиц!». Ну, Лесик думает: только этого мне не хватало – проститутку сейчас тебе искать. Я уже, говорит, готов был встать перед ним «ласточкой», как пловцы в воду прыгают: «Ладно, давай уже меня…».

Астик захохотал.

– Короче, – продолжил Манча свой печальный рассказ. – Звонит мне сегодня утром из Коврова Заур: «Как там мой Анатолий Александрович отдыхает?». Какой такой Анатолий Александрович?» «Ну, профессор, которого я

просил у тебя принять». И тут до меня медленно доходит, как я лоханулся. Попросил внешность описать… Ну, точно, тот самый. Вот такой шибздик, – Манча с оскорбленным видом показал мизинец левой руки, который удлинял отрощенный по моде прежних лет ноготь. – Как раз в тот день нарисовался. Может, он при выходе из вагона задержался, может, по дороге в другой вагон почему-то перебрался… Потом, бедолага, по адресу меня нашел, а я его в чулан какой-то сунул. В самую занюханную комнату…

– Охренеть и не встать! А чего ж братуха ему твой телефон не дал?

– Как не дал? Но этот профессор, Флора говорит, жаловался, что у него еще в поезде мобильник пропал – то ли сам потерял, то ли украли. …Ну, короче, надавал я этому самозванцу с гитарой поджопников и выгнал. Он же, как все пензюки, птица гордая: не дашь пинка – не полетит. Ну, по крайней мере, в паспорте у него регистрация где-то в Пензенской области. И сам потом еще говорил: мол, мы – пензюки…

– Не пензюк он, а…

– Так я ему сразу то же самое сказал! А вообще это такая профура – мало ли он где раньше болтался. Говорит: «Я – перекати-поле от бабы к бабе». Думаю, в основном, он по жизни привык к бомж-пакетам «Доширак», а тут – солянка поварская, баранина в кляре… В самый сезон больше двух суток у меня бесплатно люкс занимал!

– Надо было эти деньги с него стребовать, – заявил Кубрыц.

– Я что, на крысу похож?.. Но самое, ребята, неприятное, что этот лектор, настоящий, к тому времени съехал. Я его даже не видел вчера, он к Флоре зашел, сказал, что в другое место перебирается…

Манча помрачнел и не стал рассказывать всего услышанного от Флоры. На самом деле «шибздик» хотел забрать деньги, которые заплатил за пять дней вперед, но она, естественно, не дала. У нас, мол, так не положено,

меня хозяин заругает. Ну, ладно, говорит, пусть тогда эти деньги на благо хозяину пойдут. Но передайте, мол, ему мою просьбу: не продавать больше разбодяженного вина. Знаток тоже… А на самом деле это вино просто кисловатое уже было, полбочки осталось, куда его девать… А некоторым «русо туристо» без разницы что пить, лишь бы с ног валило. Да, нехорошо, конечно, получилось. Пока он, Манча, этого пензюка по полной программе гулял, настоящий лектор из Коврова, хороший человек, у него как сверчок за печкой жил. Дела…

– Я уже обзвонил кого надо. Если где обнаружится, мне сообщат. Найду, извинюсь, объясню все, постараюсь компенсировать моральный ущерб… А то такой неудобняк перед Зауром получается… Там ведь в чем еще прикол? Когда этот лектор сказал, что он от Зурика, я сходу про Айба подумал, Зураба нашего, который в квартбюро. А Зуриками, сами знаете, и Зауров, и Зурабов зовут…

– Я сейчас вспомнил историю, которую Ашот любит рассказывать … Ну, из «Энергетика», помните? – заговорил Хута. – Это еще в советские времена было, когда пансионат только-только открыли и он престижным местом в Гагре считался. И приезжает как-то в инструктор ЦК ВЛКСМ, фамилию не помню, да и кому она сейчас нужна, но по тем временам большая шишка была. Приезжает в сопровождении завотделом обкома комсомола Тенгиза Чачибая, здоровенный такой был лабут, в два обхвата. Поездили по организациям, а после рабочего дня их, как было принято, «накачали». Причем так, что оба были в полном отрубе. Привезли их местные комсомольцы в «Энергетик», куда определили на ночь, и свалили, как дрова. Объяснили там только, что один из них – большой человек из Москвы, а другой – наш парень, местный. От самих ничего вразумительного добиться было невозможно, ну в пансионате и рассудили: кто большой, при галстуке – тот и «большой человек». Оттащили Чачибая

в заранее приготовленный для него люкс, уложили спать. А другого, невзрачного такого, в очечках, думают, куда? Мест в номерах больше нет… В общем, просыпается наутро «шишка» и ничего не может понять: над ним баскетбольное кольцо с сеткой, а вокруг раскладушки, раскладушки, раскладушки… Его решили, значит, в спортзале разместить, где еще человек двадцать спало. Короче, Чачибая еще полгода жил в ожидании кары: что вот-вот его в должности понизят.

…Когда официантка принесла счет, разгорелся ритуальный спор за право расплатиться. Единственным, кто в нем не участвовал, был Кубрыц – в силу своих мизерных финансовых возможностей.

– Всем сидеть! – рявкнул Манча, вытаскивая бумажник.

– Нет уж, сегодня я… – полез в задний карман брюк Астик.

– Так, успокойтесь все… – рылся в карманах Хута.

Но что-то неуловимое уже подсказало Манче, что сегодня в этом традиционном дружеском застольном споре вновь победит он.

*2013*

## НАВАЖДЕНИЕ

Капитан абхазской армии Беслан Амаба поднял глаза от карты на столе и уставился на щуплую фигурку, в тусклом свете керосиновой лампы топтавшуюся у входа. Наконец произнес: «Чего угодно я мог ожидать от тебя, Гебия, но только не этого. Ты долго думал? Ладно, иди отдыхай…».

Сказал и снова уставился в карту. Черные жгутики дорог, скопления оранжевых крапинок – села и поселки… Беслан был вымотан свалившимися на него в последние дни заботами и волнениями и в то же время доволен, что

начало операции – а комроты он был новоиспеченный – прошло без ЧП. Краем глаза видел, что рядовой первого взвода Джон Гебия продолжает стоять у дверей, и, плашмя бросив на стол толстый «командирский» карандаш, повернулся к нему всем корпусом:

– Ты что, в самом деле? Мы в наступление идем, а я тебя на неделю домой отпускать буду? Ну, подойди сюда… Что у тебя?

Он смотрел в серо-зеленые глаза Джона, на его бледное лицо со следами вулканической деятельности молодой плоти, рыжеватые жесткие кудри и силился понять, что с парнем. Если б сейчас перед Бесланом стоял кто-то ему незнакомый, он бы особо и не задумался над диагнозом: «окопная болезнь». Но Джона он знал, и знал как бойца ловкого, находчивого, бесстрашного, стойкого в лишениях – то есть одного из тех, на кого в бою только и надеяться.

– Заболел я. Сам не пойму, что со мной. Температуры вроде нет, а… Какие-то отключки.

– А может, просто очко играет? А? Честно скажи…

Беслан почувствовал, что его слова задели Джона. Это хорошо. В серо-зеленых глазах вспыхнула ярость, костяшки пальцев, которыми сжимал цевье автомата, побелели. Джон инстинктивно сделал шаг вперед.

– Ладно, чего ты сразу подкидываешься? Знаю, что не в этом дело. Но не могу я тебя сейчас отпустить, пойми, Джоник. Ты же не маленький ребенок. Представь себя на моем месте. Ты бы отпустил? Давай иди. Отдохнешь сегодня как следует, а завтра утром самому будет стыдно… Завтра нам еще топать и топать. Есть?

– Есть.

Джон еще на секунду замешкался, будто хотел что-то сказать, потом повернулся кругом и вышел.

Беслан Амаба снова уткнулся в карту, вертя в пальцах огрызок карандаша. Черные жгутики дорог, скопления оранжевых крапинок – населенные пункты…

***

Почти весь следующий день лил дождь. Дороги, по которым продолжала выдвижение рота, окончательно размякли. Увязая в их черном месиве, скользя и падая на крутых подъемах, попав пару раз под плотный гаубичный огонь, дотащились к вечеру до сельца, где им предстояло разместиться на ночлег. Над ближайшим холмом повисла роскошная радуга, и это было словно наградой распятым усталостью и близостью смерти людям за муки перехода.

Остановились привалом на околице разворошенного, разбитого прежними боями, обезлюдевшего села. Истерзанный недавним артобстрелом соседний сад источал гарь и дым. Потихоньку приходили в себя.

Джон Гебия, обычно неунывающий ни при каких обстоятельствах, выглядел потерянным и вялым, без аппетита поковырялся в разогретой на костре банке тушенки и долго в сторонке, прислонясь спиной к мшистому стволу старой груши, чистил автомат, разбирал и собирал его на мелкие бездушные детали, чавкал затвором.

Подошел его ближайший во взводе друг Андрей Самотейкин, казак из Волгоградской области. Подпрыгнув, ухватился за конец ветки грушевого дерева, пригнул ее, сорвал зеленый комочек – будущий плод. Надкусил и скривился, бросил. Уселся рядом.

– Джон, отгадай загадку. «Висит груша, нельзя скушать».

– Лампочка, – вяло ответил Джон, загоняя шомпол в гнездо.

– Не-а. Сдаешься?.. «Тетя Груша повесилась».

– Да пошел ты…

– Шучу. На самом деле я про эти груши, над нами, – в рот не возьмешь. Ну, что ты квелый такой? Все голова болит?

– Не знаю я… Сейчас ничего… А ночью не могу спать – всю дорогу кошмары, кажется, что нас грузины окружи-

ли. Ору, вскакиваю… Какие-то гонки у меня, Андрюха, начались.

– Ничего, – потрепал Андрей его по колену, – лучше гнать, чем быть гонимым.

Эту сентенцию он часто употреблял в ответ на популярное вокруг восклицание: «Ты что, гонишь?», но сейчас она была явно не к месту и, как все неуместное, не могла не вызвать у Джона раздражения.

– Ладно, завтра прибавишь сюда пару зарубок – и войдешь в норму, – не унимался Андрей, чиркнув веткой по прикладу автомата Джона, где красовалось пять сделанных ножом отметок. – Говорят, ты после каждой свечку в церкви ставил. Честно?

– Да ладно… Один раз поставил. Тоже дурь какая-то была.

Спать улеглись в заброшенной церквушке, считай – на свежем воздухе.

***

Ночь мягко толкнула его, и он полетел куда-то, как летает космонавт в кабине космического корабля. Казалось, этот полет-скольжение будет бесконечным, но потом вдруг состояние невесомости исчезло; ночь расступилась, и он сорвался вниз, в бездну.

Но, как ни странно, не разбился. И тогда он понял, что умеет летать. Надо только хорошо разбежаться и изо всех сил замахать руками. И главное – сразу набрать побольше высоты, потому что потом ноги начинают наливаться тяжестью, как гири, и тянут вниз, к земле. И вот уже какие-то злобные люди бегут за ним в утренних сумерках, хватают его за ноги. Вернее, пытаются схватить, потому что каждый раз он неимоверным усилием всего тела взмывает вверх. Но силы уже на исходе. Надо во что бы то ни стало набрать высоту, чтобы улететь далеко – вне пределов досягаемости этих людишек… Перелететь вот тот темнеющий на горизонте лес.

И он перелетел лес. А за лесом – залитый солнцем деревянный дом с широкой резной верандой. Дом его детства, понимает Джон, хотя никогда в нем вроде и не жил. А дальше, за домом такой простор, такие поля… «Пойдем жарить кукурузу», – зовет его маленькая двоюродная сестра Асмат, сгоревшая потом в вертолете над Латой. И он, поворачивая над костерком за домом наколотые на острые прутья кукурузные початки, взахлеб рассказывает ей, что умеет теперь летать, но это тайна и она никому не должна о ней говорить.

А потом он вдруг видит, что Асмат – это уже и не Асмат, а тот грузинский гвардеец, здоровенный парень, которого он убил в начале войны во время вылазки за Гумисту. Страшно было не убивать, страшно было потом слышать издаваемые горлом умирающего звуки: «х-р, х-р!» и видеть застывшую на лице маску ужаса и предсмертную дымку, подернувшую глаза… (После того случая кто-то надоумил Джона, и он, никогда не ходивший в церковь, пошел в Гудаутский храм, поставил для успокоения души свечку).

…Оживший гвардеец тянется к нему длинными руками, хватает за горло, начинает душить. Джон слабо отбивается, кричит…

Он очнулся в темной церквушке, посреди спящих товарищей. Рядом блестели чьи-то испуганные глаза:

– Кто тут орал, я его!..

Потихоньку успокоился, и сознание снова стало заволакивать туманом сна.

Он убегал куда-то по полю в выбоинах и рытвинах – уже с полной выкладкой, а за ним гнались грузины в пятнистой форме. Их все больше и больше – похожих на крупных крыс. Джон пытается взлететь, но у него ничего не получается. Единственная надежда на спасение – это остановиться, занять оборону за тем бугорком – и стрелять, стрелять, стрелять…

***

Джон Гебия вскочил, издав клекочущий крик, когда в здании церквушки уже хозяйничали рассветные лучи. В руках у него бился, ходуном ходил автомат, расплескивая вокруг горячий металл. Пахло порохом, сыпались гильзы… Трое спящих так и не проснулись, четвертый упал с пулей в сердце, едва успев подняться. Пятый и шестой отползали к выходу, истекая кровью, оставляя на каменных плитах мокрые следы…

Первым из вскочивших осознал все Андрей. Страшный набрызг на стене – из крови и мельчайших кусочков мозга, безумные глаза Джона и его лицо, похожее на огромный багровый пульсирующий нарыв, грохочущий в его руках автомат, крики ужаса, заполнившие церквушку, мешаясь с предсмертными хрипами, красный фонтанчик, бьющий из груди огромного бородатого бойца, который лежал навзничь, касаясь кудлатой головой ног Антона, и шевеление в разных углах церквушки, где поднималось десятка два голов, – отразившись в сетчатке его глаз, картина эта мгновенно включила цепочку отработанных до автоматизма движений: автомат в руке, палец на предохранителе, передернутый затвор и безостановочная, на полрожка, очередь с колена.

Когда нашпигованное свинцом тело Джона Гебия рухнуло на пол, в церквушке, кроме него, в лужах крови лежало шесть трупов.

***

Андрей был убит через день в ожесточенном бою за соседнее село Шрому. Говорят, все время до этого его не покидала безумная идея поехать на похороны Джона и «получить прощение» от его родителей.

*2003*

## КРАСАВИЦА НИСФА

Нисфа умерла под утро, во сне. Накануне вечером у нее поднялось давление, но «скорую» вызывать не стала: пожалела лежавшую под подушкой мятую пятидесятирублевку, которую полагалось сунуть в карман врачихе. Ночью ее долго мучили витиеватые сны, а около пяти утра она тихо вскрикнула, и *душа ее отлетела.* Очень давно, еще в молодости, Нисфа прочитала это выражение в какой-то книжке и теперь не могла не подивиться его точности. Ей показалось, что она превратилась в облачко, которое устремилось вверх, к потолку комнаты. И застыло там, в недоумении разглядывая раскинувшееся на постели немощное тело 83-летней старушки, седые космы ее волос, дряблые впавшие щеки...

Ей повезло: именно в это утро к ней зашла пьяница-санитарка Люда из первого подъезда – единственная из соседей, кто в последнее время появлялся в ее квартире: простирнуть за минимальную плату что-нибудь из белья, прибрать, искупать ее. Душа Нисфы несказанно обрадовалась приходу санитарки, потому что ее уже давно пугала картина: она умрет, и тело ее будет лежать в запертой квартире и сутки, и неделю, и две, пока соседи не обратят внимание на идущий из-за двери трупный запах. Ведь к ней давно уже никто из них не заходил: последние два-три года старая Нисфа прожила ненавидимая всеми и ненавидящая всех. Из родственников у нее тоже почти никого не осталось, только Рауль, муж племянницы, заходил время от времени, оставлял немного денег и продукты...

А Люде она месяц назад дала ключ от квартиры, и та, обнаружив в постели похолодевшее уже тело, всплеснула руками, заголосила – все, как положено. Собрались соседи по дому, быстро обмыли ее, причесали, одели в хранившуюся на этот случай в платяном шкафу новую одежду.

А душа Нисфы ревниво наблюдала сверху за тем, кто из соседок пришел, а кто нет, у кого какое выражение лица

и кто что говорит. Вот ближайшая соседка Анжела прибежала-таки, бессовестная, больше всех хлопочет или вид показывает... Вот Фируза приковыляла со своей клюкой, заплакала. Ну, она-то, конечно, искренне плачет... И такая взяла досада, когда одна из новых соседок, молодая крикливая особа с четвертого этажа распахнула настежь окна на кухне – и потянувшим сквозняком душу Нисфы, словно воздушный шарик, выдуло на улицу и выше, в небо, и она навсегда потеряла из виду тех, кто оставался на Земле. Интересно, а как же Рауль с Лианой: успели им уже сообщить и когда они придут? Как жаль, что последний ее разговор с Раулем вышел такой нехороший...

Через какое-то время Нисфа вдруг обнаружила, что поднимается вверх не сама по себе, а ее поддерживают под руки два белоснежных ангела с прекрасными лицами и большими, похожими на лебединые крыльями. И сама она уже вроде бы как и не облачко, а одетая в светло-голубой балахон девушка, какой была в пору расцвета молодости и красоты.

«Куда они меня?» – думала Нисфа, пока окончательно не убедилась, что место, куда они прибыли, –это и есть рай. Рай чем-то напоминал ей Сухумский ботанический сад – такие же ухоженные аллеи, диковинные деревья и кустарники. А еще – цветы невообразимой красоты, сверкающие на солнце то тут, то там фонтаны и нескончаемое пение птиц. И первой мыслью, посетившей Нисфу, была торжествующая мысль о толстой Софе из второго подъезда, которая не так давно, покраснев и задыхаясь, кричала ей в лицо: о душе, мол, надо думать, о душе; неужели, мол, Нисфа не понимает, что скоро ей гореть в аду, неужели не боится этого? А оно-то как раз все наоборот вышло!

Мимо Нисфы по аллеям рая медленно гуляли, почти скользили по воздуху люди в таких же, как у нее, балахонах по щиколотку; лица некоторых из них порой казались ей знакомыми. Но поговорить с ними, выяснить что-то было невозможно: они, как и сама Нисфа, были лишены дара речи.

И оставалось ей во время этих нескончаемых прогулок по прекрасным аллеям рая (прогулки не было необходимости прерывать ни на еду, ни на сон) лишь вспоминать свою земную жизнь.

Детство и юность, проведенные Нисфой в родном селе, очень напоминали ей то место, где она сейчас находилась. Такое же обилие солнечного света, зелени, такие же беззаботность и покой. Нежные руки мамы, колючие седые усы отца, которые всегда заставляли ее, маленькую, убегать, когда он целовал ее в щеку. Беготня с сестренками и братом по огромному двору и ольшанику, который начинался сразу за плетеной кухней – амацуртой. Море было в двух-трех километрах от дома, и, когда оно штормило, брат пугал ее, четырехлетнюю: «Вот море придет и затопит нас». И она верила и трусила. А старшая сестра росла такой егозой! Как-то дядя, папин старший брат – он жил неподалеку от них – лежал в своем саду на расстеленной бурке, а она начала прыгать через него, как коза. Дядя старенький был уже, больной, просил: «Не надо!», – а та все не унималась. Как мама тогда от души ей надавала!..

Нисфа была самой младшей в семье, самой красивой, ласковой и самой любимой родителями. И когда в доме время от времени заходили разговоры о происходивших в округе случаях умыкания девушек, всегда при этом невольно подразумевалась опасность, грозящая именно Нисфе.

Старшая сестра, далеко не красавица, вышла замуж в двадцать один год и уехала в отдаленное горное село. Средняя тоже вскоре вышла замуж, но умерла при родах. Брат уехал учиться в Сухум, остался там работать и женился.

И хотя Нисфа была уже на выданье, в доме по-прежнему боялись ее замужества: родители постарели – кто б еще за ними присмотрел... Да и не хотели, естественно, отдавать первому встречному.

Как-то в селении остановилась на ночь воинская часть. В их доме расквартировали отделение, и пока солдаты спали вповалку на полу, молодой лейтенант, по национальности туркмен, с которым хозяева дома засиделись у горящего камина, все разговаривал с Нисфой. «Что, что он тебе говорит?» – нервничала старенькая уже мама, которая так и не выучилась русскому. «Рассказывает о своей службе», – смущалась Нисфа, хотя на самом деле туркмен только и делал, что восхищался тем, какая она хорошенькая, и предлагал уехать с ним в солнечный Туркменистан. «У нас в Абхазии тоже солнца хватает», – смеялась Нисфа. Туркмен ей совсем не нравился, но чтобы не обидеть гостя, она не хотела ему грубить. Наутро часть двинулась дальше, но вскоре от туркмена стали приходить письма, в которых он умолял Нисфу стать его женой. «Как я могу оставить родителей, всех своих близких?» – уклончиво писала ему Нисфа. На что туркмен отвечал: «Так я и к вам могу переехать. Вся обширная Советская страна является для меня Родиной». В конце концов, Нисфа написала ему правду – что не любит его, добавив неправду – что у нее есть жених; и он перестал писать письма.

А вот колхозного их бригадира Ардашина она действительно любила. И он от нее при случайных встречах на свадьбах да похоронах не мог глаз отвести. Но вмешалась невестка, жена брата: откопала какую-то давнюю историю вражды их семей, стала поливать Ардашина грязью и настраивать против него родителей Нисфы. И та передала Ардашину через доверенную подругу: «Какое «замуж» может быть, меня мои родные убьют...». Ардашин отреагировал так, как отреагировали бы, наверное, многие: оскорбился и вскоре женился на другой односельчанке. Нисфа тяжело переживала эту историю. Ей долго вспоминался случай, когда она встретилась в центре села с матерью будущей жены Ардашина и та вдруг ни с того ни с сего вырвала у нее из головы волосок: торчал, мол, как-то отдельно от других. А было это как раз накануне того дня,

когда она должна было передать Ардашину ответ через подругу... «Заколдовала, заколдовала, заколдовала меня», – стучало в висках.

Но колдовство этой старой ведьмы не принесло счастья ее дочери: Ардашин от нее сбежал и уехал в какие-то далекие края.

Родители Нисфы умерли один за другим, когда ей было 27 лет. «Жили счастливо и умерли в один день», – так обычно заканчиваются сказки. Но это сказки, а у Нисфы жизнь еще только начиналась. Старшая сестра с мужем забрали ее к себе в Очамчыру, куда они к тому времени перебрались. Нисфа устроилась лаборанткой на чайфабрике, в свободное от работы время помогала сестре по хозяйству. На чайфабрике многие мужчины к ней приглядывались, но она ни на ком так и не остановилась. Один парень, абхазец, из роллерного цеха, был ей, в общем-то, по душе: веселый, добрый, но одно не нравилось – когда смеялся, «рот некрасиво открывал», то есть слишком широко, обнажая верхние десны. Очень долго добивался ее начальник ОТК, русский – высокий, плечистый, представительный дядечка. Но как в то время считалось? Стыдно, сразу заподозрят плохое: выходит за русского, чтобы свой грех скрыть, русскому, мол, без разницы, девушкой замуж идешь или нет.

Да и сестра с мужем очень уж требовательны к ее ухажерам были. Позднее Нисфе стало казаться, что им совсем не хотелось отдавать ее кому-то, потому что ее присутствие в доме их очень устраивало: она крутилась на кухне, стирала, ухаживала за тремя их сыновьями-оболтусами...

Когда Нисфе было тридцать четыре года, в начале зимы ей дали профсоюзную путевку в гагрский санаторий. В ту пору она была еще очень интересной женщиной. Отдыхавшие в санатории мужчины – и местные, и приезжие – так и увивались вокруг, глядя на ее белоснежные зубы, ровный, аккуратный носик, высокую грудь и узкую,

перехваченную черным лакированным пояском талию. Но когда узнавали, что она незамужняя абхазка и строгого поведения, быстро к ней теряли интерес. Как выразился о ней заведующий санаторским пищеблоком: «Там ловить нечего». А вот один так и не отставал от Нисфы до самого ее отъезда. Звали его Заур, он был лет сорока пяти, вдовец, по профессии агроном. Чуть ли не на колени вставал – уговаривал уехать к нему в горное село Отхару. Но Нисфа к тому времени уже, как говорится, «поумнела»: то один, то другой недостаток в нем замечала. Да и при мысли о пересудах на чайфабрике ее охватывала неловкость: ну вот, скажут, поехала в санаторий мужчин цеплять!..

Не сказать, конечно, что Заур ей не нравился. И даже то, что у него двое детей-старшеклассников, не смущало: как будто до этого троих племянников как своих родных детей не воспитывала! И она уже стала колебаться, но агроном сам все испортил, когда, устав ее уговаривать, выложил в сердцах, как оказалось, последний свой аргумент: «Ты же уже не молоденькая! Смотри, красота – товар скоропортящийся, не прогадай!».

Нисфа зарделась, но ничего не сказала, а следующим утром спозаранку уехала из санатория, хотя до окончания путевки оставалось еще три дня...

Спустя десять лет тяжело заболел брат Нисфы, к тому времени уже разведенный. Очамчырские племянники ее выросли и разъехались – кто учиться, кто в армию, так что сестра с мужем уже не так за нее держались. Брат протянул еще четыре года и умер у нее на руках. И осталась Нисфа одна в его сухумской двухкомнатной квартире.

Устроилась швеей на галантерейной фабрике. И даже после того, как вышла на пенсию, работала еще пять лет. Старела, ездила по похоронам, изредка навещала сестру в Очамчыре... В доме, где жила, наиболее близкие отношения у нее сложились с соседкой по лестничной клетке Анжелой, которая лет на двадцать пять была моложе Нисфы. Сдобная крашеная блондинка Анжела любила, отправив

утром мужа на работу, а двоих детей – в школу, покофейничать у Нисфы, посудачить о соседях и поделиться своими сердечными тайнами. Анжела была натурой влюбчивой, и время от времени у нее случались романы. Возможно, ей доставляло особое удовольствие пересказывать интимные подробности своих свиданий с любовниками старой деве, даже поддразнивать ее этими подробностями. А потом жизнь Анжелы пошла под откос: умер от инфаркта муж, сын угодил в тюрьму, кроме того, она сильно переживала из-за неудачного брака дочери. Не везло ей и в коммерции, которой занялась в последние годы.

Отношения Нисфы с Анжелой не были ровными: времена, когда они были не разлей вода, сменялись размолвками, ссорами, а то и периодами лютой вражды. Впрочем, то же самое все чаще происходило у Нисфы и с другими соседями. Как-то Рауль, в очередной раз застав ее накладывающей мамалыгу уборщице Ларисе из первого подъезда, усмехнулся: «Ой, боюсь я, тетя Нисфа!». «Чего, цаца?». «Эта Лариса у тебя в последнее время днюет и ночует. А чем больше с кем-то не можете друг другом натешиться, тем громче потом трам-тарарам бывает». Нисфа сильно тогда на него обиделась, но уже через пару месяцев с гневом рассказывала Раулю, что Лариса оказалась воровкой: после одного из ее визитов в квартире пропала кофемолка, и теперь ее ноги здесь больше не будет. Потом, правда, выяснилось, что кофемолку Нисфа одолжила другой соседке и напрочь об этом забыла; но за время разбирательств они с Ларисой успели так наоскорблять друг друга, что о мире не могло быть и речи.

С добродушной женой таксиста Фирузой с третьего этажа приключилась другая история. Как-то они, несколько женщин, сидели по-соседски, пили кофе, чесали языки о том о сем, естественно и о мужчинах тоже. И вот Фируза возьми и брякни то ли в шутку, то ли всерьез: «А давай, Нисфа, тебе какого-нибудь старичка найдем!». Что после этого с Нисфой было! «Как она посмела сказать «старич-

ка»!» Большинство, конечно, ничего не могло понять: ведь Нисфе было тогда шестьдесят, не за молодого же собиралась выходить замуж! То есть, конечно, ни за кого она выходить уже не собиралась, и сам по себе разговор на эту тему мог быть воспринят ею как неуважительный, но ведь факт, что возмутило ее именно слово «старичка»...

Самое обидное – а может быть, это и закономерно – то, что именно с Фирузой она перед тем сильно сдружилась.

...В последние годы дом наполовину опустел. В конце и сразу после войны его покинули почти все грузины, а новых жильцов появилось немного – пятиэтажка их была не элитная и не в престижном районе. В подъезде Нисфы на каждом этаже были заселены одна-две квартиры – не больше. Казалось бы, все старые недоразумения, ссоры и обиды должны были забыться, но удивительно – чем более дряхлела и слабела Нисфа, тем все более невыносимым, по мнению соседей, становился ее характер. Она уже еле ползала по этажам со своей палкой, но время от времени умудрялась затевать скандалы со всеми жильцами. Если с кем-то ссорилась, то начинала обходить все квартиры, рассказывать о своих обидах и требовать, чтоб обидчика наказали, перестали с ним разговаривать... От нее шарахались как от зачумленной, не открывали ей двери, когда она начинала стучаться, чтоб довести до конца начатый накануне спор. Даже когда она спускалась вечером посидеть во дворе на лавочке, все обычно расходились, лишь маленькие дети продолжали играть рядом, и она с ними разговаривала.

Однажды, спускаясь во двор, она упала на лестнице и сильно ушибла плечо, думали – перелом. Перелома, к счастью, не оказалось, но полтора месяца она пролежала в постели почти неподвижно. Рауль хотел было нанять сиделку, но Нисфа настояла, чтобы он привез из Очамчыры Мимозу, дочку ее племянника (к тому времени сестра ее давно уже умерла, двое племянников жили где-то в России, а отец Мимозы погиб на войне). Мимоза кормила ее с ложечки и выносила из-под нее судно, но поч-

ти все остальное время просиживала у соседки Анжелы, где смотрела телевизор и, по выражению Нисфы, «делала ляй-ляй». Нисфа бесилась и жаловалась на Мимозу Раулю, который время от времени заходил к ней. Поскольку Нисфа и раньше просила его принести какой-нибудь «телевизорчик» (старый давно и безнадежно испортился), Рауль привез недорогой черно-белый б/у, но Мимоза по-прежнему предпочитала сидеть у соседки. Дело кончилось тем, что однажды они сцепились и Нисфа расцарапала Мимозе лицо. Мимоза собрала вещи и вся в слезах уехала в свою Очамчыру. Пришлось-таки нанимать сиделку, которая, впрочем, тоже долго не выдержала постоянных к ней придирок. Слава Богу, Нисфа к тому времени уже оклемалась и снова стала ходить.

В последние месяцы она почти не выходила из квартиры и, когда не спала, в основном лежала на постели, глядя в потолок. Телевизор ее не занимал, и она почти его не включала. Читать книги ей, как бывало раньше, тоже стало неинтересно. Она или вяло вспоминала прожитые годы, или начинала звонить по телефону. Анжела, услышав ее голос, сразу же бросала трубку, и тогда Нисфа, разузнав через «09» номера телефонов ее дочки и ближайшей подруги, стала регулярно названивать им и рассказывать «всю правду об этой проститутке». Дочка в конце концов однажды разрыдалась и начала умолять Нисфу не звонить ей больше. А подруга Анжелы накатала жалобу на работу Раулю (чтобы он подействовал на свою полоумную родственницу) и вместе с Анжелой стала собирать подписи соседей, чтобы Нисфу поместили в психбольницу.

И именно со всем этим был связан тот ее последний разговор с Раулем, который оставил у Нисфы такое горькое воспоминание.

...Как только Рауль зашел в комнату, она попросила его присесть у кровати: поговорить, мол, надо. Рауль с обреченным видом, опустив голову, примостился в кресле. Она начала с упреков: почему он «не мужчина», почему

не защищает ее, почему не пойдет и не пригрозит, что оторвет голову этой Анжеле, Софе и прочим? Рауль долго молча слушал, но потом не выдержал:

– Тебя защищать? Так это их от тебя надо защищать! Тетя Нисфа, но тебя же никто не трогает, а ты ко всем цепляешься, всех изводишь. Ну, успокойся, наконец... Зачем ты дочке Анжелы звонила, всякие гадости про мать ей говорила?

– Гадости? – вскипела Нисфа. – А что, неправда это? Она же сама мне когда-то рассказывала, как любовник ее в Москву возил, в ванной там купал... Я правду люблю! Я ей еще не так отомщу...

– Послушай, – лицо Рауля искривилось, как от зубной боли. – Ну, зачем тебе это надо, что ты копаешься в том, что было тридцать лет назад? Ей уже шестьдесят, у нее и так горя хватает... Что ты сейчас от нее хочешь? Чтоб она к тебе заходила? А как она к тебе зайдет, если ты ее на каждом углу проклинаешь и позоришь? Да к тебе уже самые последние люди отказываются заходить. Пьяница Коля заходил – за стаканчик водки хоть в магазин за хлебом сбегает, бачок в туалете исправит... Так и он теперь божится, что не зайдет: ты же его оскорбила, а потом еще всем соседям звонила, поносила его. Из-за чего? Из-за того, что он несколько дней к тебе не заходил.

В общем, дело закончилось тем, что Нисфа замахнулась на Рауля палкой и стала угрожать: вот, мол, два месяца назад приходили какие-то двое из органов, смотрели ее документы, спрашивали, не обижает ли ее кто – короче, вроде бы как она на него им пожалуется... Ерунда, конечно, какая-то, в сердцах сказанная. Да если б не Рауль, как бы она все эти годы жила? Хоть он и не кровь ее... Лиана-то, родная племянница, брата дочка, сколько уже лет носа не кажет, на болезни свои ссылаясь…

Сколько времени Нисфа бродила уже по аллеям рая: час, сутки, год или сто лет – понять было невозможно. По-

рой ей казалось, что в толпе безмолвно скользящих мимо мелькают лица умерших в разное время ее отца, матери, сестры, Заура, Ардашина... А может, они были только похожи на тех, кого она знала при жизни? Как бы то ни было, но законы того места, где она находилась, не позволяли им не то что говорить, а даже просто остановиться, чтобы разглядеть друг друга.

А однажды она была неприятно поражена, увидев в толпе лицо своей соседки Анжелы, а спустя какое-то время – и Софы. Прежде-то Нисфа думала, что раз она здесь, то этим стервам наверняка сейчас в аду черти должны пятки поджаривать, а вышло как-то непонятно...

Несколько раз Нисфа оказывалась у высокой железной ограды, за которой была часть парка, куда ни она, ни другие души умерших не могли попасть. Росло беспокойство: а что же там? И однажды, решившись, она свернула с аллеи и начала изо всех сил толкать маленькую железную калитку в этой ограде, но та оказалась наглухо приваренной к ней. Толкала, пока из глубины потусторонней части парка не появился встревоженный ангел – один из тех, кто сопровождал ее сюда с Земли, а, может быть, и не он: все ангелы были неотличимы на вид друг от друга.

– Почему я не могу пройти в ту часть парка? – неожиданно сама для себя заговорила Нисфа. – Что там находится?

И неожиданно ангел стал объяснять ей, что там обитают души не родившихся людей. То есть они могли бы родиться, но так уж сложилось, что не появились на свет... Больше того, ангел пообещал, что проводит ее в ту часть парка, но с условием, что это будет в первый и последний раз.

Они двинулись в сторону густых зеленых зарослей, из-за которых слышались детские голоса. Потом взгляду Нисфы открылся сельский дом с просторной деревянной верандой, на которой стоял накрытый стол. Они поднялись на веранду, и она увидела, что на столе стоят чашки с

недопитым чаем, вазочки с вареньем, а стулья вокруг стола пусты... Но тут вдруг раздались шум, топот, со двора на веранду взбежала целая ватага ребятишек и с криком: «Мама, мама!» – бросилась к Нисфе. Ангел к этому времени куда-то исчез, будто растворился в воздухе.

Нисфа в растерянности опустилась на стул. Бойкий малыш лет четырех с черным ежиком волос мгновенно взобрался к ней на руки и, обняв ее пухлыми ручонками за шею, стал осыпать поцелуями. Девочка с русой косой обняла ее за колени и заплакала. Нисфа и сама не могла сдержать слез:

– Что вы, миленькие, у меня же никогда не было детей!

Ребятишки – их было не меньше двадцати – тут же загалдели, что-то объясняя Нисфе. А когда галдеж смолк, мальчик со светлыми кудряшками сказал:

– Да, нас не было, но мы могли бы родиться, если бы ты, мама, захотела этого.

Нисфа смотрела на него и удивлялась тому, как он похож на Заура из села Отхара: такая же ямочка на подбородке, такие же широкие густые брови.

– Здесь и дети твои, мама, и внуки, и правнуки, – продолжал мальчик. – Ни у кого из нас нет имени, но мы знаем, кем кто мог бы стать, если б родился и вырос. Вот она, – кивнул он на худую длинноногую девочку, – была бы прекрасной танцовщицей, участницей Госансамбля. А этот, который обнимает тебя за шею, твой и Ардашина внук, – известным ученым. А вот этот «рыжик» – шеф-поваром ресторана...

Рыжеватый мальчик, который стоял слева от говорящего, засмеялся, и Нисфа увидела, что его десны при этом обнажаются точь-в-точь как у того, который работал на чайфабрике в роллерном цехе и долго ухаживал за ней.

Дети снова загалдели, каждый лепетал что-то свое. А у Нисфы из глаз так и брызнули слезы. Она обнимала детей, целовала их в глаза, щеки, прижимала к груди...

И тут она проснулась в палате гагрского санатория. На

тумбочке трезвонил, заливался будильник, который она завела на шесть тридцать, чтобы успеть на первый автобус и чтобы никто в санатории не начал расспрашивать, почему она уезжает на три дня раньше конца путевки. На соседней кровати недовольно заворочалась отдыхающая из Запорожья, которую к ней подселили неделю назад. Нисфа нажала кнопку будильника и несколько минут лежала на спине, приходя в себя. Потом сорвалась с постели, включила в комнате свет и рывком открыла зеркальную дверцу шифоньера. На нее смотрело лицо красивой молодой женщины, почти без морщинок, с пунцовыми губами и черными стрелками бровей.

И тут ее пронзила мысль: а что, если Заур, обидевшись на нее, решил, как и она вчера по глупости, уехать раньше срока? Натянув платье в крупный синий горошек, накинув пальтишко, выскользнула на крыльцо корпуса и засмеялась от счастья и неожиданности: все Жоэкварское ущелье было белым-бело от выпавшего за ночь снега.

...Старая Нисфа умерла около одиннадцати утра после того, как ее всю ночь мучили сновидения. А потом еще несколько часов она лежала в беспамятстве, и из тела ее выходил смертельный пот. На самом деле санитарка Люда зашла к ней только через два дня, и в комнате уже чувствовался трупный запах. Нисфа лежала на спине, а на губах ее застыла счастливая улыбка.

*2005*

## НОВАЯ ЖИЗНЬ МЭРИЛИН МОНРО

– Кристина, значит, как я понял, в прошлом году вы окончили колледж и работаете сейчас бухгалтером. Сколько вам лет? Двадцать один?.. Я-асненько… Скажите, а вы помните момент, когда впервые почувствовали это?.. Или оно, осознание этого… э-э… всегда как-то… жило в вас?

Они сидели на старом диване с тускло-зеленой вытертой обивкой, в темной, убого обставленной комнатушке. Кристина говорила монотонно, почти без пауз. Время от времени Шулякова подводила расслабляющая мысль о том, что все записывается на диктофон, и смысл ее речи вытеснялся из сознания воспоминаниями об утренних событиях в редакции.

О том, как редактор грозно напомнил на планерке, что он, Шуляков, так и не подготовил еще к печати читательское письмо для пятничной подборки, и как он не сдержался – а сколько раз просил, умолял, заклинал себя: «Молчи, молчи в таких случаях!» – и заспорил. Мол, он накануне был отвлечен на срочное задание, и вообще ему надоело переписывать безграмотную и бессодержательную белиберду старых «активистов газеты». Мы что, мол, обязаны печатать всех, кто пришлет свои каракули на предмет напечатать? И так нас уже называют «газетой пенсионеров и чиновников», говорят, что она похожа на серую, наглухо застегнутую шинель, что мы работаем по советским лекалам… И как, естественно, редактор после этого разорался, принципиально не глядя на него, а обращаясь к коллективу. Мол, как бы ни витийствовали тут некоторые бездельники, которые хотят выглядеть умниками, наша газета никогда не превратится в «нужник» (намек на вечно оппозиционную «Нужную газету») и не скатится в огульное критиканство, мол, мы крепили, крепим и будем крепить связь со здоровой частью читательской аудитории… «Здоровая часть» – это как? – снова не выдержал Шуляков. – А если человек простудился и затемпературил – так он нам уже и не нужен?». Довольно неудачно, конечно, сострил, что не замедлил отметить ответственный секретарь. «Ну, хорошо, – буркнул Шуляков. – «Здоровая» – это та, которая старательно колеблется вместе с генеральной линией правительства?».

И как потом, готовя-таки то самое чертово письмо, то есть пытаясь придать дерьму хотя бы форму конфетки,

вгрызаясь в другую редакционную работу, он продолжал мысленно собачиться с редактором.

Надеялся, что запланированная на вторую половину рабочего дня поездка к странной девушке, живущей на Маяке (наметил эту дарящую отдохновение тему еще в начале недели), отвлечет, наконец, его. Но раздражение и недосказанные утром слова все всплывали из глубины сознания даже сейчас, во время разговора с Кристиной – в «прошлой своей жизни», по ее утверждению, голливудской звездой Мэрилин Монро.

«Мурлин Мурло» – так, помнится, называли в детстве Сергея Шулякова дурнушек (а порой и не совсем дурнушек) с необоснованными претензиями. И глядя сейчас на эти толстые, неспешно шевелящиеся губы, на серую нечистую кожу лица, похожую на влажное вафельное полотенце, которым только что вытерлись, на еле видные светлые бровки, вспоминая ее неуклюжую тяжеловесную – вроде куля с песком – фигурку (именно такой она запечатлелась в памяти, когда шла открывать ему калитку), Шуляков подумал: не может быть, чтобы злоязыкие знакомые, если они слышали о ее «прежней жизни», ни разу не съехидничали: «Мурлин Мурло»… И лишь руки Кристины – породистые, безупречной лепки, с длинными пальцами и аккуратно закругленными узкими – но в меру – ногтями, замечательно красивые нежные юные руки, которые она часто мяла, когда начинала говорить, – резко контрастировали со всем остальным в ее внешнем облике. Да еще, может, золотистые волнистые волосы, спускавшиеся чуть ниже плеч…

– А потом он начал хватать меня за интимные места… Потащил в спальню, повалил на постель, разорвал трусики…

Ах, да, она же рассказывает сейчас о том, как ее, когда ей было пятнадцать, пытался изнасиловать отчим. Матери дома не было, Кристина готовила уроки, а он пришел домой пьяный и начал сперва гладить, целовать ее будто

дочку, а потом накинулся… Хм, в этом месте его текста редактор наверняка насторожится и упрется: «А у тебя есть решение суда, где он признан виновным в попытке изнасилования? А если он на нас подаст в суд за клевету?». Ах, да, отчим-то уже умер, теперь на него все можно спокойно валить… Впрочем, а будет ли еще сам этот текст? Хотя в любом случае что-то да напишется – не хватало еще, чтоб попусту сюда тащился… А как, однако, она все это рассказывает – так размеренно, спокойно… Можно сказать – заученно, будто школьница, вызубрившая домашнее задание. Или это просто такая у нее бесцветная манера говорить? И одновременно – довольно-таки раскованно для ее возраста, без волнений и запинок… Хотя рассказывает мужчине вдвое старше себя… Речь замедленная, но такая безостановочная, что и вопрос, когда захочешь, никак не вставишь…

– Вообще-то он всегда был тихий. И пил редко. А тогда от него так мерзко пахло… и вообще он напоминал грязное вонючее животное. Я чуть не задохнулась от отвращения и на миг, кажется, потеряла сознание. А потом – собрала все силы и вырвалась. Напоследок так его пихнула, что он сел на пол. Убежала за наш участок, спряталась там в зарослях ежевики. И вот после этого стресса, когда лежала там на траве, мне стало припоминаться, будто со мной все это когда-то уже было. И именно в детстве. Но в каком-то другом, не этом детстве. Начала вспоминать детали – и все одно за другим потянулось… Вы не поверите, но сейчас я вспоминаю о том дне – и даже чуть ли не благодарна отчиму, что он разбудил мою память… Ну, дал, можно сказать, ключ к моей прежней жизни. Я была так этим тогда потрясена, что даже ничего не сказала матери, простила его, хотя сердце до сих пор саднит. И он никогда после этого ничем не напомнил о том, что было...

– И ты сразу поняла, что ты – именно Мэрилин Монро? – незаметно для себя перешел он на «ты».

– Нет, в тот момент я этого еще не поняла. Но через несколько месяцев увидела по телевизору фильм «В джазе только девушки» и узнала там себя… Вы видели этот фильм?

– Да, еще в детстве. Это он в нашем прокате так называется, а вообще-то его название – «Некоторые любят погорячее».

Господи, как же давно это было! И какие неожиданно ностальгические чувства разбудило в Шулякове упоминание о нем – одном из немногих, если не единственном фильме в советском кинопрокате, где играла Мэрилин Монро! Только тогда он имени такого не знал. Сколько им с мальчишками было: по одиннадцать, двенадцать? Смотрели, веселились… Уже тогда этот фильм воспринимался как старый, очень старый. А Кристиночки тогда, конечно, и в проекте еще не было…

– В общем, хотите верьте, хотите нет, но я смотрела на Мэрилин Монро, смотрела, как она играла в этом фильме, восхищалась ею и – вспоминала каждое слово, каждый жест, как я их когда-то репетировала! Во мне все перевернулось, какой-то внутренний голос подсказывал, что на экране – я сама, только в другом обличье. Понимаете? А еще через несколько дней увидела сон, и в нем был такой момент: я подхожу к зеркалу и вижу себя, какой я была в той жизни. И эта женщина в зеркале – стройная блондинка – была я, Мэрилин Монро!

– Ага…То есть просмотр кинофильма стал толчком, после которого ты начала вспоминать в подробностях всю свою предыдущую жизнь – от рождения до смерти? – («Ишь, какой блеск в глазах появился!.. Сейчас она, наверное, не видит ни этих блеклых, отставших от стены у потолка обоев, ни этой старой потрепанной занавесочки в углу… Бедняжка, она размечталась, как и многие, о чужой красивой жизни, а повышенная впечатлительность плюс весьма низкий, увы, интеллект привели к тому, что… Впрочем, стоп, стоп, выводы потом»). – Послушай,

Кристина, но ведь тогда, выходит, ты можешь многое рассказать о том, что никому не известно? Мэрилин Монро – это же легенда, тайна, в ее биографии так много белых пятен… До сих пор идут споры о ее загадочной смерти. Почему она покончила с собой?

– Я?.. Я никогда не кончала с собой… То есть я хочу сказать, что… Все было не так. Я была приглашена на пикник к одному моему хорошему знакомому…

– Извини, как его звали? Тут нужна точность…

– «Как»? – низкий лобик Мэрилин-Кристины собрался в гармошку. – Не могу вспомнить. Помню только, что он был брюнет, полный, около сорока лет…

Она чуть не плакала. Пауза затягивалась.

– Ну, ну, ничего… Рассказывай дальше.

– Я очень любила водить машину сама и поехала к нему одна, без шофера. Впереди по шоссе ехал какой-то «Форд» – видите, даже марку запомнила. И вдруг он резко затормозил и перекрыл мне дорогу. Смотрю – из него выскакивают люди с пистолетами в руках и быстрым шагом направляются к моей машине. Я дала задний ход. Они побежали за машиной, и тут я совершила необъяснимую глупость – выскочила из нее и бросилась бежать по лугу к какому-то дому… Небольшой такой домишко невдалеке стоял. Я все время спотыкалась, пришлось скинуть туфли… Вы не представляете, как это было трудно – бежать босиком по мокрой траве. Несколько раз падала, вся перепачкалась… Догнали меня уже около самой изгороди, и последнее, что я помню, это табличка «Частное владение»… Что произошло в тот миг, не знаю, но очнулась я в незнакомой комнате. Я лежала на кровати, руки были пристегнуты наручниками к ее спинке, а рот заклеен пластырем. Я хотела спросить, за что все это, что они хотят от меня… Но тут один из мужчин, которые были в комнате, берет и втыкает мне в руку шприц… Я снова потеряла сознание… Так, в кошмаре, прошло несколько дней. Они казались мне вечностью. И каждый день по нескольку раз – уколы, уколы…

– Так чего они хотели? Что это были за уколы?

– Не знаю… Они просто меня убивали. Когда мое сознание прояснялось, эти скоты издевались надо мной, рассказывали, какое удовольствие доставляет им это занятие – вот так постепенно убивать меня.

– Насиловали? – («Нет ли у этой малышки склонности к мазохизму?»).

– Н-нет… Может, только когда я была без сознания… А тот случай, про который я вначале вам рассказывала… ну, с отчимом… такое ведь в той жизни… ну, в Америке… тоже со мной в детстве было, я потом все в подробностях вспомнила… Но там это сделал один друг нашей семьи…

– Ну, а все-таки они, эти убийцы, не говорили, кто их послал, за что ты была схвачена?

– Не знаю. Мне кажется, это была какая-то месть. Самое ужасное, что меня не искали: все знали, что я уехала на пикник и останусь в гостях на пару дней… Потом наступило самое страшное – они принесли какую-то синюю жидкость в бутылочке и сказали, что это яд, который я должна принять. Как я не хотела умирать! Я рвалась, дергалась – но только доставляла этим негодяям дополнительное наслаждение. Наконец, они схватили меня, силой раскрыли рот и влили туда эту страшную жидкость. В то же мгновение в мои гортань, пищевод и желудок будто вонзились тысячи раскаленных игл. И потом вдруг наступило облегчение. Я умерла…

– Кристина, но ведь Мэрилин Монро умерла в 1962 году, а ты родилась уже… в каком?.. в 85-м?... Что же было с твоей душой? Она что, блуждала где-то все это время?...

– Да, да, понимаю. Я сама думала об этом… Может… Знаете, может, я еще где-то рождалась и умерла в 23 года, но жизнь та была такой заурядной, бесцветной, тусклой, что я до сих пор так ничего из нее и не вспомнила.

–То есть ты веришь в реинкарнацию – переселение душ… Я когда шел к тебе, конечно, поинтересовался кое-какой литературой… В переселение душ люди с древно-

сти верили. Это, например, один из краеугольных камней буддизма. Но как ты думаешь: если верить в реинкарнацию, то почему все-таки мы, обычные люди, не можем вспомнить свои предыдущие жизни, а вот ты вспомнила?

Кристина погрузилась в размышления, после чего, подняв на Шулякова маленькие серо-зеленые глазки, спросила:

– А разве у вас никогда не возникало ощущения, что с вами что-то такое уже было, что вы это уже видели – а вспомнить, когда и где, не можете?

– Возникало, – согласился Шуляков, – и, насколько знаю, у многих возникало. Вслед за французами все в мире называют это «дежавю». То есть «уже виденное». Но почему все же ты смогла вспомнить всю свою предыдущую жизнь, а мы – не можем?

– Наверное, тут сыграло роль то потрясение, которое я пережила, – нашлась Кристина, – ну и редкое такое стечение обстоятельств: фильм, сон…

– Я-асненько… А вот как ты считаешь?.. Будда учил, что будущие рождения зависят от хороших и дурных поступков человека, то есть… богатство или бедность, почет, власть или унижение, в которых приходится ему жить, – это воздаяние или, наоборот, возмездие за те поступки, которые он совершал при прежних рождениях… А как, по-твоему, было у тебя?

– Не знаю, что я совершила такого, когда была Мэрилин или тем человеком, который прожил 23 года, но вообще, по-моему, Бог ко мне оказался жесток – вложить мою душу в это ужасное тело… Если б вы знали, как я его ненавижу, это тело… Когда-то, когда весь мир был у моих ног, я любила говорить: что пользы человеку, если он завоюет весь мир, но погубит душу свою? Я, получается, погубила… Иногда думаю: может, то, что я была на вершине славы, что меня боготворили, преклонялись передо мной, – уже само по себе было тяжким грехом…

Когда она произнесла «это ужасное тело», у Шулякова был порыв возразить, но Кристина продолжала безоста-

новочно говорить, и он решил не фиксировать внимание на данной теме. Тем более, что подходящих слов в голову так и не пришло.

– А ты думала о том, почему местом твоего нового рождения был избран СССР?

– Я вам скажу… Когда я была Мэрилин, то очень любила Чехова и Достоевского, зачитывалась «Братьями Карамазовыми», даже мечтала сыграть эту самую… Грушеньку. Может, здесь есть какая-то связь? Странно, но теперь я ненавижу Чехова, а Достоевского – еще больше. В этой жизни так мало радости, а когда их начитаешься – вообще жить не хочется.

– Вот как? Ну, а… в той жизни ты была счастлива? У нас ведь всегда писали, что Голливуд, превратив Мэрилин Монро «в игрушку», сделал ее глубоко несчастной…

– Ерунда. Если исходить из моих ощущений, я никак не могу сказать, что была в той жизни несчастной. Единственный раз, когда мне было очень больно, так это после развода с Артуром. Я после этого попала в психиатрическую клинику и пролежала там два дня. Но теперь бы отдала все, чтоб только оказаться там, хоть в психушке – все лучше, чем у нас.

– Кристина, извини за такой… интимный вопрос. Некоторые издания, как мне помнится, писали о твоей… ну, лучше скажем: Мэрилин Монро… связи с президентом Джоном Кеннеди… А другие опровергали это. …А как на самом деле было?

– О, – глаза Кристины ожили, – это был удивительный человек. Как любовник, правда, средний, но бездна обаяния… Да, что было, то было…

«Я, кажется, сойду сейчас с ума, – подумал Шуляков. – Неужели эта пигалица надо мной потешается?»

– А как с братишкой его, Робертом? Было?

– Было, – глаза Кристины почему-то погрустнели.

– Кристиночка, извини, ради Бога, я понимаю всю бестактность следующего вопроса, но тут, ты понимаешь,

особый случай… А в нынешней твоей жизни у тебя был… ммм… интим?

– Можно я не буду отвечать на этот вопрос? – без всякой паузы, все также монотонно произнесла Кристина.

«Молодец, хорошо ответила. А то я уже начал наглеть. Но это, между прочим, с ее подачи ко мне слово «интим» привязалось».

– Кстати, а как у тебя с языками? По-английски говоришь?

И вновь Кристина ответила без раздумий:

– Я помню только события и ощущения. Хотя, наверное, если б я попала в свой старый дом, в привычную обстановку, вспомнила бы и язык…

– Ты всем рассказываешь об этом… ммм… о том, кем была в прошлой жизни?

– С некоторых пор стараюсь никому не рассказывать. Знаете… еще упекут в психушку лечиться. А так не хочется забыть все и навсегда… Когда-то рассказывала наиболее близким людям – от них, видно, и пошло. И до вас дошло…

Задавая последние вопросы, Шуляков то и дело поглядывал на часы: он катастрофически опаздывал в детсад за дочкой. В принципе, все, что хотел, спросил… Хотя «домашний анализ», наверное, породит новые вопросы. В полшестого он нажал кнопку «стоп» диктофона и поднялся: «Ну что ж, спасибо, Кристина. В общем, как договаривались, в публикации твое имя будет изменено…».

***

«Да, изменять ее имя надо даже хотя бы потому, что в этой публикации, скорее всего, придется выводить Кристиночку на чистую воду… Или просто посмеяться над ней».

Жарко. Субботним утром Шуляков лежал на боку, опершись локтем, на своем топчане на застекленной лоджии.

Лежал в одних плавках и чувствовал, как по спине его, щекоча, скатывается капля пота. Это «лежбище», как Сергей его называл, было, за неимением кабинета, его обычным местом работы дома, причем он считал, что мыслительный процесс здесь развивается у него гораздо интенсивнее, чем за письменным столом. Из-за плотно прикрытой двери сюда не проникало голосов детей и жены. Он лежал, обложившись книгами, и, время от времени нажимая кнопки диктофона, переносил текст на бумагу.

Итак, три варианта. Первый: девчонка – талантливый мистификатор и выдумала все, чтобы как-то разнообразить свою и впрямь безрадостную жизнь и привлечь внимание окружающих. «Талантливый»? Хм, да, пожалуй, талантливый, иначе бы у нее не получилось так, в общем-то, связно, а роль, что ни говори, сложная… Второй вариант: его позавчерашняя собеседница, что называется, не в себе или, как еще говорят в народе, «гонит». Вчера утром он спорол несомненную глупость: позвонил в психдиспансер и спросил, не состоит ли у них такая-то и такая-то на учете, а ему отрезали, что подобных справок не дают. Потом-то дошло: давать-то, когда это необходимо, наверное, дают, но после официальных запросов, а не таких вот звонков. И еще сообразил: нужно было через кое-кого из знакомых действовать. Ведь именно так, использовав неофициальные каналы, он сумел технично навести справки на ее работе и ничего такого о ней там не услышал. Впрочем, что значит «гонит»?.. Возможно, что и «гонит» – в той степени, в которой «гонят» все совершенно нормальные психически люди, которых неудержимо тянет гадать, толковать будущее по снам, читать и слушать астрологические прогнозы, участвовать в спиритических сеансах… А в данном случае, видимо, сказалась большая способность Кристины к самовнушению… Вот это, кстати, и будет третий и, пожалуй, самый реальный вариант, что-то среднее между первым и вторым: вполне адекватно воспринимающая жизнь в целом, она «зациклилась»

на реинкарнации. И поехала у барышни крыша... Сколько таких обделенных природой и судьбой девчушек мечтают об иной доле – славе, красоте и таланте, восхищении окружающих – и воображают себя… Да кем только не воображают! Плюс еще побои вечно пьяного отца, который, правда, бесследно сгинул куда-то, когда ей было одиннадцать, да непутевая мать – санитарка больницы и тоже пьяница, да еще тот случай с отчимом… Беспросветная нищета и убожество вокруг. Отчим умер, когда ей исполнилось семнадцать. Мать все больше спивается… А тут, «в памяти», – упоительная жизнь Мерилин Монро – Нормы Джин Бейкер, сексуального символа Америки, самой знаменитой блондинки планеты, которая к тому же унесла с собой в могилу какую-то тайну.

…Когда отчим пытался изнасиловать Кристину (если она этот эпизод тоже не выдумала), ей, наверное, вспомнилось что-то похожее, услышанное или прочитанное. Когда увидела на экране Мэрилин, ей захотелось быть похожей на кинодиву. Ну, а сон… Когда человек подходит к зеркалу и видит в нем чужое отражение – это, говорят, так типично для сновидений…

Далее. Артур – это известный американский драматург Артур Миллер, автор пьес «Все мои сыновья», «Смерть коммивояжера» и других, замужем за которым Мэрилин Монро была в 1956-1957 годах (третье ее замужество). Ну, что тут опять-таки удивительного? Начиталась девочка книжек и статей про своего белокурого идола, а дальше уже – дело фантазии…

Вчера Шуляков пошел в библиотеку (а поначалу и не думал, что его так затянет эта история) и стал рыться в каталоге в разделе «Киноискусство США». Интересующей его личности была посвящена всего одна книга – и то вышедшая Бог знает когда, в 70-м, – «Загадка Мэрилин Монро», Сильвер Ренер, перевод с французского. Написана же книга была вообще в 65-м, то есть, по сути, по «свежим следам» ее жизни. Продираясь через массу дета-

лей, через сонмы людей, в разное время сопровождавших жизнь Мерилин (Грейс Мак Ки, Джеймс Доуэрти, Гарри Кон, Дэррил Занук, Наташа Ляйтес и другие), Шуляков запомнил следующее. Во-первых, Мэрилин отнюдь не сопутствовали с самого начала благополучие и удача. Безотцовщина (кто был ее отец, неизвестно никому, единственно – кажется, норвежец), в 10 лет фактически лишилась и матери, которая навсегда переселилась в лечебницу для душевнобольных. Правда, родилась в Лос-Анджелесе, рядом с Голливудом, и с шести лет подруга матери водила ее пробоваться на «фабрику грез»; мысль о кинославе была внушена ей едва ли не с младенчества. Фактически лишь несколько лет в пятидесятых годах находилась она на гребне славы, но и в это время оставалась пусть и подетски взбалмошной, но такой же робкой и неприкаянной, зачастую замкнутой и апатичной, как и в ранней юности. И – вопреки имиджу сексбомбы – по своему признанию, «холодной как лягушка» в постели. Кстати, версию о том, что ее в девять лет изнасиловал «друг семьи», Мэрилин, по Ренеру, просто выдумала, чтобы объяснить этим свое заикание.

Рассказ Кристины о последних днях «предыдущей жизни» выглядит вполне убедительно. Действительно, наиболее известная версия – о самоубийстве Мэрилин – ничем не подтверждается. Доподлинно известно лишь то, что перед смертью ее не видели два дня, когда же труп был обнаружен, все поразились ее ужасному внешнему виду – грязи под ногтями, синякам на теле… И следам от внутривенных инъекций.

Все это, конечно, Кристина могла вычитать в какой-нибудь статье в российском издании, которые в последние годы стали завозить в Абхазию. Или какую-нибудь телепередачку видела. Хм… А ведь если душа – это прежде всего характер, то почему бы не представить себе, что Мэрилин – и впрямь та же самая Кристина, только «заключенная» в обольстительную оболочку Мэрилин, «по-

селенная» несколько раньше в другой стране и – так уж получилось – вытянувшая счастливый билет судьбы?

Ну, а вот еще и четвертый вариант – поверить в истинность того, о чем рассказывала ему Кристина. Четвертый… Что-то вроде четвертого измерения…

Шуляков поискал глазами вокруг себя, нашел и развернул сложенный желтоватый лист бумаги. В верхней его части, в прямоугольнике из звездочек, было отпечатано: «Путеводитель по вашей предыдущей жизни». Эту бумажку за пять рублей выдала ему, пострекотав, машина в московском ГУМе, где он побывал полтора десятка лет назад, в девяностом году, еще до всех этих потрясений и пертурбаций. И подходил он, конечно, к этой машине (по одурачиванию сограждан?) в той, канувшей в Лету стране развитого дефицита, и называл миловидной женщине-оператору дату своего рождения – посмеиваясь в душе. Когда же, отойдя в сторонку, пробежал глазами распечатку, ему и вовсе захотелось в сердцах выругаться: попугайчики – предсказатели будущего, вроде Бори, которого уже много лет рекламирует толстая цыганка на Сухумском рынке («Боря гадает, Боря гадает!»), и то вытаскивают клювиками записки с более оригинальными текстами. «Точно так же, – снова сейчас читал он знакомый текст, – как положение звезд и планет в день Вашего рождения помогает открыть Ваше будущее, так то же самое положение звезд указывает на главные черты вашего предыдущего существования. Наше тело – материальная оболочка для живой души. Душа, пребывая в своей материальной оболочке, должна выполнить свою задачу. Та душа, которая не успевает, пребывая в материальном теле, выполнить свою задачу, рождается снова в новом теле. Вы рождались в 1050 и 1775 годах. Место Вашего предыдущего рождения: Мексика. В Вашей предыдущей жизни Вы были женщиной. Род Ваших занятий в предыдущей жизни: медик, хирург, знахарь, костоправ. Ваша задача победить в себе и других ревность и предубеждение, так

как они вызываются страхом и самосожалением». «Что за белиберда, – пробормотал он точь-в-точь, как и тогда, в девяностом, – почему я должен во все это верить?». Сейчас, при внимательном прочтении, он обнаружил в тексте несколько орфографических ошибок, которые в соединении с косноязычием и бессмыслицей последней фразы должны были, по логике вещей, рождать в данном случае только одно желание – от души посмеяться над собой, клюнувшим на эту наживку.

Кстати, согласно «путеводителю», вовсе не обязательно было, выходит, рождаться в миг смерти своего предыдущего воплощения. Вспомнилось и самое первое, что пришло ему в голову по знакомству с «путеводителем»: а кем же был в прежней жизни любой другой на Земле из тысяч, кого угораздило родиться в тот же, что и он, Шуляков? Тоже женщиной-костоправом из Мексики? Так ведь и вся эта астрология – чушь собачья!

Ну, хорошо, а что ты скажешь об историях с переселением душ, описанных в нашумевшем сборнике статей американских, в основном, авторов «Жизнь после смерти»? Шуляков взял в руки эту книгу в эффектно оформленной глянцевой обложке (солидное издание «Советский писатель», огромный тираж; купил он ее тогда же, примерно лет пятнадцать назад, когда на «шестой части земной суши» вздыбилась волна интереса ко всему ранее «непечатному» мистическому), и нашел статью Роберта Альмедера «Реинкарнация». Итак, индийская трехлетняя девочка Сворнлата в 1951 году, во время путешествия ее семьи, начала в незнакомом городе просить шофера автобуса свернуть на дорогу «к ее дому». В течение нескольких последующих лет выяснилось, что девочка досконально знает многие подробности из жизни Бийи, уроженки того города, умершей в 1939 году – за двенадцать лет до рождения Сворнлаты. Она узнавала ее родственников, называла их по именам и вспоминала разные события из их жизни, которые могла знать только Бийя… Аналогичные

истории с «восстановлением памяти» недавно умерших людей произошли с индийцами Бишемом Чандом, который родился в 1921 году, и Шанти Деви, родившейся в 1952-м… В 1973 году американка Лидия Джонсон согласилась помогать своему мужу-врачу в его экспериментах по гипнозу. Во время одного из сеансов, когда ее попросили обратиться к самым ранним воспоминаниям, она вдруг начала говорить на каком-то иностранном языке, причем низким мужским голосом. Когда ее спросили, как ее зовут, она ответила: «Якоб Йенсен». На последующих сеансах, находясь в состоянии глубокого сна и путая английские и шведские слова, она рассказывала о своей жизни в маленькой деревне в Швеции примерно триста лет назад. Отвечая на вопросы приглашенных специалистов по шведскому языку (который до этого был ей совершенно не знаком), она рассказывала о жизни «Йенсена», его жены, матери, роде занятий…

Уфф… Верить, не верить? С одной стороны, написано вроде как бы «по-научному», со взвешиванием всех «за» и «против», с рассуждениями… Но, с другой, почему опять же он должен верить всему набранному печатным шрифтом? Верить можно только своим органам чувств и логике. А о чем говорит ему в данном случае зрение? Только о том, что в данной конкретной книге буковки складываются в слова и фразы, утверждающие то-то и то-то. Только и всего. Сам-то он никого из этих персонажей не видел, не разговаривал с ними, не задавал им вопросы… Почему, кстати, три истории из четырех описанных произошли в Индии, где так популярна вера в реинкарнацию? А история с гипнозом… Не мистификация ли это, искусно разыгранная супругами? Для вящей славы хотя бы…

Шулякову вспомнилась заметка и с вовсе умопомрачительными фактами: о некоем Сергее Перове, пенсионере, живущем уже свою… какую?.. 704-ю, кажется, жизнь… И хотя можно было бы обойтись сейчас без этой заметки, полез на антресоли, где копились старые газеты, и,

почихав над пыльной кипой, нашел-таки… Н-да… Перепечатка, только откуда – непонятно. Подписывает некий «доктор Леон Роль». Этот Перов, оказывается, в состоянии гипноза описывает события из «старины глубокой» с такими подробностями, какие доступны разве что суперспециалистам. И рядом с фараоном Рамзесом он когда-то сражался, и в битве под Фермопилами участвовал, и с войсками Наполеона в Каир входил… А началось все с того, что он попал в автокатастрофу и, придя в себя, заговорил на старофранцузском языке. Хм, не за первое ли апреля был тот номер издания, откуда перепечатка?

Тьфу, и стоило лезть ради этого на антресоли?

И все же, все же, все же… Как эта Кристиночка его спросила: «А разве у вас никогда не возникало ощущения?..». Шуляков начал вспоминать о том, когда ему впервые показалось, будто он «живет уже не в первый раз». Это не могло быть просто забытым впечатлением давних лет, ибо ему было тогда четыре годика и вспоминать, как и забывать, ему в тот момент было, собственно, не о чем. Они с матерью (кажется, он – у нее на коленях) ехали куда-то в кабине грузовика. Натужно ревел мотор, преодолевая взгорок за взгорком, и маленькому Шулякову вдруг подумалось: вот это уже было с ним когда-то – этот взгорок, этот поворот... Осознание «воспоминания» было таким ясным и неоспоримым, что запечатлелось в детской памяти на всю жизнь…

Подожди-ка, подожди… Он действительно не раз вспоминал это свое первое в жизни дежавю. Но почему-то именно сейчас, после чтения всей этой мистической литературы, в голову пришло вполне четкое материалистическое объяснение. Да, он помнит себя как раз с четырех лет (кто-то из его знакомых – с пяти-шести, кто-то – с трех), но это не значит, что отдельные картинки из более раннего возраста не могли запечатлеться в его мозгу. Например, картинка, когда они с мамой уже ехали по той же самой дороге. Вот и его дети, когда им было по году-два… Разве

не реагировали они на все окружающее? Но разве будут они обо всем этом помнить? А вот отдельные картинки могут и сохраниться в подсознании…

Но еще Шулякову вспомнился недавний сон. Он объезжает в нем какие-то очень знакомые с детства места: старый, но крепкий еще сельский дом с палисадником, до сердечных спазм знакомая гостиная, кожаные кресла, в которых было удобно сидеть, забравшись в них с ногами, вечернее чаепитие… Место, где когда-то его так любили и где ему было так хорошо и уютно… И одновременно – понимание того, что это чужой дом, чужие люди, которых он никогда в этой жизни не видел…

Впрочем, не он ли сам так легко и логично объяснял для себя сон Кристины – вполне известными особенностями человеческой психики?

Но та же человеческая психика устроена так, что не хочет и не может примириться со случайностью, конечностью своего существования в мире и бьется в законы мироздания, как беспомощная бабочка в стекло. В эти вечные вопросы без ответа… Нет, не верится человеку, что его «бессмертная душа» – это всего-навсего серая кашица внутри черепной коробки, именуемая корой больших полушарий, всего лишь скопище нервных клеток. И, как говорится, если человеческая жизнь – всего лишь растянувшийся на десятилетия анекдот, то в чем же, черт побери, соль этого анекдота?..

Шуляков расчистил свое «лежбище» от бумаг, спустил вниз, на пол, диктофон и лег на топчане ничком. Попытка «привести мысли в порядок» привела лишь к тому, что он стал стремительно погружаться в дрему, но через мгновение вздрогнул и очнулся.

Повернулся на спину и скрестил руки под головой.

«Когда я есть – смерти нет, когда смерть пришла – меня уже не будет», – так утешали себя новобранцы всех войн. Через несколько десятков лет (в лучшем случае, если, не дай Бог, не произойдет ничего непредвиденного) вот это

тело – Шуляков любил свое тело, этот отлично отлаженный натренированный механизм: длинные сильные загорелые ноги, широкая грудь, покрытая светлыми курчавыми волосками – будет заключено в темницу могилы и начнет разлагаться на составляющие его молекулы… Эта «единственная и неповторимая» (как и отпечаток пальца) личность из 85 или 300-400 (по Натану Эйдельману) из прошедших по Земле миллиардов «гомо сапиенс»…

***

Вечером, после того, как помог жене с закруткой аджапсандала в трехлитровые банки, Сергей Шуляков взял в руку теплую ладошку дочери и пошел прогуляться неподалеку от дома.

Что ж, если б сейчас подводить итоги, жена и дочка у него – это несомненный «актив». Сын, шестнадцатилетний балбес, с некоторыми оговорками – тоже. Во всяком случае, не вор, не бандюга растет, и на том спасибо. Хотя дочка, конечно, удачней получилась… Итак, к сорока трем годам – семья, квартира, достаточно престижная работа… Это с одной стороны. А с другой – тоска, тоска, тоска… Как же надоело корпеть над правкой чужих статей, готовить к печати малосвязные читательские письма! Думать о том, как растянуть ничтожную зарплату, чтоб свести концы с концами! Война? Да, конечно, и война, вторгшаяся в жизнь четырнадцать лет назад. Но к чему лукавить, его жизнь и судьба сформировались еще до войны, и тогда он уже давно в принципе смирился с тем, что будет все так, а не иначе. Ну, не всем же рождаться Мэрилин Монро, Джонами Кеннеди и даже Владимирами Познерами… В конце концов, на одного Толстого испокон веку приходится миллион «тонких».

Нет, Сергей не ныл, как многие вокруг, не сваливал все на несправедливость мироустройства, а всегда честно признавался себе, что если он чего-то не достиг, не до-

бился в этой жизни, так только потому, что чего-то в нем самом не хватало.

Недавно ему вспомнились слова однокурсника, с которым они сидели лет двадцать назад за бутылкой водяры и философствовали. Однокурсник был старше Шулякова на два года, собрался уже жениться и рассуждал: «Дети – вот это и есть смысл жизни». Сергей не стал с ним спорить, но в душе воспротивился этому, не такому уж оригинальному суждению. Если цель пребывания на Земле человека только в том, чтобы произвести на свет такое же живое существо, способное добывать себе пропитание и размножаться, то в чем смысл этого отличается от смысла существования, скажем, кошки? Вместе с тем 99, 99 процента живших и живущих на Земле людей действительно не способны ни открыть законов Архимеда, Ньютона, Эйнштейна и иже с ними, ни написать «Фауста», ни сочинить музыку оперы «Лебединое озеро»… Каков же действительно смысл их существования? И вот сейчас ему подумалось: так, может, смысл в том, что эти обычные люди, и он сам в их числе, произведут на свет новые поколения, и в числе их потомков когда-нибудь да найдутся, как золотые песчинки в массе обычного песка, новые гении, которые продвинут человечество в его развитии и постижении всего сущего еще дальше?

Они с дочкой шли по улице, и Шуляков скользил взглядом по лицам, фигурам, одежде людей, идущих навстречу. «Что есть такое красота и почему ее обожествляют люди?»…

Попадались, кстати, тела и поужасней кристиночкиного. А в какой-то момент он испытал нечто среднее между разочарованием и обидой – когда поравнявшееся с ним юное длинноногое светловолосое существо, идущее в паре с такой же хохотушкой, оказалось в профиль с носом фантастической величины… Как говорят, этот нос семерым Бог нес – одной достался.

Недавно в какой-то телепередаче ученый-генетик рассуждал о том, что теоретически (а это значит, что рано или

поздно, скажем, лет через 100-200, это будет и практически) можно вмешиваться в геном человека, чтобы уже на стадии зачатия формировать внешние данные ребенка. Таким образом, можно будет выбирать для него форму и размер носа и ушей, цвет волос и глаз, и так далее, и тому подобное. И это уже будет не то, что пластические операции, с их массой побочных последствий. Тем более, что никакая косметическая операция не вытянет короткие ноги, не прибавит роста. А еще та же пластика, «исправив», к примеру, чей-то громадный нос, никак не предотвратит рождения у этого человека ребенка все с таким же носом… Что же ждет тогда человечество? Ну, в первую очередь, уже не оправдается чей-то растиражированный в СМИ прогноз (возможно, шуточный), что последняя в мире натуральная блондинка родится в Финляндии в двадцать втором веке. Ведь наверняка множество представителей белой расы захотят видеть свое потомство высокими блондинами и блондинками с голубыми глазами. Впрочем, японцы, если вспомнить предпоследний чемпионат мира по футболу и игроков сборной этой страны, тоже начали краситься в блондинов. Кстати, когда-то это делали еще древние греки… Ну, а нужно ли сомневаться, какой нос для своего чада выберут родители: греческий или курносый, «утиный», «орлиный»? Нужно ли сомневаться, что представители любой расы захотят, чтобы их дети были высокими и стройными, с правильными чертами лица, длинными и тонкими пальцами? Так что же, люди станут внешне унифицированными, похожими на целлулоидных кукол-голышей? Миллионы людей со стандартной красотой заполонят планету… Нет, ну зачем же, разве красота не может быть разнообразна? Еще как может! Будут и белокурые бестии, и жгучие брюнетки, и худышки, и пышки, на любой вкус (выбирай черты будущих детей хоть по каталогу, хоть как), но не будет уродов, людей с отталкивающей внешностью, или, как еще говорят, «страшненьких», которым, помимо прочего, очень непросто устроить свою судьбу…

А с другой стороны, если не будет некрасивых, то девальвируется и понятие красоты. Той самой, которую со времен Елены Прекрасной воспевают поэты и без которой не было бы, наверное, и половины сюжетов мировой литературы. Ну, а что будет, когда человек научится с помощью генной инженерии вытачивать так называемые (так и называемые) точеные ножки, носики, шеи? Где интрига, где извечное преклонение перед чудом, которое в старом анекдоте описано так: «Прервав научный спор в кругу коллег, профессор смотрит вслед прошедшей мимо красивой студентке: «До чего же интересно сгруппировались атомы!».

Стоп, стоп… Так в том-то и дело, что в человеческом социуме внешняя привлекательность индивида уже давным-давно стала лишь одной из составляющих этого выбора. Иначе почему носатая и тучная (если верить этой версии) Клеопатра так сводила с ума знавших ее, в том числе и двух великих римлян?

Что же такое «рождение человека»? НЕКТО потряс в зажатом кулаке «игральные кости» и во многомиллиардный раз высыпал их… В кулаке том – не только набор всех возможных физических черт, но и все свойства человеческой личности: агрессивность и апатичность, безалаберность и бережливость, вежливость и вздорность, глупость и гостеприимность, дальновидность и двуличность, ершистость и естественность, жадность и жизнерадостность, заботливость и завистливость, импульсивность и инфантильность, кичливость и контактность, лицемерие и любознательность, малодушие и мудрость, наглость и находчивость, обидчивость и осторожность, подозрительность и порядочность, развязность и решительность, самокритичность и склочность, толерантность и тщеславность, уважительность и угрюмость, фамильярность и фанатичность, хвастливость и хозяйственность, целеустремленность и циничность, чванливость и честность, шаловливость и шустрость, щедрость и щепетильность,

эгоистичность и энергичность, алчность и аскетизм, безвольность и благородство, великодушие и вспыльчивость, гордость и грубость, деятельность и душевность, жестокость и занудливость, инертность и интеллигентность, коварность и кокетливость, леность и любвеобильность, меркантильность и мечтательность, невежество и неподкупность, озлобленность и опрятность, поэтичность и прижимистость, равнодушие и радушность, корыстность и кротость, лукавость и легкомысленность, рисковость и робость, своенравность и скрупулезность, темпераментность и трусливость, уклончивость и участливость, флегматичность и харизматичность, целомудренность и цельность, чванливость и чуткость, шумность и язвительность… «Люди как реки», – сформулировал Лев Толстой. И впрямь, ведь хотя бы считанные минуты почти каждый живший на Земле индивидуум проявлял, наверное, все эти качества, а еще бывал и амбициозным, безрассудным, ворчливым, гневливым, добрым, заносчивым, искренним, красноречивым, льстивым, мнительным, настойчивым, отходчивым, предприимчивым, рассеянным, скрытным, терпеливым, уживчивым, хитрым, человечным, шебутным, энергичным…

Но все дело в дозировке. Один был добрым действительно считанные минуты, а другой – всю жизнь.

***

Ночью, а точнее под утро, Шулякову снился долгий муторный сон. Редакционные будни перемешались в нем с его тщетными попытками пообедать в какой-то просторной столовке. Куда бы ни хотел приткнуться, за каждым столиком все места оказывались заняты. Он подходил то к одному, то к другому, но каждый раз сидевшие за ним говорили про пустующие стулья, что люди отошли на минутку; он бесился и продолжал свой путь с полным подносом. Не зная, издеваются над ним, или впрямь ему так не везет…

Проснувшись, долго лежал в постели и пытался найти какой-то смысл в приснившейся тягомотине. А потом мысли его вернулись на круги своя, к констатации прискорбного: «жизнь не удалась».

Почему, собственно?

Выбрал не ту «женщину, религию, дорогу»? Сейчас ему пришло в голову сравнение: подобно тому, как мечтающие об операции по смене пола кричат, что природа сотворила с ними злую шутку поселив душу этого человека в тело противоположного пола; подобно тому, как маяцкая Кристина ненавидит свою физическую оболочку, внутренне ощущая себя Мэрилин Монро, так и он, «застряв» в государственной газете, душой давно был в независимой прессе. Хотя… никто ведь его к этой «галере» цепями не приковывал.

«Я так и думал, что у тебя не хватит внутренней свободы», – сказал приятель Аслан, с которым он однажды поделился своим решением уйти работать в независимую газету «Зеркало недели» (накануне переговорил об этом с ее редактором), а спустя месяц сообщил ему, что передумал. «Что за «внутренняя свобода»? – вспылил Сергей. – Просто взвесил все, пока был в отпуске, и понял: ни к чему мне это». Ну, а в душе-то, в душе – разве не понимал он, что приятель попал в самое «яблочко»? «Взвесил»… Ну, правильно: на одной чаше весов – долгожданная «свобода слова», возможность, как мечтал, писать размашистые аналитические статьи с собственными субъективными оценками действий власти и оппозиции, а на другой – стабильность и спокойствие. Пусть и за медные грошики тянешь лямку в государственной газете, но зато это какой-никакой престиж; и не захихикает никто за твоей спиной, если та самая независимая вдруг закроется и ты останешься на улице… А, может, подумалось уже потом, даже когда Сергей вел тайные переговоры с редактором «Зеркала», ему хотелось заручиться его согласием, просто чтобы жить с сознанием, что такой переход был бы возможен…

Что касается Кристины с ее реинкарнацией, думал Шуляков, то выведу-ка ее в публикации под именем «Карина» и поселю в одном из «сухумских пригородов». Из детских еще времен всплыло так подходившее ей словечко «кулёма». Может, производное от слова «куль»?

В меру, конечно, в тексте должно быть скепсиса, в меру – недосказанности. В общем, необходимо присутствие того, что называется амбивалентностью, то есть многовариантностью. Мол, понимайте, как хотите… Ну, а редактор все охотно пустит в печать. Это он конкретных политиков-чиновников как огня боится задеть, а тиснуть что-то сенсационно-мистическое, пусть даже крайне неубедительное с точки зрения критически мыслящих людей, – это с дорогой душой. Ему же тоже хочется, чтоб газету читали, обсуждали…

Кстати, года три назад с подачи той же знакомой «корреспондентки сарафанного радио», которая рассказала ему о Кристине-Мэрилин, Сергей ездил на тот же Маяк. Там одна армянская семья показала ему удивительную картину – в густых зарослях ежевики прямо у калитки их дома образовалась вмятина круглой формы диаметром около пяти метров. Разговоры о возможном приземлении здесь летающей тарелки разошлись среди знакомых этой семьи… Сергей подробно пересказал тогда в газете все, что думали местные жители о загадочной вмятине (все рассуждали о внеземном ее происхождении), дал в качестве иллюстрации ее снимок. А через несколько месяцев под рубрикой «Возвращаясь к напечатанному» он же сообщил читателям, что маяцкие жители, наконец-то разобрались, что случилось, о чем и сообщили ему. Оказывается, вмятину в кустах сделало стадо соседских коз, которое паслось там, а может, и устроило лежбище… Редактор был тогда очень доволен Шуляковым, потому что многие его знакомые, в том числе и в правительственных кругах, говорили ему, что читали, высказывали после первой публикации свои догадки…

***

Звучание голоса «корреспондентки сарафанного радио» в телефонной трубке сразу исключило для него возможность того, что это розыгрыш. В какой-то момент она даже всхлипнула…

И вскоре Шуляков стоял перед гробом в тесной комнатушке с полинялыми обоями. Лицо Кристины в гробу было словно озарено изнутри и показалось ему даже красивым. За гробом сидели двое. Мать Кристины, маленькая, но грузная, очень похожая на нее женщина. Рядом – еще какая-то старушка с размытым лицом.

Шепот за спиной: «В сараюшке повесилась».

***

Сны преследовали Шулякова все последние ночи. Вот и в это утро, проснувшись, он долго приходил в себя и распутывал узлы приснившегося. Рядом успокаивающе посапывала жена. Главным во сне была смерть Кристины – девчушки, которая вообразила себя новым воплощением Мерилин Монро. Да, суицидальные мотивы не раз звучали во время их разговора, он это не мог не запомнить. «А может, в следующем воплощении, – обронила она в ходе разговора, – я снова буду какой-нибудь звездой…».

В том, что она как муха угодила в паутину мистики, удивительного меньше всего. Подавляющее большинство людей – всех времен и народов – тянет на эту самую мистику неудержимо. А почему мозги ей засорила именно Мэрилин Монро – опять-таки закономерно. Актриска так себе, но ведь не актерский талант был в ней главной фишкой. Красотка? Так ведь и почти ровесница ее Элизабет Тейлор приковывала «озабоченные взгляды» мужчин ничуть не меньше… Но Монро пришла первой, и закрепила за собой звание мирового секс-символа. А еще вокруг ее отношений с сильными мира сего роилось множество ле-

генд. И, наконец, ее ранняя смерть, которая в порядке компенсации за непрожитые годы всегда вызывает к персоне всплеск интереса, создала вокруг нее ореол загадочности… Элизабет Тейлор же, даже с ее фиалковыми глазами, суждено было остаться в нашей памяти, помимо всего прочего, еще и грузной старухой, отягощенной болезнями и историями своих бесконечных замужеств с молодыми «жеребцами».

***

Спустя пять дней они вновь сидели в комнатке Кристины, так же тикали ходики, и Шуляков читал ей рукопись будущей газетной публикации. В целом она согласилась с написанным, сделала только несколько поправок, кое-что уточнил у нее и он сам. А потом Шуляков попросил Кристину прогуляться с ним по берегу моря, которое синело в конце улочки в метрах двухстах от ее хибарки.

Они долго бродили взад-вперед по песчано-гравийной смеси берега, где-то вдалеке маячили три-четыре фигурки осенних пляжников.

Шуляков начал рассказывать о странной парочке, которую встретил вчера вечером в центре города. Сумерки уже переходили в темноту, и ему были видны только силуэты идущих навстречу. По характерному задиранию вверх лица и скрюченной руке «кавалера» Шуляков догадался, что это инвалид, страдающий церебральным параличом. А сегодня днем, уже при ярком свете, вновь столкнулся в городе с этой парой отдыхающих, сразу узнав их. Это наверняка были мать и не совсем уже юный, облысевший сын, они шли и о чем-то горячо говорили. Вот так и живут. И не видно было в лице этой женщины лет пятидесяти ни отчаяния, ни уныния. Как и в лице ее сына.

И дальше – о том, что наверняка многим, очень даже многим на этом свете хотелось бы оказаться на месте Кристины – с ее юностью, замечательно красивыми руками, с

ее домиком на берегу ласкового синего моря. И откуда ей знать: может, ее такая укромная и спокойная жизнь – это счастье по сравнению с кромешным адом, который творился в последние годы жизни в душе Мэрилин Монро?

В какой-то момент ему подумалось, что, может быть, он больше старается убедить не на редкость молчаливую сегодня Кристину, а самого себя.

Кристина шагала рядом и думала, казалось, о чем-то своем.

А когда он предложил возвращаться, она вдруг подошла к нему вплотную и смяла его рот горячим и неумелым поцелуем.

***

Мы в ответе за тех, кого приручили? Но в данном случае он никого не собирался «приручать», а если в какой-то момент и вышел за строгие официальные рамки отношений «интервьюер – собеседник», то только чтобы как-то поддержать юную девушку, которая, как ему казалось, очень нуждалась в участии. И вот влип в совершенно не нужную ему историю… Что касается Кристины, то тут, пожалуй, все предельно ясно: для нее он был светлым лучом, волею судьбы проникшим в ее убогий мирок, недосягаемым представителем элиты, вот и расфантазировалась девочка… Тем более, что благодаря его стройной поджарой фигуре Шулякову редко давали больше тридцати пяти. Знала бы она, что он по сути – обыкновенный «офисный хомячок», не больше того…

Кристина пару раз звонила ему на работу, заводила тягучие разговоры обо всем и ни о чем, он терпел, слушал, закатывая глаза к потолку, пока не находил повода спешно попрощаться – типа «извини, ко мне тут пришли». Но на следующий день после выхода статьи, в конце рабочего дня, она заявилась в его редакционный кабинет собственной персоной. Попросила на правах героини публика-

ции несколько номеров газеты, но, естественно, этим не ограничилась, а пригласила на день рождения подруги, на который как раз и направлялась. Приглашение было настолько нелепым, что Шуляков растерялся и… согласился. В основе, конечно, были боязнь ее обидеть, оттолкнуть, навязчивые воспоминания о собственном сне, о котором она даже не догадывалась, – том самом, где он ходил к ней на «плаканье»… Лежащее на поверхности: «Деточка, я же тебе в отцы гожусь… у меня же сын почти твоего возраста» – звучало бы в свете ее слов про свое ужасное тело очень уж фальшиво; потому-то и на неожиданный поцелуй ее на берегу он не нашелся, как отреагировать, и поспешил тогда просто распрощаться…

Теперь же сыграло роль, возможно, и то, что вечер у него выдался какой-то пустой, и то любопытство к личности Мэрилин-Кристины-Карины, которое все еще тлело в нем и после публикации. Да и в молодежных компаниях ему давно уже не приходилось сиживать – тоже любопытно.

Компания оказалась небольшой, но веселой и разношерстной, в частности разновозрастной, так что Шуляков не чувствовал себя в ней совсем уж инородным телом. Произнесение тостов было минимизировано, зато гости часто топтались парами в центре комнаты – танцевали. Шуляков тоже танцевал несколько раз, в основном – с Кристиной, которая очень даже неплохо смотрелась с новой прической («Ну, ты прямо златовласка!» – порадовал он ее комплиментом) и в синем платье («цвета глубокого моря», как похвалилась она сама). Понравилось Сергею и белое вино, которое пили за столом и на которое он хорошо приналег. Главным же откровением для него стало то, как Кристина смотрелась в этой компании. Вовсе не закомплексованной и забитой, странной и неприкаянной девчушкой, какой изначально ему вообразилась, не объектом насмешек, а вполне уверенной в себе, в меру ироничной, не обделенной чувством юмора. Кстати, он так и

не понял, знал ли кто-нибудь за этим столом, кроме них двоих, о ее «прежней жизни»; во всяком случае, ни разу в течение вечера эта тема не возникала. Время от времени его, правда, напрягала мысль о том, в каком качестве он тут находится, но под конец она забылась, потому что тут вроде бы никого не интересовало, кто ты и что ты…

Он довез ее до дома на своем «жигуленке»-задохлике, когда уже было совсем темно. Мать Кристины была на дежурстве в больнице. И все произошло само собой, будто по-другому и быть не могло. Произошло на допотопной никелированной (с шишечками) кровати в ее узкой спаленке. А до этого Кристина рассказывала что-то сбивчивое про некоего парня, который был у нее первым и последним, а потом уехал куда-то на заработки и затерялся на просторах матушки-Руси.

Утром он сам позвонил ей на работу и договорился о встрече. Сделал это потому, что, во-первых, обещал, во-вторых, снова из-за страха ее обидеть, малодушно «сбежав» из ее жизни, в-третьих, ему стало интересно увидеть при свете дня «новую» Кристину. Они встретились в кафе «Пингвин» под открытым небом и расположились пить кофе за столиком почти у самого парапета, на верхнюю плоскость которого иногда падали морские брызги.

Пока сидели, Шулякова не раз подмывало поставить все точки над «i»: так, мол, и так, Кристиночка, будем считать это коротким романтическим приключением, каких немало было у Мэрилин Монро, но продолжение которого не нужно ни мне, ни тебе, ты согласна? Тебе радоваться своей молодости, влюбляться в ровесников, создавать семью, зачем тебе старпёр; мне, человеку, измученному бытом, ставить на ноги двоих детей, и вообще типа «я люблю свою жену». Но он так и не произнес ничего из этого. Просто в какой-то момент почувствовал, что монолог его может показаться смешным: ведь Кристина ни разу не сказала ничего такого, что можно было бы расценить как «требование продолжения банкета». А еще он подумал о

том, что ему с ней… интересно. Да, интересно разговаривать на многие темы, а не только о ее «прошлой жизни». Общение с ней абсолютно не тяготило, как это бывало у Шулякова раньше со многими особями женского пола. И под конец их «стрелки» он неожиданно для самого себя спросил, когда ее мать в следующий раз дежурит.

***

Одним из отличий Кристины от его жены была ее острая реакция на все, на что у той не было почти никакой реакции. И дело тут не только в разнице лет; свою Мышку, как он привык ее называть, Шуляков помнил, кажется, такой же, как сейчас, все эти двадцать лет. Мышка-норушка… Очень немногословная. Миловидная, с правильными четами лица, и сама вся такая правильная, но пресная, как холодная мамалыга. Кристина же так бурно реагировала на каждое его прикосновение в минуты их близости, что однажды Шуляков заметил: «А вот тут ты с Мэрилин Монро совсем не похожа, она ведь про себя говорила, что «холодная, как лягушка». На что она абсолютно серьезно ответила: «Но ведь тело-то у меня сейчас другое».

Сродни этому был и продолжительный заливистый смех Кристины после самой, казалось бы, незамысловатой его шутки. Вот и сейчас, в субботний полдень, они валялись в ее постели и он рассказывал благодарной слушательнице один за другим анекдоты из серии «про любовников и любовниц». Причем тот, с которого начал, был такой же бородатый, как и его герой: «Владимир Ильич, – спрашивают у Ленина, – а должен ли большевик иметь любовницу?». «Непгеменно, – отвечает Ильич, – жене можно сказать, что пошел к любовнице, любовнице – что к жене, а сам – на чегдак и учиться, учиться и учиться!». Кристина просила «еще», и он продолжал… «Муж хотел завести любовницу, но жена отговорила: «Дорого, не потянем… Лучше я заведу любовника… лишняя копейка

в доме не помешает». И еще. «Жена спрашивает мужа: «Если ты мне изменяешь, то почему я не могу?». «Есть принципиальная разница: если я изменяю, то мы их имеем, а если ты, то – нас». И еще. «Муж просыпается дома после вчерашней жестокой пьянки, смотрит: одежда его постирана-поглажена, на столе – роскошный завтрак. Жена ушла на работу не сказав ни слова, без истерики. Он к сыну: что вчера было? Папа, ты пришел в два часа ночи бухой, упал на кровать. А когда мама попыталась тебя раздеть, ты сказал: «Не тронь, сука, я женат!». И каждый раз она смеялась не меньше времени, чем звучал до этого сам анекдот.

Кристина, похоже, легко и даже с удовольствием примеряла на себя это слово – «любовница», как женщина примеряет довольно крикливую, на чей-то взгляд даже фривольную, но однозначно эффектную шмотку. А Шуляков подумал о том, что – удивительно! – ведь она стала его первой за почти двадцать лет супружеской жизни любовницей. Нет, он вовсе не был застегнутым на все пуговицы нормативной морали пай-мальчиком, случались у него и «измены»… фу, слово-то какое, как будто он кого-то предал, бросил… Его Мышка, естественно, ни о чем таком не знала и не узнает. Каждый раз это бывало далеко от дома, почти всегда – за пределами Абхазии. Легкие, ни к чему не обязывающие знакомства в поезде, гостинице – словом, дорожные приключения. Ну, еще пара мимолетных курортных связей – в последние годы, когда в Абхазию снова потянулись отдыхающие из России. Но вот так, чтобы уже несколько месяцев стабильно встречаться с кем-то на стороне – такого у него прежде не было…

Неужто что-то глубоко внутри тупо требовало страстей? Вряд ли, какие уж страсти… Тут ведь не было и намека на влюбленность, подобную тем, которые он переживал в молодые и задорные годы, да в ту же Мышку. Но эти встречи в домике на Маяке стали для него отдушиной. Притягивали юное тело, сознание, что рядом с тобой

лежит вчерашняя школьница? Может быть, может быть... Наверное, и негромкие, но такие томные и сладостные стоны «златовласки» в минуты любовных утех, которых он никогда не слышал от Мышки, превращали для него их встречи в маленькие праздники. Ее телом, таким внешне неуклюжим, невозможно было, казалось ему, насытиться. Но главное все же другое – разговоры. Он давным-давно уже не заводил с Мышкой, озабоченной исключительно хозяйственно-бытовыми проблемами, никаких «отвлеченных» разговоров – той они были скучны и безразличны; с собой же можно говорить и мысленно… Ну, а Кристина с готовностью поддерживала любую тему. Конечно, круг знаний ее был довольно ограничен, но недостаток образования во многом компенсировался пытливостью ее ума. И что удивительно для ее ровесников, она довольно много читала – все, что попадалось под руку. Кроме того, Шулякову было интересно общаться с ней как с представителем другого поколения. Он до колик смеялся, когда, рассказывая какую-то довоенную историю, упомянул про некоего «передовика производства», а потом решил уточнить у Кристины, знает ли она, что такое «передовик», и тут она выдала: «Ну, наверное, это который на передовой сидит и стреляет». Еще бы, ведь во время войны ей было 7-8 лет, и тогда, а также сразу после войны она, видно, много наслушалась от взрослых про передовую. «Какая же ты, деточка, счастливая, – вздохнул Шуляков, – про соцсоревнование и политпросвещение я тебя спрашивать не буду…».

Если же говорить о том, кто из них был «не от мира сего», так это скорее Шуляков. По крайней мере, работая по совместительству в двух фирмах бухгалтером (а профессия эта стала в последние годы весьма востребованной), она зарабатывала явно больше его. И даже как-то подарила ему мобильный телефон, которых в Сухуме становилось все больше и больше: чтобы, мол, им удобней было друг с другом связываться.

Ну и, наконец, было еще что-то, что увлекло Шулякова в эту авантюру и так прочно привязало к домику на сухумской окраине. В каждую их встречу они нет-нет, да и заводили разговор о жизни Кристины в теле Мэрилин Монро. Причем Шулякова уже давно перестала занимать мысль, что, может, в какой-то момент Кристина проговорится и выдаст себя как любительницу морочить окружающим головы. Нет, искренность ее веры во все ранее рассказанное ни разу не подверглась сомнению. И ему теперь просто интересно было узнавать от нее все новые и новые эпизоды из ее «прошлой жизни». При этом соответствие почти всего услышанного реальным фактам у него не было возможности ни подтвердить, ни опровергнуть, он мог оценивать его только на правдоподобие. И поскольку все выглядело достаточно правдоподобным, Шуляков расспрашивал и расспрашивал ее – о всех разговорах, которые у «нее» были с Джоном Кеннеди, обо всех ощущениях, которые «она» испытывала, когда при огромном стечении публики пела «С днем рожденья, мистер президент!», о том, что и как было на съемках фильма «В джазе только девушки»…

Его любимым занятием стало лежать рядом с ней, разглядывая и время от времени целуя красивую нежную кисть ее руки и почти веря, что он слышит сейчас голос чудодейственным образом перенесенной сюда Мэрилин Монро.

– А знаешь, Кристинка, – сказал он после очередного ее рассказа, – какие фантазии приходили мне в голову, когда представлял себе, что отправляюсь в прошлое на машине времени?.. Ну, ты ведь знаешь, что такое машина времени?.. Так вот, мне всегда было очень интересно мысленно беседовать с самыми разными покинувшими этот мир людьми. Ну, ты вот с кем бы хотела встретиться и поговорить с глазу на глаз?

– Я? С отчимом, конечно, – без раздумий выпалила Кристина. – Спросила бы с этого козла по полной за все!

– Ну, ясно, а вот я представлял себе, что разговариваю с разными историческими личностями. Ну, например, с Борисом Годуновым – чтоб допытаться: подослал ли он-таки убийц к царевичу Дмитрию? А еще было бы здорово перенестись на двести лет назад, в 1808 год, вот здесь, в нашем же городе, и увидеть своими глазами, кто все же заказал и убил владетеля Абхазии Келешбея Чачба, а то сейчас столько споров… А во времена перестройки, это когда ты была совсем маленькая… тогда шло ниспровержение советской идеологии и много спорили о Ленине, Сталине… мне часто хотелось встретиться с ними и не спеша потолковать. Ну, со Сталиным, кстати, намного меньше хотелось, потому что… да там все ясно: ну, боролся человек за власть, как до него тысячи лет боролись, ничем при этом не брезговал, как тысячи лет до него не брезговали разные цари, короли, ханы, шахи… Мне, по правде сказать, гораздо больше увлекала возможность во время этого нашего разговора просто взять и подергать его за усы. Понимаешь? Вот этого вурдалака, как про него пишут, под взглядом желтых глаз которого мертвели маршалы и чуть не падали в обморок министры… А вот с Лениным было бы действительно интересно поговорить по душам. Я б рассказал ему, как в моем детстве отмечали его столетие и превозносили как нового Бога, а потом, уже во время моей молодости, стали печатать документы, где он призывал расстреливать попов, и чем больше, тем лучше. Ну ладно, классовая борьба до упора… Но вот как он воспринял бы известие о том, что все те коммунистические замки, которые он вслед за Марксом рисовал в воображении и за возведение которых так рьяно всю жизнь боролся, все это оказалось воздухом, миражом, туфтой?.. Он же хоть и фанатик был, но очень неглупый человек, он же не стал бы, как некоторые нынешние наши старички, упираться и доказывать: архитекторы были хорошие, но вот строители подкачали… Везде, на всех континентах?.. А ты бы куда на машине времени отправилась?

– В древнюю Грецию, – мечтательно сказала она, но тут же сообразила: – Нет, я ж ничего там не поняла бы, что они по-древнегречески говорили бы. Нет, лучше бы встретиться со всеми моими бабушками и дедушками, всеми пра-пра-пра… Ты знаешь, что у меня прабабушка была дворянкой?

– Столбовою?

– Не знаю. В Орловской области…

– Подожди, Кристина, ну а разве не интереснее было бы встретиться со всеми, в чьих телах ты раньше жила… ну, до Мэрилин Монро еще… да и с ней тоже? Ах, да, языковой барьер… А насчет предков – это здорово. Мне бы тоже хотелось встретиться со своими дедами, прадедами…Ты понимаешь, в каждом из нас есть их частичка, и это не метафора, не фигура речи, а, как говорится, медицинский факт. Ну, на молекулярном хотя бы уровне. Представляешь? Молекулы, которые есть в тебе, были и в той самой столбовой дворянке, и, может, в ратнике, который сражался на Куликовом поле. А в битве на Калке – наверняка. Да, а что ты думала? Ведь чем дальше в глубину веков будем заглядывать, тем у нас там больше предков. Я как-то прочел в «Аргументах и фактах», что со времени появления людей вида Homo sapiens, то есть примерно за пятьдесят тысяч лет, на Земле их прошло больше двух с половиной тысяч сменяющих друг друга поколений. Теперь прикинь: два в степени 2500 – это… Короче, страшно сказать сколько! Во всяком случае. это во много-много раз больше, чем было людей во время появления человечества; просто за эти полсотни тысяч лет разные генеалогические линии пересекались многократно. Ну, а то, что все мы, ныне живущие, произошли от одной женщины, которая когда-то жила в Африке, наукой точно установлено.

Потом начали фантазировать о том, что будет на этом самом месте, где они сейчас, через пятьдесят, сто, двести лет. Шуляков вспомнил, что когда он учился в школе, слышал от пацанов такое выражение: «куркуль маяцкий»

(кто-то из учеников ездил в их школу, в центр города, с Маяка). И только потом, уже будучи взрослым, догадался об этимологии: ведь в тридцатые годы на сухумском Маяке поселилось много раскулаченных с Кубани. Кристина, оказалось, никогда и не слышала такого выражения. Ну, а почему этот микрорайон, протянувшийся вдоль берега моря, считается в городе одним из самых непрестижных и депрессивных? А Синоп, на другой стороне бухты, – наоборот, элитный. И цены на недвижимость там в два-три раза больше… Ну да, конечно, на Маяке много болотистых мест, соседство с городской свалкой и так далее. Но ведь и Петербург на болотах строили. А до Маяка пока еще ни у кого руки не дошли. Хотя еще в те же тридцатые годы прошлого века, сказал Шуляков, был разработан план развития микрорайона, по которому озеро соединялось с морем каналом и на нем собирались построить гребную базу. Так или иначе, но за нынешним затхлым Маяком – будущее, потому что городу некуда больше расти, а здесь огромные неосвоенные равнинные пространства. Значит, рано или поздно здесь вырастут новостройки, и, конечно, они будут куда комфортабельнее, чем на нынешнем Новом районе. То есть судьбы элитного микрорайна Маяку не избежать. «И ты обязательно это увидишь», – заключил Шуляков. «А ты – нет?» – предсказуемо возмутилась она.

Когда она вышла его проводить, он обнял ее и прижал к себе. «Ты чувствуешь, – сказала она, – наши сердца бьются друг о друга?».

Но заводя мотор своего видавшего виды «Жигуленка», Шуляков задумался: насколько он был прав, отобрав сегодня три часа у своей семьи, у детей?.. А может все дело в желании доказать, что есть-таки у него «внутренняя свобода»? Да нет же, нет, просто его тянет сюда. В том числе и чтобы ощутить себя рядом с «Мэрилин Монро». Вплоть до того, чтобы в шутку похвастаться самому себе: я, мол, спал с той, которая была Мэрилин Монро. Кстати, он уже давно придумал такое оправдание этой своей свя-

зи на стороне: продолжается, мол, изучение темы. Ага, в рамках приема «журналист меняет профессию». Для себя, естественно, придумал, потому что не сомневался: Лейла никогда об этом не узнает.

Жизнь в очередной раз заставила его удивиться своей непредсказуемости. Пять месяцев назад он воспринимал Кристину одним образом, спустя несколько недель – совершенно другим. А что будет еще через несколько месяцев?

А если продолжать думать про те самые две с половиной тысячи поколений земной цивилизации… В последние века, с появлением письменной культуры, произошел качественный скачок, в результате которого смена поколений у нас, людей, стала резко отличаться от смены поколений в животном мире. Сегодня, если только не включать сюда наиболее отсталых и темных представителей рода человеческого, это мыслящий океан, как в «Солярисе» у Лема. Я – не Шекспир, не Моцарт, не Тарковский, но в моем мозгу, как и в мозгах миллионов и миллионов, хранятся фразы, музыкальные гаммы, зрительные образы, рожденные когда-то в гениальных умах. Значит, и я – носитель частичек их душ. А если исходить из этого посыла, то кто и как докажет, что Кристина – это не новое воплощение Мэрилин Монро? Если она верит в это, чувствует себя ею?..

*2006*

## БЕШЕНЫЙ ОГУРЕЦ

– Бондо Дзукович, Бондо Дзукович! – голос соседки с первого этажа настиг его в тот момент, когда он уже заворачивал за угол дома.

Обернулся, нетерпеливо перебросил потрепанную папчонку из руки в руку. Низенькая и полная, с обнаженными плечами, похожими на сливочное мороженое, Манана

подкатилась, на ходу вытирая руки о передник, заискивающе заглядывая в глаза.

– Что такой? Что вам хочет? – и обычно-то не слишком сильный в русском языке Бондо Дзукович начинал безбожно коверкать слова, когда сердился, а это случалось, например, если он «спешал» и его в этот момент останавливали.

– Бондо Дзукович, дорогой вы наш, золотой, знаю, сколько у вас делов, но найдите для меня время… Обнаглела эта повариха, клянусь детей! Это у нее «на молоке» каша называется!.. – в голосе женщины появились визгливые нотки. – Может, рядом молоко и стояло, когда она ее варила! И еле-еле теплую дает – кошка не обожжется…

– Угу, кошка, – Бондо Дзукович насупился, достал из внутреннего кармана пиджака замусоленную записную книжицу с вложенным в нее тонким карандашом. – И где это?

– Да в детсаду у Ликочки нашей, у внучки…

– Понял… Сегодня заняться не могу – в горсовете дело имею, а завтра – сделием. Как заведующей детсада фамилия?

– А Бог ее знает, – замахала руками Манана.– Высокая такая, с прической.

– Есть такой делё, – кивнул Бондо Дзукович, делая запись в книжке.

– Ой, не знаю, Бондо Дзукович, как вас и благодарить… Правильно Анжела сказала: ты, говорит, прямо к Дзуковичу иди и ни к кому больше, от остальных толку нету, а Дзукович этого так не оставит. Я из окна вас увидела – и за вами…

– Благодарить потом будешь, когда положительных сдвигов добьемся, – произнес он, возвращая записную книжку на прежнее место, и, кивнув на прощание, продолжил свой путь.

Сказано было суховато, отчасти даже сурово, но суровостью этой Бондо Дзукович скрывал улыбку, готовую

вот-вот растянуть уголки губ. Что ни говори, а последние слова Мананы подняли ему настроение, даже зашагалось бодрее. «Нет, не напрасно, значит, все это… то, что делаю… Нужен еще, оказывается, людям старый семидесятипятилетний пень. И не одному-двум близким людям, а всем окружающим нужен! Хотя казалось бы – после всего пережитого, войны, всех этих потрясений и передряг слова «общественная работа», «общественник» могут только смех вызывать, но ведь нет…

Конечно, расцвет деятельности Бондо Дзуковича как общественника пришелся на восьмидесятые годы, когда он стал достопримечательностью не только микрорайона, но и всего Сухума, заполучив удостоверение внештатного инспектора Комитета народного контроля. Причем был он не только «проверяльщик». Дома у Бондо Дзуковича в тяжелой папке бордового цвета уже не одно десятилетие хранилась вырезка из «Советской Абхазии» – заметка о нем под заголовком «Человек, которому до всего есть дело». Там – и о его двухлетней борьбе за то, чтобы аптекоуправление организовало прием пустых пузырьков из-под лекарств, и о том, как создал у себя в квартире кружок любителей классической музыки и каждую неделю собирал подростков из всех квартир своего дома слушать пластинки с оперными ариями. Ну, а сколько историй о том, как помог кому-то в решении бытовых проблем, примирил конфликтующие стороны…

Высокий и прямой, как шест для сбивания орехов, вечно спешащий куда-то с неизменной папкой под мышкой и в туфлях со стоптанными каблуками, у одних он вызывал широчайшую улыбку и предвкушение забавной беседы, у других – желание излить душу в надежде на помощь, у третьих – как правило, должностных лиц – аллергию и стремление как можно быстрее исчезнуть из его поля зрения. «Лучше иметь дело с целой бандой бритоголовых, чем с одним Бондо Дзуковичем» – любил повторять в свое время один толстопузый бюрократ из

жилуправления, унесенный затем ветром грузино-абхазской войны.

Как и у многих колоритных личностей, у него было немало прозвищ. Например, «Одуванчик». Венчик редких седых волос вокруг лысой головы придавал ему, надо сказать, довольно комический вид. Не исключено, впрочем, что назвали его так и из контраста с образом «божьего одуванчика» – бессловесного старичка-задохлика. Бондо Дзукович же был шумлив и вездесущ: казалось, где и когда б ты ни появился, все равно услышишь его пронзительный голос, которым он о чем-то рассказывает, кого-то наставляет.

Звали его еще и «Полуглот» – так он выразился однажды, желая сказать, что владеет несколькими местными языками, включая армянский и греческий. В совершенстве, правда, ни одного не знал, а поскольку мать у него была мегрелка и вырос он в селе на границе Очамчырского и Гальского районов, на абхазском говорил с явным мегрельским акцентом. (Злые языки утверждали также, что перед войной, говоря на русском в компании, где преобладали абхазы, он, сознательно или бессознательно, добавлял в речь абхазского акцента, а в мегрельском окружении – соответственно мегрельского).

Употребляли эти прозвища, естественно, за глаза, потому что рассердить Бондо Дзуковича было проще простого. Впрочем, к еще одному – «Всевидящее око» – у него было более сложное, можно сказать – противоречивое отношение. Прозвал его так когда-то Вадик Самсония, светловолосый патлатый парень из первого подъезда их пятиэтажки, сын преподавателя института.

– Бондо Дзукович, а видело сегодня твое всевидящее око, что я окурок мимо урны бросил? – в свое время это была излюбленная его шутка.

Бондо Дзукович почти не обижался. С Вадиком у него установились своеобразные приятельски-фамильярные отношения, включавшие и взаимное подтрунивание. И он

старался не выходить за границы этих отношений, хотя порой и нелегко было скрыть неприязнь к этому откормленному профессорскому сынку. Остановится, бывало, этот Вадик посреди двора с такими же, как сам, шалопаями – разговаривают и ржут, как перестоявшиеся жеребцы. На замечание же только и сделает невинные глазки: «А что тут такого, Бондо Дзукович? Здоровый детский смех…». А однажды даже как бы порекомендовал ему: «Эффектней было б сказать, что мы не перестоявшиеся жеребцы, а перевозбужденные бабуины».

О еще одном прозвище следует сказать особо. Появилось оно еще лет за десять до войны, после как всегда эмоционального, со множеством ярких подробностей рассказа Бондо Дзуковича о посещении им интродукционно-карантинного питомника растений в Гулрыпшском районе. В этом питомнике, рассказывал он, растет так называемый «бешеный огурец». В общем-то, он похож на обыкновенный огурец, но когда созреет, к нему нельзя прикасаться: тут же взрывается, разбрасывая семена на расстояние до двенадцати метров. Бондо Дзукович по свойственной ему любознательности не смог удержаться, чтобы, улучив момент, не ткнуть самый, как ему показалось, спелый огурец веточкой. Результат превзошел все ожидания. И сам он, и сопровождавшие его товарищи оказались в буквальном смысле слова обстреляны мелкими липучими семенами.

Рассказ Бондо Дзуковича пользовался таким успехом в просторной беседке, где по вечерам собирались из окрестных домов нардисты, доминошники и любители, выражению Вадика Самсония, «перетереть вопросы международной безопасности», и ему пришлось столько раз повторять его «на бис», что вскоре его самого стали называть «Бешеный огурец». Во-первых, тут явственно просматривалась аналогия со взрывным характером Бондо Дзуковича. А во-вторых, как начал однажды в его присутствии рассуждать один из первых златоустов их микрорайона Сеня Гесслер, не есть ли Бондо Дзукович такой же сея-

тель «разумного, доброго, вечного», как и любой педагог по призванию, но не мерно разбрасывающий это самое «разумное» из допотопного лукошка, а разом выплескивающий, исторгающий, стоит только задеть его за живое? То ли благодаря этому объяснению, то ли по каким-то другим причинам, но прозвище «Бешеный огурец», к общему удивлению, единственное из всех однозначно пришлось Бондо Дзуковичу по душе и воспринималось им вполне благосклонно.

…День, однако, не задался. Бондо Дзукович просидел в приемной главы Администрации города (по привычке он обычно называл Администрацию горсоветом) до четырех вечера. Но напрасно – глава, «выехавший на объекты», на исходе рабочего времени позвонил секретарше и сообщил, что сегодня его уже не будет. Бондо Дзукович, в папке у которого скопился целый ворох бумаг с различными жалобами и заявлениями, чертыхнулся и поплелся вниз по широким мраморным ступеням, истоптанным подошвами поколений просителей… Единственное, что утешало, – отвел за это время душу в воспоминаниях о былом с секретаршей, которая «пережила» за своим столом трех председателей горисполкома и четырех глав Администрации.

Войдя во двор своей пятиэтажки со стороны троллейбусной остановки, издали услышал шум голосов в беседке – значит, там уже собрались завсегдатаи.

Беседка эта, кстати, была его детищем: когда-то именно он подал идею, а также организовал сбор средств и строительство. В любой ливень беседка надежно защищала от него своей круглой крышей сидевших за столом и вошедших в азарт игроков в домино. И даже в самые душные летние вечера, благодаря ветерку, который циркулировал здесь, в проходе между густыми зарослями мимозы и лавровишни, в ней приятно бывало коротать время. Какие только споры ни велись здесь за последние тридцать лет – о ситуации вокруг Фолклендских (Мальвинских)

островов, о том, каковы были настоящие фамилии Троцкого и Утесова, о противостоянии в 91-м Гамсахурдиа и Джабы Иоселиани (потом, во время войны, «гвардюки» едва не увезли на расстрел русского старика Михалыча, который эти трудные для него имена собственные выговаривал как «Хамсахурдия» и «Жаба»), о перспективах международного признания Абхазии… В советские времена беседка эта время от времени превращалась также и в зал общих собраний жильцов, места в котором дополнялись вынесенными из квартир скамеечками и стульями. В такие вечера бессменный председатель домового комитета Бондо Дзукович, расположившись за списанной институтской кафедрой, неведомо когда и как попавшей во двор и хранившейся обычно в гесслеровском гараже, делал – обязательно по написанному тексту – свой очередной доклад о проблемах жизни двора. Он придавал этим собраниям жильцов большое значение и частенько сокрушался перед их началом, с растерянным лицом подходя к заместителю председателя домкома Грищенко: «Что делать, Петр Иванович? Люди мало…». Но в конце концов если не из всех, то из большинства квартир жильцы собирались. Тем более что для некоторых послушать эмоциональную, полную неожиданных логических переходов и парадоксальных выводов речь Бондо Дзуковича было прекрасным развлечением. Вадик Самсония даже записывал в тетрадку его отдельные выражения: «Имеют место несунов», «Много недостатков в общественных питаниях», «Вялая рыба» (вместо «вяленая»), «Похож на колобока» (вместо «колобка»)… А также составлял «словарь Бондо Дзуковича»: «сразом» – «сразу», «крант» – «кран», «пиджама» – «пижама», «колбас» – «колбаса», «чикалат» – «шоколад», «клетчистый» – «клетчатый», «гравер» – «гравий» и др. «Вопросов есть?» – интересовался обычно Бондо Дзукович в конце доклада и сам себе отвечал: «Вопросов нет!» Следовали нестройные, но обязательные аплодисменты…

Э-э, то время, конечно, уже безвозвратно ушло. Какие там собрания, какие доклады!.. В доме и жильцов-то осталось – кот наплакал. Правда, все пустующие квартиры, как и положено, были кем-то «заняты». Только в самые последние годы они стали потихоньку заселяться новыми жильцами – из сел обычно.

И все же беседка осталась культурным очагом, и не только для пятиэтажки Бондо Дзуковича, но и для близлежащих домов.

…Поскольку подошел он к беседке не со стороны входа, а с обратной, где рос густой барбарис, решил сперва по многолетней привычке остановиться и прислушаться.

Разговор в беседке, как это нередко получается, был подобен реке, разделившейся на два рукава. Слева басил таксист Ашот, которого хлебом не корми, а дай блеснуть своими познаниями, доказывая кому-то невидимому: Амати был учителем Страдивари, а Гварнери уже после них жил… А справа по очереди солировали Сеня Гесслер и Вадик Самсония, и аудитория у них была явно побольше.

– Бондо Дзукович! – увидел его Сеня Гесслер. – Вот вы-то нам и нужны, идите сюда.

– Я всем нужен, – пробормотал он, входя в просторную, увитую виноградной лозой беседку и кивками головы приветствуя собравшихся – человек семь-восемь соседей.

– Бондо Дзукович, – продолжил веснушчатый Сеня с явно преувеличенной почтительностью (он бывал то приторно вежлив с ним, то ехиден), приглашая садиться, – мы вот тут как раз начали рассказывать Крохе, как вы двух наших соседей мирили – Шакро и Хвичу. Может, сами расскажете?

– Да чего там такого, – пробормотал Бондо Дзукович, – Ну, мирил… Я многих мирил…

Беслан Лагиндзия, он же Кроха, могучий черноусый детина из новых жильцов, переехавший после войны из

Очамчырского района, сидел аккурат напротив и поблескивал глазами цвета мазута. Это детское, семейное имя Кроха никак не могло от него отлепиться и в пятидесятилетнем возрасте – в частности, наверное, и из-за прикольного контраста с его внушительной внешностью. Вся округа звала его именно так – несмотря на то, что у него уже имелось трое детей, один внук и две отсидки. Впрочем, подобными детскими именами в Абхазии никого не удивишь: Масиками, которые уже приближаются к пенсионному возрасту, Котиками под два метра ростом т. д.

– Короче, ладно, рассказываю, – с видом человека, которого смогли-таки уговорить, продолжил Сеня. – Жили до войны вот тут, недалеко от нас, в частных домах, два мингрельца. Шакро здесь родился, а Хвича уже в годах был, когда дом рядом купил и с семьей сюда переехал. Первые годы они не разлей вода были. Породниться даже собирались, но вдруг сын Хвичи, который обхаживал дочку Шакро, принимает, как говорится, неожиданное решение и женится на другой – молоденькой девчонке. А дочка Шакро довольно долго была на выданье и, как говорится, уже устала ждать… Короче, бывшие друзья превратились в злейших врагов. И в день свадьбы, только-только приглашенные за столы сели, ко двору Шакро начали съезжаться машины – сперва пожарная приехала: «В чем дело, где горит?», потом «Скорая помощь», потом милицейская… Хозяевам, понятно, уже не до веселья было. Ну, ладно. Шакро сходу понял, откуда ветер дует, и ночью в отместку спустил в туалет Хвичи два кило дрожжей. Утром у того весь двор представлял – догадываетесь, что? – зловонную лужу. Ах, так? Тогда Хвича тоже переходит на химические средства ведения войны и следующей ночью разливает на крыше дома Шакро несколько пузырьков валерьянки. Утром на этой крыше были уже все окрестные коты и кошачьи вопли оглушали соседние дворы. Шакро терпел, терпел, потом схватил ружье и начал – бах, бах, бах – этих котов

отстреливать. А поскольку он уложил тогда немало ценных сиамских, ангорских и прочих кошек, ему пришлось держать ответ перед их разъяренными хозяевами со всей округи. Шакро подал на Хвичу в горсуд, чтоб тот возместил ему весь моральный и материальный ущерб. Хвича предъявил встречный иск. В суде за голову схватились: что с ними делать? В конце концов, сплавили дело в товарищеский суд домоуправления. И тут оно попало в поле зрения неравнодушного человека Бондо Дзуковича, который, как известно, считался и считается большим мастером склочных дел… то есть, прошу пардона, мастером по примирению конфликтующих сторон. Короче говоря, Бондо Дзукович взялся за дело, но будучи также человеком увлекающимся, с самого начала принял сторону Шакро. Первое, что он решил доказать, – это что сын Хвичи действительно должен был жениться на его дочери. Однако так переусердствовал, доказывая это, что Шакро в конце концов уже на него в суд подал – за распространение порочащих семью слухов. Было такое или нет, Дзукович? А однажды даже собаку на него спустил.

– А-а, тоже чатлах оказался, – поморщился Бондо Дзукович. – Если люди без головы, что я могу сделать? Я же не могу им голову… это… сочинить!

– Бондо Дзукович, – без всякой связи с темой разговора хихикнул Вадик Самсония (давно уже не патлатый, а поблескивающий плешью на темени), – а правда это, что, как утверждают злые языки, вы лук, который на рынке продают, называете «люк», а люк – тот, который на улице, с крышкой, – «лук»?

Бондо Дзукович сидел нахохлившись, собираясь с мыслями для достойного ответа, но развитию их диалога помешало появление в беседке Пазика – маленького лысого желчного человека лет пятидесяти пяти, жившего в соседней пятиэтажке. Вообще-то в паспорте он был записан как Аляс, но прозвище «Пазик» приклеилось к нему еще с малолетства – очень уж, говорят, машины любил.

Пазик с грохотом опустил на стол нарды и без предисловий начал рассказывать, что на работе его «кинули» как претендента на ведомственное жилье (в ИЭПиТе, где он работал водителем, давно уже шла раздача квартир опустевшей со времен войны девятиэтажки института). В этом проявилась позиция их профсоюза, который, как и все профсоюзы, неизвестно зачем создан, потому что не защищает интересы работяг, а слушает только то, что скажет начальство. Бондо Дзукович, как бывший профсоюзный лидер, после этих слов почувствовал себя уязвленным и начал медленно угрожающе подниматься.

Кстати, с его профсоюзной деятельностью в конце 70-х годов была связана еще одна история, имевшая хождение во дворе. Рассказывали, что некогда во время доклада на одной из профсоюзных конференций он так допек какого-то работника, что тот, не выдержав, отвесил ему оплеуху и покинул зал. После чего Бондо Дзукович долго кричал, что в его лице эта пощечина была нанесена всем советским профсоюзам, и отказывался продолжать доклад, пока данный инцидент не будет занесен в протокол.

Итак, Бондо Дзукович начал медленно подниматься, чтобы сразить Пазика ответной репликой, но не успел, потому что тот заговорил уже непосредственно о нем:

– Вот когда на моем этаже 16-я квартира пустовала… Если бы Бондо Дзукович в то время на меня не надулся, мог бы замолвить слово в жилкомиссии. Перешли б туда сын с невесткой – что б им еще пока надо было?

– Ты сейчас нашел тоже причину, – возмущенно возразил Бондо Дзукович. – Я если надуюсь, так тут же и раздуюсь…

Стараясь не реагировать на смех в беседке, он начал обстоятельно излагать Пазику порядок действий, который был необходим тому, чтобы закрепить за собой пустовавшую квартиру: куда обратиться с заявлением, какие документы собрать… Но Пазик, обиженный на весь белый свет, продолжал зудеть как шмель:

– Я же не умею, как некоторые… занимать все вокруг! Хоть я на Восточном фронте с первых дней был. В окопах здоровье потерял… А вы, Бондо Дзукович, – все знают – всю войну здесь под юбкой у жены просидели, а когда наши пришли, смотались с ними в Гудауту – и появились через день уже с автоматом, как «освободитель». В комендантской роте, мол…

– Эй, эй, Дзукович! – первым кинулся к нему Сеня Гесслер.

Бондо Дзукович, держась рукой за сердце и посерев лицом, медленно заваливался набок. Засуетились все, в том числе и не на шутку перепуганный Пазик. Кто-то совал в ладонь Бондо Дзуковича таблетку валидола…

«Ничего, ничего, – бормотал Бондо Дзукович – уже прошло». Наконец, Вадик Самсония и Кроха взяли его под руки и повели домой, на четвертый этаж – отлежаться.

Скоро сердце отпустило, но в голове молотком продолжало стучать: «Ах, Пазик, Пазик… Ну ты еще пожалеешь, что открыл сегодня свой грязный рот…».

Подтекст выступления Пазика был такой, что Бондо Дзукович, мол, тоже позанимал… А что он позанимал? Да, дочка с зятем поселились рядом в бесхозном доме, так они сами поселились, давно уже своей семьей живут. Сам он со старухой тоже присмотрели неподалеку брошенный дом-развалюху, с неплохим, правда, участком. Этот участок немало помог им в самое трудное послевоенное время, когда все выживали кто как мог. Но потом заболела дочка, и чтоб помочь ей, тот дом с участком пришлось продать за бесценок.

А до этого, когда сам он типа чего-то не так сказал… Снова и снова звучал в ушах тот взрыв смеха в беседке... Ну, сказал и сказал… Зачем же издеваться над пожилым человеком, посмешище из него делать? Выходит, что все его дела, все добро и не стоят ничего?

Да и Сеня тоже… Зачем ему понадобилось сегодня вспоминать про ту историю с Шакро и Хвичей? Эх, люди,

люди, ну что с вами! Ненавидят друг друга, интригуют, подличают… А ты, Бондо Дзукович, ходи, перебирай ваше грязное белье, да сам потом и виноватым будешь. Как говорится, ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

… Почувствовав голод – с утра ведь крошки во рту не было, а жена уже три дня как у родственников в селении гостила – прошаркал в шлепанцах на кухню, нашел в холодильнике полбатона вареной колбасы. Хлеба в хлебнице не было. «Ладно, – решил Бондо Дзукович, – поджарю – и с холодной мамалыгой сойдет». Едва красные, недовольно пофыркивающие кружки колбасы соскользнули со сковородки в тарелку, раздался звонок в дверь.

– А-а, – обрадовался Бондо Дзукович, – проходи, Петр Иванович. Колбас будешь со мной кушать?

– Спасибо, не хочу, – начал отнекиваться сосед из третьего подъезда Грищенко. – Ну как, лучше тебе?

– Да вроде отпустило. Садись.

– Я насчет Бориса – помнишь, вчера договаривались? Так я не знаю: стоит идти или нет?

– А почему – «нет»? – удивился Бондо Джотович, несмотря на протестующий жест гостя перекладывая ему в тарелку два кружка колбасы.

– Ну, так… как твое самочувствие, не знаю. А если разволнуешься?

– Э-э, Петр Иванович, если б мы с тобой только о своем здоровье думали… то это и не мы были б… Вот подкрепимся – и пойдем.

В записной книжке Бондо Дзуковича на этот день оставалось еще два невычеркнутых пункта, и первый из них – «Михеевы» – был, пожалуй, самым серьезным из всего на сегодня запланированного.

… Молодая супружеская пара Михеевых жила во втором подъезде на третьем этаже. Борис женился за пару лет до смерти своего отца. И жену его, худосочную коротко стриженую блондинку Вику, Бондо Дзукович невзлюбил с

самого начала. Борис работал на стройке, маляром-штукатуром, а Вика все еще училась в каком-то колледже. И все ее заботы, казалось Бондо Дзуковичу, сводились к тому, чтобы самой «накраситься – наштукатуриться». Ну а мини-юбки ее и топики вообще выводили Бондо Дзуковича из себя, и, кстати, не только его. «А что такого, – хлопала обычно Вика накрашенными ресницами, – что естественно, то небезобразно. И мы же не в Эмиратах живем».

Дошло до того, что она и на рынок за продуктами приучила Бориса самого ездить, сама прохлаждаясь дома. В общем, как выразился Сеня Гесслер, сумела свернуть мужа в рог изобилия.

А неделю назад по дому пополз слушок о «коротком замыкании» в квартире молодых супругов. Началось с того, что соседка сверху видела электрика Рубена со второго этажа выходящим в полдевятого утра из квартиры Михеевых. А Борис-то в это время уже давно на работе был… Рубен пользовался в округе репутацией мастера – золотые руки, но не только. Ему было уже за сорок, но он пока не растерял тех качеств ловеласа и «пляжного льва», которыми и сегодня любил похвастаться.

«Да вы что, она же в дочки мне годится – возмутился Рубен на чей-то намек. – Проводку у них замкнуло, чуть пожар не был.

– Ну, в дочки – это как раз ничего, – прокомментировал потом Вадик, – не в бабушки же…

Может, парой шуток дело бы и закончилось, но потом Рубена во дворе встретил Бондо Дзукович и решил с ним поговорить «по душам». Дошло едва ли не рукоприкладства, но Рубен все же взял себя в свои золотые руки и ушел, бормоча под нос что-то оскорбительно-угрожающее.

Между тем у Михеевых резко испортилась «погода в доме». Из квартиры их целый вечер накануне слышались крики и ругань, и сегодня с самого утра Бондо Дзукович договорился с Петром Ивановичем зайти к ним и обсудить ситуацию.

Борис встретил их сумрачно, но это Бондо Дзуковича не обескуражило: понимал, каково ему сейчас на душе.

– Разрешите присесть? – с подчеркнутой вежливостью обратился он к вышедшей из кухни Вике. Та пожала плечами и отвернулась. Даже кофе не предложила.

Петр Иванович пристроился на диване, а Бондо Дзукович сел за круглый стол в центре гостиной и решил, как говорится, брать быка за рога:

– Семья – это как бы кирпич… из которых сложено здание общества. И прочность этого здания зависит от прочности чего?.. – он поднял худой указательный палец – Правильно. Кир-пи-чей!

Это «правильно» прозвучало несколько фальшиво, поскольку никто и не думал подсказывать ему ответа.

– Да ладно вам, – пробурчал Борис. – Не на собрании находимся.

– Без разницы, – строго возразил Бондо Дзукович. – Я и на собрании это скажу, и сейчас обоим вам в глаза говорю… Вот послушайте, что пишут в газетах, – он достал из папки пожелтевшие вырезки. – «В жизни каждого человека бывают такие критические моменты, когда требуется мобилизация всех внутренних ресурсов, всего опыта, всех душевных сил. Таким испытанием может стать супружеская измена. Психологи, демографы, социологи рассматривают ее не только как чисто моральную проблему, но и как один из факторов нестабильности семьи». А вот, пожалуйста, какая история произошла в городе Хвалынске Саратовской области: «В семье М. сложились трудные внутрисемейные отношения. Жена увлеклась другим человеком – своим сотрудником. Муж на почве этого начал злоупотреблять спиртными напитками. А общественные организации ни на работе у них, ни по месту жительства не проявили ни малейшего внимания к судьбе семьи. Остались в стороне и соседи. В результате произошла трагедия: муж нанес жене три ножевых ранения, и ее едва удалось спасти».

– Извините, – с трудом, видно, сдерживаясь, заговорила Вика. – Зачем вы нам эту лабуду читаете? Можете объяснить?

– А тут и объяснять нечего, – пожал плечами Бондо Дзукович. – Лучше скажите, дальше как жить собираетесь?

– Молча, – взорвался Борис. – Слушайте, что вам надо, любознательные вы наши?

Бондо Дзукович в смятении оглянулся на Петра Ивановича: к человеку с чистым сердцем пришли, помочь, поддержать, а он… Но Петр Иванович сидел, потупив глаза, как двоечник на уроке, и вертя в руках свою старую фетровую шляпу, какую в Сухуме носил уже, наверное, только он один.

– Вот вы, наверное, думаете, что очень большую пользу людям приносите, – все сильней расходился Борис, – бегаете, бумагами своими шуршите… Да вы только жить всем мешаете!

Кровь ударила Бондо Дзуковичу в лицо, он медленно, чувствуя, что задыхается, поднялся:

– Т-ты меня не нервничай… Ты знаешь, кто ты? Антипод! Да я сколько для люди сделал… Сперва сморкаться научись, а потом уже на меня голос повышай!

– Ну, разве так можно, Боря? – суетился где-то сзади Петр Иванович и все совал, совал в руку Бондо Дзуковичу валидол.

– Да, твой отец не такой был, – с горечью пробормотал Бондо Дзукович.

– А вы моего отца не трогайте, тоже из него немало крови выпили! – крикнул Борис, решительно прошагал в прихожую и распахнул входную дверь.

– Минуточку! – запротестовал Бондо Дзукович. – А почему ты так абстрактно поступаешь?

Но Борис уже не слушал его, а взяв за воротник, начал подталкивать к выходу.

Через несколько мгновений они с Петром Ивановичем оказались на лестничной площадке, и дверь за ними с шумом захлопнулась.

«Что же это такое? Стыд-то какой, ай-яй-яй!» – огненной каруселью крутилось в голове Бондо Дзуковича, когда он спускался вниз. – Хорошо еще, если никто больше не видел…».

Петр Иванович еле догнал его. Они опустились на скамейку при входе в подъезд – благо, вокруг не было ни души – и Грищенко принялся его успокаивать: не стоит, мол, обращать внимания на слова разобиженного мальчишки.

– Нет, но как он посмел… жить я, значит, всем мешаю! – не мог успокоиться Бондо Дзукович. – Да я… да ты же видел, Петр Иванович, какая у меня обстановка в квартире. Жена уже чуть пополам не распилила: «Сколько можно по этим общественным делам бегать! Другим дела делаешь, а у самого двадцать лет ремонта не было». Э-э, помнишь, Петр Иванович, я как-то спрашивал: где мне найти такое лекарство, чтоб стать равнодушным? Хоть месяц как все пожить, а?

– Не серчай на него, Дзукович, по молодости он, по глупости…

Но долго переживать по поводу поведения Бориса было некогда. Взглянул на наручные часы: без пяти восемь. А в восемь, как и было назначено, в квартире у него появился Август – худенький юркий старикашка из микрорайона «Гумиста». Август был «светлой головой», работал в свое время на хороших должностях, но потом как-то очень быстро спился. За стаканчик мог «исполнить» какое угодно письмо, что их, собственно, с Бондо Дзуковичем и сблизило. Их тщательно законспирированные встречи напоминали беседы ответственного работника с подчиненным, который должен подготовить начальству выступление. Бондо Дзукович в присущих ему эмоциональных и порой не очень связных выражениях обрисовывал обычно суть дела, а Август с неизменным мастерством излагал его на бумаге. Разница была только в том, что начальник иной раз может и сам написать не хуже подчиненного, смысл

же написанного собственноручно Бондо Дзуковичем понять было очень сложно.

Вот и сегодня, нацелив шариковую ручку на лист бумаги, Август на минуту задумался, переваривая информацию Бондо Дзуковича, а потом принялся лепить друг к другу витиевато выписанные, ровные, под линеечку буквы:

«Главе Администрации г. Сухума Лолуа Л. И. от жителей живой зоны по ул. Кипарисовой

Уважаемый Леонид Ирадионович! Обращаемся к Вам с настоятельной просьбой помочь нам в решении проблемы, которая вот уже немало лет отравляет нам жизнь. Речь идет о необходимости замены канализационных труб в районе, где заканчивается улица Кипарисовая, у дома№138. День за днем нам приходится вызывать ремонтные бригады Водоканала для откачки нечистот, которые выходят на поверхность земли из люков. Эти бригады устали приезжать, а мы устали привозить их. Руководство Водоканала прямо говорит, что надо вложить определенную сумму и заменить несколько десятков канализационных труб, иначе все это так и будет продолжаться бесконечно. А эту проблему без Администрации города не решить».

Под этим текстом собиралось поставить подписи около трех десятков жильцов, и всех их завтра Бондо Дзуковичу предстояло обойти. Да, вот так жизнь устроена: одним, таким, как грамотей Вадик, сидеть в беседке и зубоскалить, как правильно – «люк», «лук», а ему бегать с утра до вечера, чтобы те не утонули в собственных нечистотах…

Перечитав сочиненное Августом, Бондо Дзукович первым поставил свою подпись и откинулся на спинку стула. Все-таки, что ни говори, а именно здесь, в своем «кабинетике», вся мебель которого состояла из письменного стола и пары венских стульев, глядя на эти стены, оклеенные дешевыми обоями, он как нигде испытывал душевный подъем, ни с чем не сравнимое чувство нужности обществу. И пусть порой, вот как, например, было сегодня, накатывает

желание бросить все к чертовой матери, жить как все, не вмешиваясь ни во что, не борясь, но проходит эта минута слабости – и понимаешь, что иначе жить не имеешь права, да уже и не сможешь…

При воспоминаниях о минутах слабости вновь засадднило на душе. И эта хулиганская выходка Бориса, и то, как Пазик сегодня ни с того ни с сего «наехал» на него в присутствии дворового актива … Кстати, насчет Пазика… Бондо Дзукович, не обращая внимания на истомившегося Августа, полистал свою записную книжку и задумался…

Вскоре Август так же, как и в первый раз – быстро, изящным почерком и без помарок – заполнял новый лист бумаги:

«В УВД г. Сухум

Заявление

Настоящим сообщаю, что 18 октября с.г. в 8.40 утра я стал свидетелем дорожно-транспортного происшествия. На полной скорости автомобиль «ГАЗ-21» № 63-28 сбил молодую женщину, переходившую дорогу в районе железнодорожного вокзала, а затем, не оказав ей помощи, скрылся. Сбежались люди, женщина была доставлена в больницу.

Мне хорошо запомнился номер скрывшейся машины, но своего имени я не называю по понятной причине: кому хочется становиться объектом мести?».

Этот текст Бондо Дзукович переписывать не стал, а, наоборот, дал Августу надписать конверт. От придумки своей у него даже поднялось настроение. Как удачно вспомнился ему сейчас недавний рассказ Пазика о наезде у вокзала, свидетелем которого тот стал, когда ехал на работу! Наехал, конечно, не он, а какая-то иномарка, кажется «Опель». Посадить его, конечно, не посадят, разберутся, но и нервы хорошо помотают. И поделом…

После этого Август выпил свой стакан чачи без закуски и ушел твердеющим шагом солдата на плацу под зорким взглядом командира.

…Готовясь отойти ко сну, уже лежа в постели, Бондо Дзукович начал читать газету со статьей о тридцать седьмом годе, которую подсунул ему вчера один из членов городского Совета старейшин. Э-э, послушать все то, что сейчас пишут, так вся Советская страна превратилась тогда в сумасшедший дом, расстреливали сплошь невинных, а врагов и в помине не было. Нет, не так все просто. Не обходилось, конечно, без перегибов, ошибок – а что, нынче их не бывает?

Вот когда дядю по материнской линии Платона забрали – это, конечно, явная чушь была. Бездельник был, любитель в стакан заглянуть – да. Но какой из него враг? Просто шел домой ночью пьяный и поздоровался с тремя односельчанами, которые кукурузу из колхозного амбара воровали. Дорого же ему обошелся его «добрый вечер»! Те испугались, как бы он на них не донес, и написали в район, что он, мол, в царской жандармерии служил и разговоры всякие антисоветские заводит. Какая жандармерия, какие разговоры? Но обо всем этом Бондо уже только после Великой Отечественной узнал, когда дядя с Колымы вернулся, – недолго, кстати, после этого и протянул. Ну, а тогда, сразу после ареста дяди, он первым делом сжег пиджачок, который тот ему полгода назад подарил – чтоб ничего, значит, с врагом народа не связывало. Четырнадцать лет было, а соображалка уже работала.

Да, были, конечно, перегибы, искривления. Но в целом, чистка ох как нужна была. Оно и сейчас не мешало бы железной щеткой пройтись.

…Кстати, соображалка, в общем-то, не подводила его и всю последующую жизнь. В пятьдесят первом работал навалоотбойщиком на ткуарчальской шахте, и взъелся на него там один мастер. Бондо очень скоро понял: или он его, или тот его… Вот тогда-то и сочинил свое первое письмо в органы. Сработало безотказно – мастер исчез, и с тех пор Бондо Дзукович его не видел. И главное – ничем ведь против истины не погрешил, все верно описал: и как

тот рассуждал с расплывчатых, внеклассовых позиций, и как высказывал сомнения в осуществлении планов партии…

Ох-хо-хо, власть за все эти прошедшие годы столько раз менялась, что лезть в политику – это гиблое дело. Пусть, считал Бондо Дзукович, большие люди «политику разбирают». Только при любой власти нужны люди с активной жизненной позицией, на которых можно с уверенностью опереться!

Уже почти засыпая, Бондо Дзукович выпростал руку из-под одеяла и глянул в лежавшую на тумбочке записную книжку: на следующий день с учетом посещения детсада у него значилось шесть пунктов – на один больше, чем сегодня. И снова бой, как сказал поэт, покой нам только снится…

*2000*

## ДОРОГА НА ЧУМКУЗБУ

Последний урок был ознаменован происшествием: у круглолицего смешливого гречонка по прозвищу Спирка пропали серебряные часы с цепочкой – разумеется, отцовские, взятые из дома без спроса. Часы и впрямь были необыкновенные: с пятью украшенными глазурью крыльями, которые откидывались с тихим шелестом, открывая циферблат, после чего раздавался мелодичный перезвон. Всего меньше часа назад, на перемене, вокруг парты Спирки толпились одноклассники и в который раз рассматривали это чудо.

Спирка заметил пропажу в конце урока и теперь сидел за партой, размазывая по лицу слезы и хлюпая носом в предчувствии домашней порки.

– Ну, это просто свинство, – сказал Верхолаз, сосед Спирки по парте и первый силач класса. – Отдайте, кто взял. Пошутили – и довольно.

Все молчали.

– Мне бы не хотелось ставить в известность господина инспектора, а тем более полицию,– сказал учитель словесности Ксенофонтов.– Подумайте о чести класса.

Рыжий, как морковь, Ксенофонтов отчаянно трусил: отец Спирки был известный в городе виноторговец, и инцидент грозил весьма неприятными последствиями.

– А вы, Спиранти, везде смотрели? Может, еще куда положили?

Спирка только горестно всхлипнул.

– Что ж,– сказал, побледнев, словесник,– очевидно, придется прибегнуть к поголовному обыску...

Неужели в классе завелся вор? Случись это в начале года, и думать бы не пришлось: на такие штуки был способен Костыль, но Костыля уже несколько месяцев как исключили из училища.

– Спирка,– негромко спросил Головастик,– а твои часы давно заводились?

– Н-недавно.

– Ага... Вынести из класса их никто не мог, выходит, они где-то здесь, и их можно услышать!

– Сказал тоже,– разочарованно протянул с «камчатки» Хачик,– как это ты их услышишь?

– Ну, если ты не услышишь, так я услышу,– отрезал Головастик.– Только чтоб тихо было! Можно, Николай Фомич?

Не дожидаясь ответа, Головастик двинулся между рядами, останавливаясь на каждом шагу и прислушиваясь. Возле сумки Ирзы он задержался дольше обычного. Запустив в нее обе руки и обшарив внутри, вытащил за цепочку Спиркины часы.

Все так и ахнули.

– Я не брал. Это... это мне кто-то подкинул!

В классе стояла мертвая тишина. Ирза поглядел на всех сумасшедшими глазами и, схватив сумку, исчез за дверью.

Из училища вышли вчетвером – Верхолаз, Хачик, Пифагор и Головастик. Накрапывал дождь.

– Да, кто бы мог подумать... Ну и Ирза,– помотал длинной шеей Верхолаз.– Может, и правда ему кто-то подкинул?

– Кто? – остановился Головастик. – Я, ты, он?

– Ну, Головастик, ты и слухач! – выразил восхищение Хачик. – Как ты такое тиканье мог услышать?

– Он думает, я в самом деле что-то слышал, – усмехнулся Головастик. – Просто я хотел сумку Ирзы проверить. Тебе это надо, чтобы Рыжий везде свои лапы запускал?

– Правильно, – одобрил Верхолаз. – Ну, а почему ты на Ирзу подумал?

– Да... запомнил, что он несколько раз на перемене к вашей парте подходил. Ну, и еще кое-что... Главное – все замечать и ничего не забывать. Вот в прошлом году, – оживился Головастик, – у нашего Мити очки в училище пропали. Я подхожу к нему: Дмитрий Львович, если я найду ваши любимые очки, переведете в следующий класс без переэкзаменовки? Переведу, говорит. Я хотел тогда поспрашивать у ребят, в случае чего – выторговать. Но никто ничего не знал. А раз смотрю... помните, у нас на заднем дворе рукомойник висел и бочка с водой под ним стояла? Смотрю, как он умывается, – Головастик лихорадочным движением рук, разбрасывая локти во все стороны, изобразил эту картину. – И тут вспомнил, что раньше он всегда очки на лоб сдвигал. Подхожу и говорю: «Я знаю, где ваши очки». И – бац ногой по бочке. Бочка опрокинулась, вода полилась, а на дне – точно, его очки!

– Здорово, – хитренькая мордочка Пифагора выражала неподдельное восхищение. – И Кузину шапку ты в два счета нашел!

– А что Митя, сдержал слово? – полюбопытствовал Верхолаз.

– А толку-то? – засмеялся Хачик, обнажая длинные желтоватые зубы. – Все равно мы с Головастиком на второй год остались...

– Да у нас больше половины в классе на второй год оставались,– возразил Пифагор.– Тебе, Головастик, сколько сейчас, тринадцать?

–Через два месяца будет четырнадцать,– уточнил Головастик.

– А Зубу уже пятнадцать. И Кузе тоже.

– Почему у Ирзы такое прозвище? – спросил Головастик. – Верхолаз – знаю, по деревьям любит лазить. Пифагор когда-то отличился, доказывая теорему Пифагора... У Зуба зуб болел сильно... А Ирза?

– Черт его знает, этого Ирзу. Сейчас и не вспомнить, откуда это пошло. Ирза и Ирза...

– Что же теперь ему будет? – задумчиво произнес Хачик.

– Эй! Закурить есть у кого?– раздался чей-то голос.

Узкий смуглый лоб, оскаленные в улыбке белые ровные зубы, тронутые какой-то порчей крупные губы, прищур наглых серо-зеленых глаз. Так и есть, Нукри. Когда он успел пристроиться к их компании? Выходит, шел и прислушивался...

– У меня нет, – Пифагор для пущей убедительности похлопал по карманам.

Только завернули за угол церковной ограды, как навстречу вынесся фаэтон. Головастик, шедший с краю, почувствовал толчок в плечо и, сделав шаг вперед, лишь чудом удержался на ногах. Фаэтон, обдав его запахом клеенки и конского пота, прогрохотал мимо. «Аш-шайтан!» – взвился вверх кнут фаэтонщика, и спину Головастика ожгло ударом кнута.

Он оглянулся на Нукри, стоявшего с издевательской улыбкой на лице.

Хачик, Пифагор и Верхолаз молчали, понимая, как опасно связываться с Нукри. Но Головастик не имел права промолчать. Только что он был в центре внимания, и вот сейчас этот подлый толчок напомнил, что перед Нукри он – никто.

– А что... если б я тебя так?

– Ты? – Приблизившись вплотную, Нукри пугнул его резким движением руки.

– Ты, чучело, лучше ворон на заборе пугай, а не меня, – удивляясь своей дерзости, произнес Головастик.

Улыбка сползла с худого смуглого лица Нукри.

– Но, но, петухи,– прикрикнул на них проходивший мимо учитель гимназии Эдмунд Гендрикович, – разойдись!

Хачик, Пифагор, Верхолаз будто этого и ждали, послушно двинулись вслед за учителем. Головастик, помедлив, присоединился к ним, а Нукри сплюнул сквозь зубы и остался на месте, глядя им вслед тяжелым взглядом. Настроение у всех четверых вконец испортилось, даже у Верхолаза исчезла привычная для него покровительственность тона.

Если Нукри заимел зло на кого – пиши пропало, он в училище самый отпетый. Страшная, в общем, личность. До сих пор Головастику как-то удавалось избегать столкновений с ним...

Верхолаз, живший в Матросской слободке, попрощался с мальчиками.

– Да, господа, день сегодня не для прогулок,– вздохнул Хачик у своего дома и взялся за круглую медную ручку двери, сферически вбиравшую в себя окружающий мир: и большие оттопыренные уши Пифагора, и ямочку на подбородке Головастика...

Правый ботинок у Головастика давно прохудился, и сейчас в нем вовсю хлюпало. Пальцы ног занемели, до плача усиливая чувство неуютности в этом мире.

За перекрестком, у типографии Козловского, кончалась более или менее ухоженная часть Сухума и начинались грязные вонючие дворики, откуда по вечерам несло запахом болотной тины и помоев.

С пустыря, где обычно собиралась всякая шпана, доносились возбужденные голоса. В сумерках Головастик

различил сбившихся в кружок картежников, от которых вскоре отделился, направляясь к ним, плюгавенький мальчонка. Курчавые волосы мальчишки были похожи на густой перепутанный пучок темной проволоки, широкий, как канава, рот растягивался в предвкушающей улыбке. «Эй, ты, тебя Нукри зовет». – «Пусть сам идет, если я нужен». – «А чего ты боишься?»

Пока они препирались, подтянулась вся шайка-лейка, молча обступила со всех сторон, убежать было невозможно. Эх, знал ведь, знал, что придется платить за сегодняшнее глупое фанфаронство!

Последним, не спеша, подошел Нукри.

– Ну что, куцый, повтори-ка, что ты сегодня чирикал!

Головастик молчал, напряженно соображая, как быть.

Стоявший рядом длинный веснушчатый парень глумливо захохотал, обнажив черные, будто обгорелые пеньки, зубы.

– Ну, чего ты?– Нукри широкой потной ладонью размашисто провел по лицу Головастика вниз и вверх, старательно задевая его нос.

Первым побуждением было ринуться на него и ударить куда угодно, лишь бы ответить на унижение, не показаться Пифагору последним трусом. Но боковым зрением он увидел язычок лезвия в руке веснушчатого и как бы почувствовал прикосновение к телу холодной стали. Ощущение липкой отвратительной слабости поднималось откуда-то снизу... Страх... Глупо, глупо погибнуть вот так... как тот парень, которого нашли месяц назад неподалеку в сточной канаве, с обезображенным лицом и раной в боку.

– Ну-ка, Маймун, вмочи ему разок! – отступил на шаг Нукри.

Ага, и Маймун здесь, бывший одноклассник, когда-то даже за одной партой сидели. Гляди, куда попал...

Мартышечья физиономия Маймуна выражала нерешительность. Ну, бей же, недоносок! Ударил, правда, не сильно.

– Ладно, учись.

Сверкнувший, как молния, удар кулака сплющил нос и губы Головастика в лепешку. Он нагнулся, схватился за лицо руками, но уже в следующее мгновение, ринувшись вперед и выбросив наугад правую руку, сумел достать до подбородка Нукри. Тот оторопел, и Головастик сумел очень хорошо приложить его левой. Так, что у того появилась кровянка. И тут же на него посыпался град ударов. Пифагор, малявка, суетился, но не осмеливался поднять руку на обидчика. Свора Нукри, точно стая шакалов, почуяв кровь, толпилась вокруг, норовя ударить его, да похлестче, побольнее.

Наконец Головастику удалось незаметно вытащить из нагрудного кармана полицейский свисток и из всей мочи дунуть в него. Все вокруг дали стрекача, врассыпную. В том числе и они с Пифагором, причем в разные стороны.

…Во дворе кое-как умылся под рукомойником. Вот, наконец, и его чуланчик: узкая кровать у окошка, стол, застеленный белой бумагой, на нем – стопка книг и лампа... Из круглого карманного зеркальца глядело едва узнаваемое лицо со вздутой верхней губой. Ну, ничего, зато и Нукри перепало. И завтра во дворе училища наверняка будут гораздо больше судачить о его, Головастика, удачном ударе левой, чем о том, как досталось ему самому. Но теперь ему надо быть готовым ко всему.

Где-то рядом скрипнула дверь. Головастик быстро задул лампу и вытянулся на кровати. Как часто, лежа здесь, погружался он в сладкую трясину причудливых фантазий, воображая себя то Александром Македонским, то бесстрашным воителем Георгием Саакадзе, то владыкой роскошного замка, выросшего по дороге на гору Чумкузбу, куда они хотели подняться с одноклассниками, да так и не дошли, вернулись...

...Холодное равнодушие в глазах Нукри сменилось любопытством. Только бы унять дрожь в голосе. «Там всего с версту... Вот такое чугунное кольцо... Как раз вдвоем...»

Это лепет Головастика. Только такой человек, как Нукри, смелый, сильный, бывалый, сможет разделить с ним счастливую ношу Али-Бабы.

Странно, но Нукри поверил сразу. Впрочем, почему странно? Он и представить себе не мог, что Головастик способен причинить ему зло.

Они долго шли узкой, едва заметной тропинкой по дороге на Чумкузбу... И вот дыра, темный провал, уходящий в глубь горы. «Нагнись», – предупредительно обернулся Головастик, зажигая свечку и шагая в темноту дыры. Поворот, еще поворот... «Здесь»,– остановился Головастик и поднял свечу как можно выше, выхватывая из темноты самые дальние уголки просторной площадки. «Тут, что ли?» – присел на корточки Нукри, вглядываясь в углубление стены. «Куда же она подевалась?» – холодея, думал Головастик, пока рука его шарила за большим камнем. Наконец, он нащупал длинную толстую палку. «Давай, свети сюда»,– зло обернулся Нукри, и, подстегнутый его голосом – сейчас или никогда! – Головастик, неловко зажав вместе с палкой свечу, ударил его по голове. Раз, второй, изо всех сил! Свеча упала, потухла.

Головастик метнулся назад и наощупь выбрался из пещеры. Вот здесь, у входа в нее, сверху навис огромный валун. Надо только чуть стронуть его, навалившись всем телом, и он плотно закроет выход. Удалось!.. Из глубины доносились едва слышные стоны…

Головастик вскрикнул от ужаса и проснулся. Он лежал опустошенный, с чувством громадного облегчения от того, что это был лишь сон, и не переставал удивляться подробностям, которые донесла до него вынырнувшая из небытия память.

На улице совсем развиднелось. Уползли куда-то вчерашние въедливые туманы, обнажив соседние холмы, голые и бурые, как спины буйволов.

Двор училища был уже полон, но вся эта бегущая, орущая, плюющая братия неожиданно затихла: во двор вплыл инспектор училища Бельмасов. Головастик едва не столкнулся с ним при входе, но тут же, отойдя в сторону, поклонился. Массивный, с бородой ножницами инспектор проводил его черным косящим взглядом...

– Вы, думается, могли бы быть весьма полезны администрации. Я имею в виду своевременное сообщение о подобного рода... э-э... поступках и высказываниях...– Несколько дней назад Бельмасов произнес эти слова в своем кабинете, глядя на Головастика немигающим взглядом и неприятно приблизив свой пористый мясистый нос.

Головастик отвел взгляд.

– Простите, господин инспектор, но вы ошиблись. У меня нет к тому способностей. («Старая облезлая обезьяна. Почему он решил сделать из меня фискала?!»).

От сегодняшней встречи с инспектором осадок все же остался...

В классе оживленно обсуждали вчерашнюю историю с часами. Неизвестно, рассказал ли Ксенофонтов о ней Бельмасову, во всяком случае, Ирза в училище до сих пор не появлялся.

– Кто тебя так? – удивился Верхолаз, взглянув на Головастика. Или притворно удивился?

– Да... помахался вчера с одним... Ему тоже перепало, не бойся. – И Головастик продемонстрировал ссадину на костяшке кулака.

Первым уроком была математика. Учитель Чочуа, поблескивая стеклышками очков, объявил, что без опроса приступит к объяснению новой темы. Андрей Максимович Чочуа – из абхазцев, невысок, черняв, волос ежиком, серьезен, один из немногих учителей, которые умеют заставить на уроке слушать, не повышая голоса.

Головастик обычно слушал его внимательно, но на этот раз погрузился в воспоминания о вчерашнем сне.

Вспомнилось вдруг, как тихий, тщедушный Баркалая спросил однажды на уроке истории учителя Ольшевского, ответственен ли человек за свои сны... Головастик тогда разозлился на него – и сам дурак, и вопросы дурацкие задает. Но Ольшевского вопрос Баркалая задел, и он говорил на эту тему минут пять. Говорил, говорил, а закончил неожиданно и категорично: «Конечно, ответственен человек за свои сны, можете, мой друг, не сомневаться».

Как-то Ольшевский завел разговор о том, что все люди, даже не отдавая себе отчета, делятся на три группы: кто стремится к богатству, кто – к славе, а кто – к власти. Первых – большинство, вторые и третьи – богоизбранные. Думая о себе, Головастик, без сомнения, относил себя к третьим. Ведь если богатство есть собственность, скажем, на землю, дома, скот, то власть – собственность на людей, наивысшая форма собственности. Слава... Нет, это только власть над умами, но не над душами...

Ему в этой жизни придется подниматься с самых низов. Есть в классе ребята, которым будущее кажется увеселительной прогулкой; отцы добудут им деньги и места «под солнцем»... А он... Ему представились нищая лачуга в родном селении, жалкая плешивая голова отца в венчике полуседых волос, мать, унижённая беспросветной нуждой и обшивающая чужих людей.

Тут же в памяти всплыло, как однажды зашел он к сводной сестре в типографию попросить пятиалтынный – надо было купить тетрадки и пару перьев. И Агаша, ничуть не стесняясь стоявшего рядом молодого типографщика, подняла крик: «Попрошайничать пришел? Убирайся, чтобы духу твоего не было!». Он возвращался домой, едва разбирая дорогу от слез.

Когда же он, наконец, вырастет? О, он еще войдет как равный в этот мир, ничего, погодите... «Не из простых я есмь». Головастик никогда не обижался на ребят за придуманное ему прозвище – и не только потому, что у него действительно была большая голова. В этом слове видел-

ся другой смысл – «головастый». Ведь вчерашний фокус с часами удался блестяще.

В тот момент, когда из полураскрытого Спиркиного ранца выпали часы и Головастик подобрал их, он еще не знал, как поступит в следующее мгновение. Спросить у Спирки про время и со смехом вытащить часы из кармана? Или дождаться, пока он хватится их, и снова удивить всех способностью находить пропавшие вещи? Он не ожидал, что Спирка поднимет шум на уроке. Признаться в этот момент – значило признаться в воровстве. После того, как Ксенофонтов пригрозил обыском, дело приняло для Головастика вовсе скверный оборот, и если бы не выдумка с тиканьем... Он ходил тогда по классу, спрятав часы в рукав тужурки и замирая от собственной наглости...

Ирзе так и надо – за все его подлости и высокомерие.

А Нукри... Может, Берберова вовлечь в дело?

У них в классе два доносчика. О том, что фискалит Пасько, знали все, а вот Берберов... Этот действовал осторожнее, и Головастик до поры до времени лишь догадывался о его подлом занятии. Убедился тогда, когда сказал Берберову, что Пифагор собирается перед уроком закона Божьего воткнуть иголку в учительский стул. Вот была потеха наблюдать, как отец Михаил, войдя в класс, долго оглядывал и ощупывал стул.

Что же можно придумать в случае с Нукри?

Все не то, не то… Это была бы месть, но не победа. Тут надо предпринять что-то такое, чтоб Нукри навсегда отказался от мысли вязаться к нему. Хасан! Вот на кого надо выходить. Впрочем, мысль о Хасане мелькала у него и раньше. Просто не мог сообразить, что выйти на него можно через Лохматого. Точнее, через его брата.

Зазвеневший звонок заставил Головастика вздрогнуть...

На втором уроке франтоватый учитель истории и географии Ольшевский вызвал к карте Российской империи тугодума Сысоева, и, пока тот «плавал» в морях Ледови-

того океана, Головастик сосредоточился на том, как заручиться поддержкой Хасана.

Самнидзе дожевывал за своей партой начатый на перемене хачапури. Головастик почти физически почувствовал, как слюна во рту густо обволакивает воображаемые кусочки еды, и сглотнул ее. Ах ты, прорва ненасытная... Легко ли смотреть на это, когда у самого, как говорит Лохматый, «кишка кишке кукиш кажет»?

– Повторяю вопрос: почему море у побережья Кольского полуострова вплоть до мыса Святой Нос не замерзает круглый год? – сказал громко Ольшевский, останавливаясь неподалеку от Головастика.

«Потому что туда доходит теплое течение Гольфштрем» – Головастик хорошо это помнил еще с прошлого года. Но попробуй подсказать так, чтобы и Ольшевский не услышал, и Сысоев разобрал – слишком длинно и сложно для того, кто ни в зуб ногой. Эх, Сысоев, Сысоев, тоже ведь человек божий, покрытый кожей...

– Итак? – произнес Ольшевский, отходя в дальний угол.

– Потому что там море Лаптевых,– улучив момент, еле сдерживая смех, подсказал Головастик.

– Потому что там море Лаптевых,– бухнул Сысоев.

Ольшевский был не из тех, кто позволяет на уроке валять ваньку.

– Садитесь, – с отвращением сказал он,– единица.

Сысоев, проходя мимо Головастика, попытался ткнуть его кулаком, но Головастик увернулся, а затем сам достал Сысоева линейкой между лопаток.

Вся эта возня не ускользнула от внимания Ольшевского, и взгляд его помрачнел еще больше.

Головастик так и не сумел до конца понять Ольшевского. Кто ему этот господин с ухоженной русой бородой и выпуклыми светлыми глазами? Как это он сказал о нем две недели назад на уроке истории?.. Ольшевский заговорил тогда о предстоящем визите в училище попечителя

учебного округа. Начались вопросы: как вести себя при встрече, каков попечитель, строг ли? А Головастик с невинным видом поинтересовался: «Можно ли спросить у господина попечителя, как понимать его изречение: «Дворянскому сыну расти – умнеть, а крестьянскому расти – ослеть»?

Когда-то, довольно давно, Ольшевский произнес эту фразу и обмолвился, что принадлежит она человеку, который больше иных призван заботиться об образовании местного населения, – попечителю округа. И вот Головастик это вспомнил – решил, в общем, пошкодить. А Ольшевский нахмурился и, недобро глядя на него, процедил: «Вот, друзья, человек, который, наверное, будет знаменитым российским полицейским, вроде Жозефа Фуше!» В классе засмеялись, потому что Головастика и так звали «сыщиком» за умение находить пропажи и распутывать всякие запутанные дела (иной раз, чтобы поддержать репутацию, он сам, как было в случае с Кузиной шапкой, прятал эти вещи).

– Ветры морских побережий, – объявил Ольшевский следующую тему и занес над журналом ручку, чтобы поставить точку против фамилии отвечающего. Класс настороженно затих. Тема была трудная.

«Только не я, только не я...», – твердил про себя обычно Головастик, если вообще не был готов к ответу или сомневался, что сможет ответить как следует. Вот и сейчас его губы начали беззвучно нашептывать это заклинание. На прошлом уроке географии он получил «хорошо», поэтому к нынешнему не готовился. Перо учителя нависло над журналом в самом начале списка, и на душе стало совсем беспокойно. Неужели он собирается подложить ему такую свинью? Если такое случится...

В рассуждениях Ольшевский смел, даже дерзок, оттого и на дурном счету у начальства. Если бы начальство знало все, что Леонид Николаевич позволяет себе в общении с учениками... Несколько месяцев назад, посетив «кружок

саморазвития», уже уходя, он усмехнулся (речь шла о предстоящем 300-летии дома Романовых):

– Что ж, господа, как говорится, пора и честь знать...

Слова эти, конечно, можно было понять двояко, на что Ольшевский, видно, и рассчитывал... И Головастика не раз тянуло между делом рассказать об этом случае Бербе-рову – не упоминая того обстоятельства, что Ольшевский собирался уходить, – но что-то сдерживало.

Пауза затянулась. Тишина стояла такая, что слышно было, как жужжит полузадушенная муха в спичечном коробке Ануа. И в какой-то момент нервное напряжение сменилось у Головастика спокойной уверенностью, что, что бы ни случилось, все к лучшему.

Удивительно, но за секунду до того, как перо Ольшев-ского наконец нырнуло вниз, он уже ясно знал, что будет. «Берия Лаврентий» – бесстрастным голосом произнесет Ольшевский. Головастик поднимется, сосредоточенный, одернет тужурку и направится к доске, не зная еще, как сумеет сегодня ответить, но твердо зная, что Ольшевско-му придется об этом пожалеть...

*1988*

## СКОРПИОН В КОНВЕРТЕ

Это странное происшествие, которое приключилось с персональным пенсионером Леварсаном Гамсаратовичем Барцба в канун его восьмидесятилетия, не только повергло его в состояние шока и глубокой депрессии, но и порядком поколебало, казалось бы, несокрушимые атеистические убеждения ветерана.

Ничто не предвещало этой напасти, этой беды. Наоборот, настроение в тот день с утра было прекрасным (в его-то, впрочем, годы и с его хворями, если чувствуешь себя, встав с постели здоровым – вот тебе и повод для хорошего настроения). Прошелся, как всегда, по набережной, выпил

кофе в кофейне «У Акопа», которую в последнее время все чаще стали называть «брехаловкой». Там же разгромил в споре на историческую тему недоучку Дарцмелия (тоже еще – «доцент»), потом сыграл рядом на берегу, на скамейке под кустом олеандра, партейку в шахматы… А придя домой к обеду, через пятнадцать примерно минут получил из рук почтальона этот узкий голубой конверт. Давненько не получал он заказных писем. Да и вообще никаких – в послевоенном Сухуме письма были не в ходу. Эх, знай что в нем окажется, порвал бы не распечатывая, в отвращении сбросил обрывки на пол, растоптал ногами, как топчут мерзкое ядовитое насекомое – тарантула, скорпиона, а ошметки брезгливо стряхнул в урну… Но нет, хоть и мелькнуло на мгновение смутное беспокойство при взгляде на конверт (крупным, показавшимся странно знакомым почерком был выведен его, Леварсана Гамсаратовича, адрес, обратного не значилось), не без любопытства, с удобством расположась в кресле под торшером, принялся распечатывать его своим аккуратненьким костяным ножиком с наборной ручкой.

«Мерзавцу Б.Л.Г. – вот с какого обращения начиналось это ужасное письмо. – Подлец и мерзавец ты, Леварсанедоумок! Алчный карьерист, ничтожный ублюдок, жаждущий только одного – удовлетворения своего животного чувства: нажраться, как свинья, до отвала и побарахтаться, как она же в помойной яме, в вонючих половых органах какой-нибудь проститутки. Видимо, ты своими прелыми мозгами воображаешь, что действительно достоин занимать все те должности, которые по злосчастному стечению обстоятельств тебе доставались. Бедный наш народ, имевший несчастье породить такую мерзкую вонючку, как ты! Твои высокомерие, чванливость, наглость, презрение к людям и ослиная тупость не знают предела. Думаешь, я забыл, сколько оскорблений и унижений пришлось вынести мне в твоем кабинете? О, ты ничего так не любишь, как взять подчиненного и – мордой об стол… «Слушай,

Эринба, заткнись на минуточку…» – так ты по-хамски сказал однажды в кабинете в присутствии двух женщин, в присутствии товарища из Москвы, когда я начинал высказывать свои соображения по затронутому в разговоре вопросу. И я действительно заткнулся, замолчал – были тогда обстоятельства, которые не позволяли вспылить, – за что возненавидел в ту минуту и себя, и тебя. И два дня после этого ходил как помешанный, с окаменевшей душой, и в ушах моих все звучал твой голос. И это – за те бессонные ночи, которые я высиживал, срочно готовя для тебя доклады и выступления, всевозможные справки, из которых, кстати, ты потом состряпал свою диссертацию! А как ты поиздевался надо мной с квартирой, которую я заработал своим горбом, годами безупречного труда – то приманивая ею, вербуя, когда тебе это было нужно, на свою сторону, то в последний момент «забывая» обо мне – когда, например, тебе понадобилось срочно облагодетельствовать свою новую подстилку – криворожскую потаскуху, которая проработала у нас без году неделю… И неужели ты, недоумок, действительно верил в искренность речей многократно униженных тобой работников на твоем юбилее? Ведь все у нас, за исключением пары лизоблюдов и таких же, как ты, ослов, только боятся тебя и ненавидят. Сколько горя принес ты людям! Это ведь из-за тебя, негодяя, один наш работник (ты знаешь, о ком я говорю) оказался на больничной койке с инфарктом, а другой – по своей бесхитростности и по твоей ненасытной жадности – в тюремной камере. Это ведь ты довел до самоубийства несчастную нормировщицу Нуну, у которой от тебя должен был быть ребенок, – и это ни для кого не было секретом. И как все твои подлые дела, все беззакония сходили тебе с рук! Ты жил припеваючи, беря от жизни все, что можно было взять. Об одном ты не подумал, вонючий выродок, – о душе. О том, что где-то на невидимых небесных скрижалях навечно записаны все твои грязные делишки. Но осталось совсем немного – и

вскоре на земле не останется от Б.Л.Г. ничего, кроме произносимого с презрением поганого имени. А в преисподней, между тем, уже подбирают для тебя котел, в котором отныне и вовеки кипеть тебе в геенне огненной за все, совершенное тобой. Презирающий тебя Анатолий Эринба».

Такое письмо уже само по себе кого хочешь могло лишить душевного равновесия, а если еще знать при этом, что написано оно человеком (по ходу чтения Леварсан Гамсаратович окончательно признал его почерк), который… умер более двадцати лет назад, то по спине, конечно же, пробежит холодок.

Он сидел в оцепенении, откинувшись на спинку кресла и уронив пухлую старческую руку на подлокотник, и тупо смотрел на холмик из двух сложенных вчетверо листов грязновато-желтой бумаги, которые он в смятении бросил на журнальный столик. Поздно рвать это жуткое письмо на клочки, поздно жечь в пепельнице, сладострастно наблюдая, как чернеет, скукоживается и опадает хрупким пеплом беззащитная бумага, – скорпион, находившийся в конверте, уже нанес свой укус, его смертельный яд медленно распространялся по всему телу. Толик Эринба (кротость во взгляде, нежный детский пушок на рано облысевшем темени, неизменный потертый кожаный портфель со вздутым, как у переевшей коровы, боками) – его бывший соученик по школе, один из самых, казалось, преданных ему людей, которого он, собственно, и в люди-то вывел, на ноги поставил, – скончался почти четверть века назад от инсульта. Леварсан Гамсаратович хорошо помнил свое прощальное слово на траурном митинге…

Взяв себя в руки, он внимательно осмотрел распечатанный конверт. Вспоминались истории о почтовых казусах в разных странах, когда иные письма блуждали в поисках адресата по много лет и даже десятилетий, но это был явно не тот случай. Почтовые штемпели с обеих сторон конверта не оставляли сомнений: письмо было отправлено в Сухуме, и отправлено позавчера. Что за чертовщина!

Что ж, у любого человека, представляющего собой мало-мальскую величину, есть враги, без этого не обойдется, и с разными замаскированными выпадами в свой адрес со стороны «обиженных» ему в свое время приходилось встречаться не раз, закален. Но чтобы вот так все это скопом, с такой ненавистью и от такого тихого, немногословного и сдержанного, как всегда представлялось, человека! Ай да Анатолий Сократович, вот оно-то, оказывается, твое нутро, вот что таилось за кротким взглядом голубоватых глазок… Что ж, определенное высокомерие, стремление подчеркнуть свою грамотность Леварсан Гамсаратович за ним замечал. Вот и сейчас в начале письма было зачеркнуто слово «в гениталиях» и написано «в половых органах»: не уверен, хотел, значит, сказать, что адресат поймет иностранное словцо… Ах, ты, грамотей нежномороженный – слишком грубо, видите ли, к нему при дамах обратились…

Но самое неприятное – гораздо неприятнее факта предательства Эринба – было то, что он, и не только один он, был, оказывается, посвящен в его связь с этой девятнадцатилетней дурочкой Нуну («Нуну, нагнись, я тебе…», – любил смущать он ее в первое время незатейливой шуткой). И в отношения с Викторией… И связывал, кроме того, инфаркт Петровича с тем незаслуженным якобы выговором… Вообще-то, слабые, невнятные отзвуки этих сплетен порой доходили до него, но прямо, в глаза, никто до сих пор не осмелился сказать – хотя давно уже Леварсан Гамсаратович на пенсии, давно не у дел… Впрочем, это как сказать – «не у дел». Эпоха, можно сказать, сменилась, но авторитет его, связи, его люди на ключевых должностях – все ведь это осталось. И по-прежнему, идя по городу, он видит в глазах здоровающихся с ним ту же почтительность, то же сознание «дистанции»… А это грязное письмо – насквозь лживая попытка жалкого лысого неудачника как-то оправдаться перед самим собой, отомстить… За что?

Да, он действительно жил, а не существовал, в отличие от тысяч этих эринб, способных только на нытье, зависть и бессильную ненависть. Да, жил и брал от жизни все, что она могла дать. И пил-кушал, и красивых баб любил… Потому что был смел и ясно понимал: самое важное, самое жирное и сладкое в жизни – это власть. Вот уж что никогда не разделишь так, чтобы на всех хватало, даже при коммунизме, если б удалось его построить… Да и просто не всем это дано – уметь подчинять других своей воле, одним взглядом, если надо, пригибать человека к земле, одним словом превращать фанаберистого выскочку в маленького перепуганного человечка, льва – в зайца. И, кстати, куда бы его в свое время партия ни посылала – управляющим трестом, первым секретарем в район, председателем горисполкома, – везде умел поставить работу. Да, бывал крут – ничего не попишешь, дело требовало, да и время такое было. Этот нежномороженный про инфаркт вспомнил, а рассказать бы ему, как в шестидесятом одного хозяйственника на носилках с заседания бюро райкома выносили… Но ведь и любили его, восхищались им. Тамадой непревзойденным считали, стоило захотеть – все за столом за животы от смеха держались. А с какими людьми из высших эшелонов на короткой ноге был!..

---

Сумерки наложили на набережную вечерний грим. Посерела отара белых барашков на склоне холма на противоположном берегу бухты – домики жителей беслетского ущелья. Несколько облачков, зависших над морем, аккуратно подведены снизу оранжевым, но гаснет красный прожектор заката – и постепенно тускнеет подсветка.

Леварсан Гамсаратович решил не отказываться от своей традиционной вечерней прогулки. Между тем, яд письма, распространяясь по организму, начал свое губительное мертвящее действие. А в голову лезли воспоминания о рассказе одного знакомого биолога: что в Абхазии, мол, распространены два подвида скорпионов – абхазский и

мегрельский. Кто их, интересно, так окрестил, какая умная голова?

Увитые виноградной лозой балконы старых зданий из темно-красного кирпича представлялись сейчас театральными ложами, из которых спешили поглазеть на него любопытствующие охотники до сплетен. Во взглядах встречных прохожих вдруг стало чудиться презрение: ах, это тот самый…

Эти самые дома и балконы, которые еще помнят набережную мощеной булыжником, заполненной котелками и вуалями, помнят и его – не нынешнего, грузного, с шаркающей походкой и старческой болезнью зеркалофобии, а молодым, сильным и красивым, полным жажды деятельности, – неужели они стали теперь свидетелями и его позорного смятения? Или чувствителен чересчур стал?.. Но откуда же, черт побери, могло взяться письмо, неужели в самом деле… оттуда? Бред, бред… Представить себе Толика Эринба, кропающего эту эпистолу среди райских кущ, под пение ангелов, или где он там сейчас…

Подошел к парапету в том месте, где море, разыгравшись, выплескивало на берег, на серый асфальт редкие брызги. Оно гнало и гнало к берегу сутулые волны, которые, не в силах прекословить ему, разбивались о твердь и умирали. Вот так же бесконечно гонит время поколение за поколением людей к неизбежному берегу смерти. И ведь если приглядеться, то все волны одна с другой не схожи, как и человеческие жизни: одна бурливая, ревущая, высоко вздымающая белый гребень, другая, следом, – потише, третья – и вовсе незаметная, словно выдохшаяся, зато уж за ней подступает такая, что только держись… Но здесь – берег, а там – что?

---

Снова он проснулся посреди ночи и широко раскрытыми глазами уставился в темноту. В сознании корчились и бесследно растворяясь обрывки каких-то мыслей. Что же это? Что с ним происходит последние трое суток? Вче-

ра в судебной экспертизе дали однозначное заключение: случайно сохранившийся дома в бумагах Леварсана Гамсаратовича черновик доклада, написанный когда-то рукой Эринба, и полученное на днях письмо (понес аккуратно отрезанный его кусочек с «нейтральным» содержанием) идентичны по почерку. И хотя больших сомнений в этом у него и раньше не было, смятение в душе превратилось в панику.

А что, если и впрямь уже поджидают его там души всех этих… Эринба и другие? Толпятся у входа, требуя отмщения. Мне, мол, отмщение, и аз воздам…

Ах, эти души-душонки… Что говорить, любил он мысленно сжать пальцы и ощутить под ними их трепетание… И не то вовсе Леварсану Гамсаратовичу больше всего запомнилось в бытность его первым секретарем райкома (вот золотое было время, и слово-то какое точное, емкое – «первый»!), как кутил с гостями на озере Амткел и туда ящиками доставляли коньяк, а то, как сумрачный, сосредоточенный, открывал заседание бюро в то время, как за дверью толпились в «предбаннике» или нервно расхаживали по коридору вызванные руководители, и как, в зависимости от настроения, он мог «пропустить» их побыстрому, а мог по часу мурыжить, оскорблять безнаказанно, или же, если случалось «ораторское» настроение, нести любую околесицу на любую понравившуюся тему, как бы далека она ни была от обсуждаемой, зная, что никто здесь не посмеет и пикнуть против «товарища Барцба». (Было что-то утонченно-иезуитское в этом обращении, вроде бы товарищ тебе – а трепет вызывало гораздо больший, чем когда-то «ваше превосходительство» и даже «высокопревосходительство». Да чего уж там сравнивать – куда «вашему величеству» до «товарища Сталина»!).

И не то даже было важно, сколько приносили «в клювике», а то, кто приносил и как приносил. А еще гораздо больше «победы» над очередной холеной чувственной самкой – роскошной «гастролершей» или представитель-

ницей местной аристократии – его, поверь, Эринба, порой увлекала и возбуждала возможность преодолеть сопротивление какой-нибудь совершенно невзрачной дамочки – с тонкими бескровными губами, самой природой, казалось, созданными лишь для зачитывания докладов профкома, с нескладной фигурой и потеющими ладошками, но зато с решимостью до конца отстаивать свою никому не нужную «честь». В общем, как писали в газетах, «надругаться»… А что делать, «спасибо» ведь не только на хлеб не намажешь, но и на кровать не положишь.

Ходил порой как канатоходец по проволоке. Но чутье не подводило: ни разу не сорвался. Вот только когда с Нуну это случилось, в какой-то миг струхнул, хотя доказать все равно ничего невозможно было б…

Но неужели в главном-то чутье его как раз и подвело? Неужели и впрямь «там что-то есть»?

После того, как рухнула советская идеологическая система, он не побежал, как многие, стоять «подсвечниками» в церквях, а оставался верен атеистическим убеждениям. Правда, уже после войны стал, по примеру одного своего знакомого, говорить, что он – агностик, то есть на основании имеющихся пока у него и у всего человечества знаний не может окончательно определиться, что первично – дух или материя. Но когда недоучка Дарцмелия как-то поддел его в «брехаловке», что это двурушническая позиция (оставил, значит, себе лазейку – мол, не верую, но и не исключаю все же, если что, существования Бога), Леварсан Гамсаратович перестал развивать на людях эту тему, предпочитал вообще обходить ее стороной.

Что касается земной жизни, то тут он снова и снова убеждался: все эти ветры перемен – туфта, если есть в человеке твердая основа, стержень. Уж как радовались все эти горлопаны в 91-м, когда рухнули сперва ГКЧП, а потом и Союз. Ну, и где они теперь, нытики-критики, которые без конца жаловались, что советская действительность их душит? В основной своей массе так же ноют и

критикуют власть, и опять они не у дел, и опять у власти люди из круга Леварсана Гамсаратовича, его воспитанники, дети его друзей. И абсолютно ничего удивительного тут нет, поскольку одно дело балаболить, а другое – уметь организовать дело, руководить людьми, спрашивать с них, контролировать исполнение решений.

И даже в самых критических ситуациях ему не изменяло самообладание. В роковом августе 1991-го возглавлял одно из республиканских ведомств. В коллективе человек двадцать всего работало; но все как положено: просторный кабинет, столы буквой «Т», портрет Горбачева на стене над креслом… Когда ГКЧП пришел, он, естественно, был несказанно рад, надеясь, что теперь, наконец, жизнь войдет в нормальное русло. Разумеется, и портрет Горбачева со стенки снял. Ежедневно – собрания, составление телеграмм в поддержку гэкачепистов… И тут – бабах, их арестовали. В то утро он ни свет ни заря на работу примчался, чтобы успеть Горбача на прежнее место повесить. Сходу созывает всех на собрание – и, не моргнув глазом: «Поздравляю вас, товарищи, с победой демократии!..». А еще в ведомственной газетке готовилась тогда подборка из нескольких откликов читателей в поддержку ГКЧП. Леварсан Гамсаратович срочно вызвал редактора газеты и дал указание поменять у всех авторов одобрение на возмущение «действиями путчистов». Тот сперва на дыбы – мол, не у всех авторов даже телефоны есть, как я успею с ними согласовать, если номер уже в типографию идет; может, лучше просто подборку снять? Леварсан Гамсаратович на него рявкнул: какое тебе еще тут согласование? И точно, когда вышла газета с «возмущениями», никто из подписантов даже не пикнул.

А когда пошло обострение межнациональных отношений, и особенно уже после войны, во всяких газетках и книжонках так называемые активисты национально-освободительного движения, опять же из горлопанов-пустышек, начали задевать бывших партсовначальников, дру-

гих известных людей, которые реально, может, гораздо больше пользы своему народу приносили, чем эти крикуны, но в силу занимаемых должностей не могли тогда афишировать свои мысли и действия. Леварсана Гамсаратовича никто до поры до времени не трогал. Но как-то он выступил на одном большом собрании, где язвительно прошелся по оппозиционерам-грантоедам, которые ездят по европам и якшаются там с «нашими врагами» (хорошо тогда им врезал: «Высшая ценность для них – это гранты и проплаченные выездные гламурные, псевдополитические тусовки»). И после этого в оппозиционной газетенке появилось что-то вроде памфлета, где говорилось о неких бывших гонителях абхазских патриотов, шельмовавших их в советское время на партийных пленумах и съездах, а теперь снова выступающих в роли обличителей, в том числе даже тех же самых людей, но уже не за борьбу их с грузинами, а за якобы соглашательство с теми. То есть существуют, мол, такие непотопляемые деятели, которые, как и определенная субстанция, всегда умудряются плавать наверху. Если пришли красные, они будут клеймить тех, кто недостаточно красен, если белые – тех, кто недостаточно бел… И хотя имя бумагомарака назвать все же не решился, упоминание в его статье одного из пленумов Сухумского горкома КП Грузии, где, мол, звучали «поношения» в адрес патриотов, заставили его сильно напрячься. А что, если в следующий раз, войдя во вкус, эта или какая-нибудь другая газетенка уже и имена назовет, и цитаты приведет? В зале периодики Нацбиблиотеки попросил подшивку «Советской Абхазии» за 1978 год и, улучив момент, сидя в пустом зале, аккуратно вырвал из нее тот номер с материалами пленума, где он, как и остальные выступающие, был вынужден присягать на верность ЦК КП Грузии и устраивать показательную порку крикунам. И почувствовал громадное облегчение, когда дома сжег ту газету, хотя умом, конечно, понимал, что уничтожить все сохранившиеся по сию пору экземпляры невозможно…

Так или иначе, но больше никто публично против него не рыпался, эту тему не поднимал. Просто, может быть, потому, что сам он персонально и другие ораторы на том давнишнем пленуме в нынешних политических ристалищах уже не участвовали.

Так что, выходит, наезды пустозвонов-оппозиционеров его не сломили, а это «мистическое» письмо сломит?

---

– Я понимаю вас, – сказал сидящий за столом напротив человек с короткой стрижкой, в темно-коричневой безрукавке. Сын Эринба. И сам, конечно, Эринба. Экономист. Сходство с отцом не слишком заметно, но оно есть. Во взгляде серо-голубых глаз, несомненно, больше жесткости – странно, но раньше, встречая его в городе и разговаривая с ним, Леварсан Гамсаратович не замечал ее. После получения письма минула уже неделя, и он все же пришел в этот дом…

– Я вас понимаю, – повторил сын. – Не знаю, читали вы или нет «Превращение» Кафки, но… Я всегда думал, что самое ужасное, что может произойти с человеком – когда он просыпается и видит вдруг, что превратился в большое отвратительное насекомое. И – все, назад пути нет… Но ведь может быть, подумал я недавно, и еще хуже. Душе того несчастного, что поселилась в теле страшного жука, кто-то обязательно посочувствует. А вот если ты вдруг прозрел и, прозрев, увидел, что вся жизнь твоя душа была мерзка.

– Ты послал мне это письмо? – навалившись грудью на край стола, выдавил Леварсан Гамсаратович. Лицо его исказилось.

– Я.

– Но зачем? Для чего тебе это надо было – отравить мою старость? У меня четверо внуков, правнуки…

– Я нашел его много лет назад в бумагах покойного отца. Читал, перечитывал, но никогда не думал отправлять вам… А месяц назад, когда мы встретились на на-

бережной, – помните? – вы начали рассказывать мне, как много в свое время сделали для отца, на работу его взяли, расти ему помогали… И тогда я решил послать вам, его благодетелю, это письмо… Которое он, конечно, послать не решился…

– Ах, ты…

Скрюченные пальцы хватали воздух… Перепуганное лицо хозяйки… Стакан воды…

Он медленно шел домой и медленно приводил свои мысли в порядок: «Что ж, возможно, покойник имел ввиду какую-то более раннюю историю с его подчиненным, который сел в тюрьму… Но квартиру-то свою он в конце концов получил… Скорее всего, письмо написано года за три до его смерти, когда у них вышла одна размолвка. Написал и спрятал… А может, вообще написал, чтоб только излить на бумаге душу… Э-э, жил – дрожал, и умирал – дрожал».

До восьмидесятилетия Леварсану Гамсаратовичу оставалось полтора месяца. И всего еще пять с половиной лет жизни..

*2006*

## ОШИБКА МИНЕРА

Время действия – теплый апрельский вечер 1993 года, место действия – лесистый склон холма в предгорьях Кодорского хребта на ближних подступах к селу, ставшему в те дни местом ожесточенных боев на Восточном фронте.

Рядовой абхазской армии Самвел Аведян, на ходу отвинчивая колпачок фляги, спускался к ручью. Но шум воды, который его привлек, оказался обманчивым: едва заметная глазу тропинка все вилась в круто уходящем вниз ольховнике, а ручей будто играл с ним в прятки. Самвел уже начал беспокоиться и ругать себя последними словами за то, что так опрометчиво отошел от места, которое

его боевая группа заняла полчаса назад. Главное – слова никому не сказал... Но вот же он, казалось, этот проклятый ручей, рукой подать! И тут он услышал под ногой характерный металлический щелчок.

Самвел замер. Сомнений быть не могло: его правая нога стояла на мине. Об этом типе мин – разгрузочного действия, МС-3 – он слышал и знал, что в мгновение, когда он оторвет подошву от этой засыпанной серыми прошлогодними листьями пожухлой травы, раздастся взрыв.

А дальше – Самвелу уже приходилось видеть это зрелище своими глазами – черный столб дыма рассеивается, и на месте взрыва остается в худшем случае труп, в лучшем – калека. Впрочем, это еще как сказать – что в лучшем, а что в худшем...

В одном «видике» про войну во Вьетнаме, который он смотрел, был эпизод: парень долго стоял на такой вот мине, все ждал помощи, вокруг него бегали, суетились люди, но без толку, и в конце концов он, не выдержав напряжения, сошел с мины и взлетел на воздух.

Самвела прошиб горячий пот. Он попал в страшную беду и никто, кроме него самого, не мог сейчас его из этой беды вызволить.

Все внутри свело спазмом, он задыхался. «Вот это влип, вот это попался, – металось в мозгу. – Что же делать, что делать?».

Невольно постарался перенести основную тяжесть тела на правую ногу – его вдруг обуял страх, что если он даже не снимет эту ногу с мины, а просто ослабит давление на нее, ужасная разрушительная сила может вырваться из-под земли.

Так, прежде всего надо успокоиться, приказал он себе, и, не дергаясь, начать думать, что может его в этой ситуации спасти. Если б рядом находился хоть кто-то свой – желательно, конечно, смыслящий в саперном деле – они бы вместе обязательно что-то придумали. Ну, например, говорят, под ногу надо осторожно подсунуть штык лопаты, а

потом так же осторожно заместить давление ноги давлением какого-нибудь валуна или... ну, чего угодно, лишь бы вес этого предмета был не меньше веса человека. Килограммов семьдесят, допустим. Все это, конечно, должно быть проделано виртуозно: малейшая ошибка, опоздание на долю секунды – и на воздух взлетят уже оба. Есть, слышал он, и другой способ – резко оттолкнуться от земли, ласточкой спланировать в какую-нибудь ложбину поблизости и упасть плашмя, чтобы не посекло осколками. Но это легко сказать и совсем непросто сделать... Никаких ложбин вблизи не просматривалось. Правда, примерно в полутора метрах слева возвышался симпатичный травянистый бугорок, но чтобы оказаться за ним в доли секунды, надо быть гимнастом или акробатом. Прыгать туда было очень неудобно, разве что перед этим медленно, не теряя ни миллиметра почвы под правой ногой, развернуться в ту сторону. А может, лучше «нырнуть» просто вперед? Склон, по которому тропинка уходила здесь вниз, был пологим, но если прыгнуть и упасть подальше, то голова окажется примерно метра на два ниже уровня взрыва мины. Рискнуть?

Ну, а если прыгнешь и упадешь прямехонько на другую мину?

Впрочем, что гадать: если эта тропинка заминирована, он может подорваться на ней в любой момент... Но почему все-таки, отправляясь к ручью, он так уверенно решил, что все чисто, что не может здесь быть мин?.. Да, как несколько раз сказал летевший с ним в Ткуарчал на вертолете кабардинец – потом он его больше не видел: «Восточный фронт – дело тонкое».

Самое же постыдное – то, что на мину наступил не кто-нибудь, а он – сам минер, который два месяца обучался этому делу у одного из лучших ткуарчальских взрывников. Допрактиковались до того, что ребята из группы уже злиться на них начали: из-за вас, мол, идешь в туалет и не знаешь – может, подорвешься. Сколько «растяжек» они по дорогам понаставили... Один раз старый «Запорожец»,

начинив баллонами с аммоналом и закрепив его руль, направили с высоты в сторону грузинского штаба в Беслахубе – правда, машина взорвалась чуть-чуть не доехав до цели. Грузины потом, завидев какой-нибудь «Запорожец», называли его «абхазским танком»... То же самое проделали и с вагоном на железнодорожной ветке...

«Минер ошибается только раз», – эта присказка вошла в сознание Самвела с малолетства, одновременно с первыми каракулями в школьной тетрадке. За прожитые годы она успела навязнуть на зубах, превратилась в словесный штамп, который произносят, не особенно в него вдумываясь. И вот теперь его ошибка – нет, не та, которую обычно подразумевают, говоря про минера или сапера, а просто глупая неосторожность – могла действительно стать последней в его жизни.

Вернее, нет: то, что он пошел за водой один и понадеявшись на «авось» – это предпоследняя ошибка, а последняя может произойти, если он вот сейчас примет неверное решение. Нет, нет, надо обязательно дождаться кого-то на помощь, а пока никого рядом нет, он лучше постоит так – и, час, и два, и три... Вот именно, на тот свет всегда успеешь... Выбор тут простой: останешься стоять на месте – наверняка в следующую секунду будешь жить; а прыгнешь – неизвестно...

Но догадаются ли в группе, куда Самвел исчез?

Можно, конечно, набрать полные легкие воздуху и изо всех сил крикнуть «Э-э-э!» или что-нибудь в этом роде, можно начать выкрикивать имена ребят. Но разве услышат? Ведь забрел он в поисках этого проклятого ручья черт знает куда... Можно еще снять с плеча автомат и запулить в небо очередь-другую – эта мысль мелькнула в голове у Самвела сразу, как он осознал свое положение, – и тогда его уже наверняка услышат. Вопрос только: кто раньше? Грузины ведь тоже где-то совсем рядом.

А-а, была не была... Он осторожно, боясь ненароком не соступить с мины, приготовил «Калашников» к

стрельбе и, направив ствол в небо, несколько раз нажал на спусковой крючок: сперва, ощущая в руках нервную дрожь автомата, выпустил короткую очередь, а потом одиночными воспроизвел мелодию, которую ладонями отбивают болельщики на стадионах: «та, та, та-та-та, та-та-та-та, та-та!».

Вот только догадаются ли ребята, что это – его зов о помощи? Стрельбы вокруг хватало: где-то внизу ухала «зушка», перетявкивались автоматы.

Напряжение становилось невыносимым. Самвел ощутил вдруг тупую боль в правой пятке, которая постепенно превратилась в сверлящую. Ему мучительно хотелось поднять ногу – и тогда, казалось, боль исчезнет...

Поорал с полминуты, стал ждать...

Никогда еще за всю жизнь Самвела жгучая тайна смерти не придвигалась к нему вплотную, так близко...

Впрочем, нет, был в его детстве, в девятилетнем возрасте, эпизод.,. В ватаге ровесников и ребят постарше пошел купаться на речку. Самвел тогда только учился плавать, мог пробарахтаться по-собачьи пару метров на мелководье – и все; а тут вдруг оказалось глубоко, и, потеряв опору под ногами, он пошел ко дну. От страха даже позабыл, что не один тут, и с ужасом, широко раскрыв глаза, думал: так вот; значит, какие они, последние мгновения его жизни! Неужели все так быстро, так рано!.. Но большой, двадцатилетний парень тут же вытащил его на поверхность воды, как котенка. Потом, греясь на берегу на солнышке, старшие смеялись, балагурили: «Теперь тебе, Арут, должны медаль «За спасение утопающих» дать. Надо в райцентр съездить, похлопотать...». Тогда смерть выплывала на него, пацаненка, из зеленоватой мглистой речной прохлады, сейчас она шумела вокруг в ветвях набирающих весеннюю силу деревьев, стрекотала где-то в них насмешливой пичужкой... И он был с ней, со смертью, один на один...

Арут, где ты, Арут?..

Стоя, он время от времени расслаблял левую ногу и даже чуть переставлял ее, потом переносил на нее основную тяжесть тела с правой, на которую сейчас была вся надежда, – и это тоже чуть-чуть снимало напряжение.

В памяти всплыл случай, о котором он слышал еще на Гумистинском фронте. Разведгруппа возвращалась с задания и устроила небольшой привал. И один из этой группы – армянин, кстати говоря, – как сел под деревом, так и понял: под ним мина. Как только он встанет, она сработает. Посидели, покурили... «Ну, давайте, – он говорит, –ребята, идите, я вас сейчас догоню». «А что такое?». «Да нет, ничего, портянки надо перемотать». И вот только когда они отошли на безопасное расстояние, он поднялся. Естественно, разнесло его в клочки. А перед тем, как встать, он еще, говорят, крикнул им что-то издали, прощаясь, и рукой помахал...

Конечно, все это выглядит очень красиво и героически, думал сейчас Самвел. Но почему же он, тот разведчик, не захотел побороться за свою жизнь? Неужели не знал, что такую мину можно перехитрить, придавив ее другим грузом? Тем более – вокруг были товарищи, которые наверняка бы его не бросили... В какой-то момент Самвел почувствовал, что ему неприятно думать об этом парне, ушедшем из жизни с таким спокойствием и достоинством, без всякой суеты, что сравнение с ним оказывается для него, Самвела, невыигрышным. Но почему? Неужели то, что сам он не поднял лапки вверх, а борется за жизнь изо всех сил – это плохо, предосудительно, недостойно? Что за мура... А может, этот разведчик не знал, что можно было попытаться спастись? Или, может, были какие-то обстоятельства, которые не позволяли разведгруппе задержаться? Или он вообще был «пофигист», для которого собственная жизнь не представляет ценности?.. Нет, нехорошо так думать...

Да и был ли этот случай? Может, это – одна из многочисленных баек, которые ходят на фронте? Бывалые са-

перы, с которыми приходилось встречаться Самвелу, вообще этот рассказ всерьез не воспринимали и говорили, что у грузин нет мин разгрузочного действия.

...Через минут двадцать он повторил свой автоматный сигнал «SOS» в той же последовательности, что и в первый раз, и решил: все, хватит, пусть в магазине останется хоть несколько патронов.

Небесная синева, которая проглядывала между верхушками деревьев, быстро серела. День угасал, и одновременно угасали надежды Самвела, что друзья его ищут и вот-вот найдут.

...Уж не снится ли ему все это? Взять бы сейчас зажмурить глаза, потом открыть – и увидеть, что ты как ни в чем не бывало сидишь на привале, отхлебываешь свежую воду из фляги... Или нет – еще лучше было бы, открыв глаза, обнаружить себя в селе, в родительском дворе. Скажем, как когда-то, маленьким мальчиком в траве под огромной шелковицей... Ягоды шелковицы – черные, спелые, сладкие – покрыли все пространство под деревом. Самвел с сестренкой Кариной ползают по траве, подбирают эти похожие на толстеньких черных червячков ягоды – особенно хороши те, что упали давно, чуть подсушились и засахарились, – отправляют в рот, а их под шелковицей вроде бы и не становится меньше... Или вот четырехлетний Самвел борется на траве с соседским мальчиком, которому лет тринадцать или четырнадцать. Тот нарочно поддается, падает, а Самвел смеется, заходится от восторга – он победил!..

Сколько раз приходилось ему читать и слышать, что, мол, перед смертью – ну, скажем, парашют не раскрылся или машина в пропасть летит – перед глазами человека в один миг проносится вся его жизнь. Ерунда это все, конечно, выдумки – как может вся жизнь вместиться в одно мгновение, да и не до воспоминаний в такой момент... Но вот сейчас, когда Самвел напоминал себе отрезанную голову какого-то профессора, про которую смотрел кино

перед самой войной, – голову, в отличие от той, с туловищем, руками и ногами, но так же, как та, фантастическая голова, обреченную на неподвижность и способную только мыслить, – память устроила с ним сладостно-мучительную игру, подсовывая без всякой видимой системы то одну, то другую картину из его двадцатипятилетней жизни. Светло-зеленые, чуть пожухлые гирлянды табачных листьев, которые он развешивал с отцом, чтобы снять их потом через несколько недель светло-коричневыми, ломкими и душистыми; вкус теплого козьего молока; сумрачный лес за домом, куда он, бывало, убегал выплакивать свои маленькие обиды; перочинный ножик, который один оболтус из старшего класса заставил его выменять на свой задрипанный, обшарпанный и кустарно сделанный кубик Рубика – такой маленький, аккуратный ножичек, который ему жалко до сих пор; заводи в речке, где он нырял с мальчишками и однажды расшиб лоб о подводную корягу; молодая красивая учительница истории Сатеник Ишхановна, в которую он был влюблен в пятом классе, – все это его детство. В армии – служить попал аж в Иркутскую область – он был хорошим солдатом. Сноровистым и терпеливым. Терпеливо и с достоинством выносил гнет «дедов», а потом спрашивал с молодых, что положено, не распуская их, но и не перебарщивая. Так же терпеливо встретил и эту войну: раз надо взяться за оружие, чтобы защитить свой дом, своих близких, – значит надо.

Он вспомнил, как в переполненном Доме культуры родного села слушал выступление зампредседателя Верховного Совета Абхазии Альберта Топольяна. Топольян, невысокий, собранный человек, говорил, обращаясь к крестьянам, предельно четко, ясно и доходчиво:

– Если у вас в шкафу висит три костюма, то надо продать один костюм и купить на него оружие, которое вас защитит. Иначе могут прийти бандиты, которые отберут у вас все три костюма. Вспомните, что стало с Лаброй...

Но необходимо бывает, думал потом Самвел, пожертвовать не только одним костюмом, чтобы сохранить остальные два, необходимо бывает отдать и жизнь, чтобы сохранить жизни, достоинство и имущество многих тысяч остальных людей.

Надо было полететь сюда на Восточный фронт, на подмогу партизанам – он полетел. Ну, а мина... Разве не мог он наступить на такую и где-нибудь на берегу Гумисты?

«Мина – оружие трусов». Услышав как-то эту фразу, Самвел всей душой восстал против нее. Что, выходит – он тоже трус, раз судьба сделала его минером?..

Единственное, о чем он сейчас жалел как о чем-то непоправимом, – это о том, что у него нет сына. Дочку свою он, конечно, обожает, но продолжить род смог бы только сын. А может, и не нужно было ему жениться? И Анаида не стала бы вдовой в двадцать лет, и дочка бы не осиротела...

Бедная Анаида, сколько ей предстоит вынести, если это все-таки произойдет!.. А родителям!.. Он представил себе через несколько дней свой двор, заполненный людьми, все эти неизбежные хлопоты... Ну, хорошо еще, с гробом проблем не будет – те сосновые доски, которые он в прошлом году завез, уже подсохли и их хватит с лихвой, а сосед Альберт, столяр, свое дело знает. Отец осенью залил около двухсот литров вина, водка тоже есть. Да, ну сыра придется прикупить, тут уж никуда не денешься... Портрет его, скорее всего, сделают из фотокарточки, где он в военной форме, присланной когда-то из армии...

Ну, нет, не слишком ли рано он себя хоронить собрался? Самвел стиснул зубы и застонал, почти, завыл... Что делать? Наручные часы показывали около восьми вечера, значит он простоял здесь уже три с половиной часа...

Чтобы как-то занять мысли и протянуть время (хотя непонятно зачем, для чего?), он начал перебирать в памяти то, что должен был, но так и не сделал, не успел в жизни.

Так и не отомстил одному мерзавцу, который оскорбил его сестру, а потом уехал жить в Краснодарский край. Не отдал соседу долг за аккумулятор. Не ответил, как следует, Дауру на его грубую реплику – это уже сегодня...

Самвел оперся о приклад поставленного на предохранитель автомата – так было легче стоять. По рукаву ползла невесть откуда взявшаяся и едва уже различимая в сумерках божья коровка. Как странно все это: пока он стоит на месте – и божья коровка будет мирно ползти, и руки-ноги его будут целы, и он все так же будет способен дышать, думать, говорить…

Он подумал о своих сильных руках, набухавших сталью, когда он сгибал их в локтях, длинных крепких ногах, обо всем сложнейшем и безукоризненно, без перебоев (разве что в детстве болел корью), работающем механизме – своем теле – и снова содрогнулся от мысли, что через секунду он может превратиться в бессмысленную груду костей и мышц.

Нет, он, наверное, все же не выдержит и шагнет. Вот-вот шагнет... как тот пехотинец из видеофильма. Ведь это выше человеческих сил –стоять и думать о том, как это все произойдет. Любая смерть страшна, и любой почти труп внушает отвращение, но это – самое жуткое, что можно себе представить. Однажды он видел нечто подобное – черное отверстие в земле от взрыва, нежно-розовые, переходящие в синее внутренности человека, свисающие с веток ближнего дерева, и сизые капли, изредка падающие с них на траву...

Он невольно взглянул вверх, на ветки ближних деревьев...

Время от времени накатывало такое отчаяние и овладевали такие кошмары, что он уже думал: жаль, что среагировал на щелчок взрывного устройства и это не произошло сразу, мгновенно... Потом ему начинало казаться, что никакого щелчка и не было, что, может, виной всему слуховая галлюцинация...

Итак, у него оставалось два варианта действий: или попытаться совершить самый главный в свой жизни прыжок, или дожидаться здесь утра. Но что могло принести утро? Призрачную надежду, что, когда рассветет, кто-то из своих все же наткнется на него? Ясно и то, что за ночь он окончательно вымотается и для прыжка, судя по всему, у него не останется ни физических, ни моральных сил. Нет, уснуть он не боялся – уснуть в такой ситуации смог бы, наверное, только человек с нервами из воловьих жил, но ведь можно в этой темноте, в этом холоде, под желтоледенящим светом луны в какой-то момент не выдержать и сделать шаг...

В общем, каждая новая минута лишь уменьшала шансы выжить, и осознание этого подхлестнуло его. Темнота быстро сгущалась, затушевывая очертания окружающих предметов, так что бугорок, тот, который слева, отпадал, прыгать оставалось только вперед.

Сперва решил, что это произойдет, когда часы покажут восемь пятнадцать, но... в последний миг раздумал. И решил: все, в восемь двадцать, и ни секундой позже. Первонаперво он отшвырнул левой рукой автомат – за тот самый бугорок. Потом несколько раз отвел левую ногу назад и вперед, примериваясь к прыжку, как бы раскачиваясь перед ним. Проклятье, правая, толчковая нога будто совсем одеревенела. Потом – отставил левую ногу назад на полметра, перегнул корпус вперед и, резко оттолкнувшись, прыгнул...

Едва Самвел оторвался от земли, он, холодея, понял: все, это гибель! Его тело так и не смогло, как он представлял себе, стелясь над землей, сразу устремиться вперед, а на какой-то миг зависло над местом прыжка...

Но взрыва не было. Упав – довольно удачно, безболезненно – лицом в сухую листву, он немного проехал по ней и затих.

Еще с минуту ушло на осознание того, что произошло. Наконец, Самвел поднялся и, едва веря себе, вернулся к месту, которое отняло у него полжизни. Осторожно обша-

рил все вокруг и вытащил из-под палых листьев надломанный сучок.

Утром, когда он продрал глаза, то увидел гранатометчика, который очень странно на него смотрел. Их молча окружило еще несколько человек: через левую сторону шевелюры Самвела тянулась седая прядь – словно какой-то нехороший шутник-маляр с размаху мазнул по ней кистью с белилами.

*1997*

## МАРИКА

Марике исполнилось семнадцать лет, и не все окружающие сразу заметили, как из очень живого, шаловливого и милого ребенка она превратилась в замечательно красивую девушку – с темно-русой челкой, золотистыми искорками в карих глазах и нежным румянцем во всю щеку. Ох уж этот румянец – сколько он ей доставлял хлопот! Взлетев вприпрыжку по крутым лестничным ступеням тихого старинного, увитого плющом дома, где она тихо жила с мамой и бабушкой, или институтского здания (подниматься по лестнице спокойно Марика не умела), она прижимала ладони к горевшему лицу, пытаясь хоть как-то остудить его и унять внутренний жар. Ей казалось, что зайти в аудиторию или в комнату, где сидит бабушка, с таким пылающим лицом – очень стыдно.

Еще в школе Марика увлекалась рисованием, музыкой, шахматами. Зачитывалась стихами, писала и сама, но никому не показывала написанное.

На первом курсе института она страстно полюбила театр. Не пропускала ни одного спектакля, причем даже место у нее всегда было одно и то же – справа, в третьем ряду партера (в кассе ее хорошо знали и всегда оставляли ей в дни премьер это место).

Марика считалась одной из самых привлекательных девушек в институте, и ни мама, ни бабушка не удивлялись тому, что среди ее товарищей было много юношей, смотревших на нее с восхищением и тайной надеждой. Поэтому мама – она всю жизнь проработала преподавательницей музыкального училища – тревожилась, думая о том, что скоро ей придется расставаться со своим ласковым котенком, со своей ненаглядной девочкой, и мечтала о том, чтобы это произошло нескоро. У самой у нее личная жизнь не сложилась – отец Марики, сын известного в Абхазии деятеля культуры, ушел от нее, сказав, что она «слишком предсказуема». Дочке их был в ту пору годик. А Марика никого не выделяла из круга своих товарищей, относясь ко всем на редкость дружелюбно и ровно.

Она закончила институт, начала работать в городской библиотеке. Постепенно распался ее прежний круг общения: друзья женились, подруги выходили замуж.

Умерла бабушка, тяжело и надолго заболела мама.

Теперь мама тревожилась уже по другой причине: годы шли, а Марика оставалась одна и не испытывала, казалось, никакого стремления связать с кем-то свою судьбу. Начались даже угрызения совести: ей думалось, что именно ее материнский эгоизм, ее нежелание делить с кем-то любовь Марики виноваты в этом.

И она не стала препятствовать стараниям сослуживицы, весьма энергичной особы, решившей во что бы то ни стало свести Марику со своим племянником – женихом, хотя и несколько запоздалым, но не потерявшем еще «товарного вида».

– Разве нам с тобой плохо вдвоем, мамуленька? – с грустью спросила Марика, примостившись рядом с матерью на диване и обняв ее, но перечить «коллективному решению» не стала.

Брак оказался неудачным. Муж так и остался для Марики чужим человеком, и то, что она прожила с ним больше трех лет, можно объяснить, пожалуй, лишь ее нежела-

нием огорчать маму. Но мама умерла… Марика вернулась в опустевшую комнату с тяжелыми бархатными портьерами, забрав с собой двухлетнего сына.

… Ей было тридцать шесть, когда Алеша пошел в школу. Марика работала к тому времени заведующей маленькой профсоюзной библиотекой, которая занимала уютное синее деревянное здание на берегу моря. От того «всесторонне одаренного ребенка», которым она когда-то была, остались лишь музицирование по выходным на стареньком «Беккере», решение шахматных этюдов, попадавших в календаре, да время от времени желание излить душу на бумаге. Стихи свои, впрочем, она нигде не пробовала печатать, догадываясь, что они далеки от совершенства. Все ее чувства и мысли поглотила теперь забота о маленьком человеке, который подрастал рядом с ней. Она мечтала, чтобы ее сын вырос сильным, добрым и умным, рано приохотила его к чтению, водила на спектакли в ТЮЗ.

Она была по-прежнему красива и по-прежнему одинока. Мужчин, увлеченных поначалу ее внешностью, останавливали обычно не категоричность отказов Марики продолжить с ними знакомство (иных ведь такая категоричность вкупе с деланным возмущением только раззадоривают), а ее рассудительная холодность, спокойное безразличие ко всему, что выходило из круга ее устоявшихся забот и интересов. Заскучав, они вскоре остывали. То, что раньше всем виделось в ней спокойствием, доброжелательностью и чистотой, постепенно стало представляться многим равнодушием, бесхарактерностью, пресностью.

А она вовсе не роптала на свою жизнь. Ей нравилось это легкое ажурное голубое здание, куда она приходила на работу, нравился влажный шелест столпившихся вокруг эвкалиптов, нравилось море, такое близкое, хорошо видное из окон – в непогоду рокочущее, накатывающее на округлый галечный мыс сердитыми темными волнами, но все равно не страшное…

Читателей в библиотеку было записано немного и почти каждого она помнила по имени-отчеству. Один из них – Даур Сергеевич – не оставлял надежд завязать с ней «внеслужебное» знакомство. Конечно, он выделялся из остальных посетителей библиотеки – в основном, пенсионеров и домохозяек. Ему было чуть за сорок. Высокий, худощавый, подтянутый. Не красавец, но лицо внушающее симпатию, открытое, что называется – мужественное. Ну и, конечно, располагал к нему его интеллект. За годы работы Марика хорошо научилась различать людей уже по читательским формулярам. Круг чтения Даура Сергеевича свидетельствовал и о разносторонности его интересов, и о хорошем вкусе.

Началось все с одного вечера, когда она уже собиралась закрывать библиотеку и он попросил разрешения немного проводить ее. Перед этим у них завязался довольно интересный разговор об одной из журнальных публикаций, и Марика не нашла в его просьбе ничего предосудительного. Они медленно пошли по берегу, то и дело останавливаясь у парапета, вдыхая свежий морской воздух и глядя на снующих над волнами чаек. Дойдя до плакучих ив, что росли при впадении в море речушки, Даур Сергеевич остановился и, явно волнуясь, сказал:

– Я боюсь, что у меня не будет больше другой возможности и поэтому хочу сказать вам об этом сегодня, сейчас… Марика, мне кажется, что вы – та женщина, о которой я мечтал всю свою жизнь…

И дальше он начал рассказывать о своей семье, о жене, которую давно не любит и на которой его «женили обстоятельства»… «Как это все понятно, правдоподобно и, увы, банально», – думала Марика, глядя на его зачесанные назад начинающие редеть волосы, умные светло-карие глаза, артикулирующий рот. Она ответила категорическим отказом, сказала, что об этом не может быть и речи: «Жизнь уже сложилась – и у вас, и у меня. И вообще вы мне интересны как собеседник, как товарищ, но не бо-

лее». И совсем уж неуместным, смешным показалось ей, когда он начал читать наизусть стихи Петрарки:

… Был день, в который, по Творце Вселенной
Скорбя померкло солнце… Луч огня
Из ваших глаз врасплох настиг меня:
О, госпожа, я стал их узник пленный!

Потом он еще несколько раз, приходя в библиотеку, возвращался к начатому, Марика старалась перевести разговор на другую тему – подобно тому, как в педагогической литературе рекомендуют переключать внимание ребенка с ненужного предмета. В чем-то его слова были ей даже приятны: только зачем это мне – спрашивала она себя.

Но однажды… Однажды все переменилось. Он долго не приходил в библиотеку, а потом она увидела его стоящим у стенда с новыми книгами и рассматривающим какое-то издание. Солнечный свет падал на его голубую сорочку с короткими рукавами, на сильную загорелую руку, согнутую в локте. И тут Марика почувствовала вдруг, что если она сейчас, сию же минуту не коснется этой руки, то потеряет сознание. Она шагнула вперед и, дотронувшись двумя пальцами до его загорелого локтя, сказала что-то незначительное, кажется, об одной из книжек, выставленных на стенде. Он оглянулся, и в его глазах отразилось сияние ее глаз.

Они долго сидели в тот вечер на лавочке в эвкалиптовом сквере, и так получилось, что Марика рассказала ему всю свою жизнь, как она ее чувствовала и понимала.

Ночью она долго не могла заснуть. И было так хорошо, так светло на душе… И в голове сами собой складывались строчки стихов.

Даур стал появляться в библиотеке почти каждый день. Он старался прийти в такое время, чтобы посетителей было поменьше и ничто не мешало ему разговаривать с Марикой. Вскоре он стал настойчиво приглашать ее поехать на выходные в Пицунду. Марика долго не могла на это решиться. Перед ее глазами все время стояла семейная

фотография, которую он однажды, вынув из бумажника, показал ей: Даур, двое глазастых ребятишек лет двенадцати-тринадцати и женщина со злым лицом. Помнится, взглянув тогда на нее, Марика пожалела Даура: она не представляла себе, как можно любить женщину с таким лицом. А дети зато были хорошенькие, с такими славными мордашками… И зачем только он показал ей эту фотографию?.. Отчаявшись, Даур сказал ей в конце концов: «Ладно, как хочешь, а завтра в полдевятого утра я буду ждать тебя на автовокзале…». Она снова отрицательно покачала головой, но вечером – на всякий случай – договорилась с соседкой, что оставит с ней Алешу на выходные. Засыпала, твердо решив никуда не ехать, а встала – и начала собирать дорожную сумку: купальник, термос, испеченные вчера «на дорожку» (опять же на всякий случай) пирожки с ореховой начинкой.

Когда сели в автобус, Марика то и дело обмирала: вдруг кто-то из знакомых зайдет…

А потом был сладкий чад двух пицундских дней. Потная курортная толчея на автобусной остановке в центре поселка (оба они легко сходили за прибывших издалека транзитных туристов, так что затеряться, раствориться в скопище шортов, панамок и соломенных шляп не составило большого труда), потом поиски комнатушки в каком-нибудь из деревянных домиков вдоль Кипарисовой аллеи – бабку-хозяйку удовлетворило, что их двое и они заплатят за всю комнату, но не очень, видно, устраивало, что они всего на одну ночь. Бешеный восторг купания – наконец-то! – в прозрачнейшей воде, запах хвои, домовитое блуждание по рынку… Вечером – дегустирование блюд кавказской кухни на открытой веранде ресторана «Золотое руно», негромкая музыка и такие задушевные, умные, чуть грустные тосты Даура. Поиски темной душной беззвездной ночью домика, где они остановились, загремевшее пустое ведро в темном коридорчике, смех, который они не смогли сдержать… Марика всегда счи-

тала себя женщиной довольно холодной (да в сущности так оно и было), но в ту ночь, когда Даур впервые овладел ею, из ее груди вырвался такой стон наслаждения, что ему пришлось зажать ей рот ладонью. А потом, на утро – снова купание, жар желтого сыпучего песка, обжигающее солнце и бесконечное, неустанное томление по этому сильному телу, этим ласковым рукам, этому голосу, этим глазам.

«Милый, – думала она, глядя на него, лежавшего рядом, на его мерно вздымающуюся широкую золотистую грудь. – Ведь мы с тобой могли встретиться и тогда, когда я училась в институте, а ты был еще свободен… Мы ходили по одним и тем же улицам, может быть – не раз – ехали в одном автобусе…».

То лето запомнилось ей как полоса чего-то ослепительного – радостного, похожего на солнечную дорожку на волнах. То длинное жаркое лето… Теперь обычный ее день состоял из двух ощущений: ожидания предстоящего свидания и воспоминаний о свидании минувшем.

Когда-то, в юности, она так и не сумела остановиться ни на одном из заложенных в ней замечательных талантов, а потому, думалось ей всегда, и осталась во всем дилетантом. Сейчас же ей уже казалось, что никаких таких зачатков у нее и не было, а была лишь любознательность. Настоящим же талантом она была наделена только одним, способностью любить – вот так, одержимо, до сумасшествия.

Она старалась на встречи с Дауром выбраться куда-нибудь из Сухума: ей казалось, чем больше они отдаляются от города, от всех своих знакомых, от его семьи, от Алеши, тем в большей мере превратятся в каких-то иных людей – с другими биографиями, другой судьбой – и тем меньше будет ее грех. Но выбраться удавалось не всегда: были и мастерская его друга-художника, и грязноватые номерки в пансионате «Синоп», куда он ее заводил, пугливо отвернувшуюся от горничной. Она была как в лихорадке и уже

почти не замечала весь этот стыд и унижение. О том, чтобы пригласить его хоть однажды домой, не могло быть и речи: во-первых, могли увидеть соседи, а во-вторых, ей не хотелось, чтобы Алеша привязался к Дауру – ведь тот, она знала, никогда не сможет оставить своих детей.

Однажды в библиотеку зашла стройная женщина с брезгливым выражением холеного лица. И хотя Марика ни разу с ней до этого не встречалась, она тут же узнала ее.

Женщина ступила за стеклянную перегородку, где был стол Марики и, начав что-то говорить, быстро перешла на крик. Марика почти ничего не понимала: ей было только очень стыдно, что несколько читателей, находившиеся в зале оглянулись в их сторону. И еще она неотрывно смотрела на ухо этой женщины. У трети, если не больше, людей в мире, вспомнилось ей прочитанное где-то, мочка уха бывает приросшей, у остальных – нет. И хотя, если судить по статистике, и то и другое – вполне нормально, Марике такие приросшие мочки казались всегда почти уродством. У этой женщины оно было явно выражено: мочки ее ушей приросли под таким косым углом, что их словно и вовсе не было.

Дальнейшее она вспоминала как полубред-полусон. Эта женщина приближается, размахивает руками… Шум, крик… Потом ее оттаскивают от женщины… Кровь… Оказывается, Марика укусила ее за ухо.

…Слух о скандале быстро распространился, что неудивительно в небольшом городе, где половина жителей знакома или полузнакома друг с другом. Марика ходила по улицам, боясь поднять голову, а на звонок Даура ответила, что они не должны больше встречаться. Он же сказал, что ушел из дома и живет уже несколько дней у приятеля.

А спустя неделю началась война. Марике с Алешей удалось выбраться из оккупированного Сухума на второй ее месяц. Их поселили в одном из пицундских пансионатов.

Словно огненный, упавший с неба плуг беспощадно перепахал жизнь всех, кто ее окружал. Но не смотря на переживаемые народом бедствия войны, Марика время от времени со стыдом ловила себя на мысли, что постоянно думает, вспоминает о тех летних месяцах, которые предшествовали началу войны, о том угаре… И особенно, когда они гуляли с Алешей вдоль берега моря, – о том, как они ходили когда-то здесь с Дауром.

А тот, как однажды она услышала, вывез семью в Россию, сам пошел воевать и погиб во время мартовского наступления на Сухум.

После окончания войны родители и вдова перезахоронила его на Лечкопском кладбище.

А Марика с сыном вернулись тогда в свою сухумскую квартиру – слава Богу, та осталась нетронутой. И с годами одним из главных дел ее жизни стало посещение могилы Даура. Она приходила к ней в дни, когда наверняка знала, что ее не увидят. Приходила и обязательно приносила с собой букет белых роз – именно такой букет принес ей, помнится, однажды Даур и еще обмолвился, что это его любимые цветы. Она подолгу сидела с ними у его надгробия, но когда уходила, оставляла их на какой-нибудь соседней могиле: чтобы «та женщина», придя после нее, ни о чем не догадалась…

Женился Алеша, у нее появились внуки. У окружающих утвердилось о Марике мнение как о доброй, но несколько странной женщине, пережившей какую-то несчастную любовь и все не способную ее забыть.

Незаметно подкралась старость, то и дело норовя подкинуть в прическу седых волос, нарисовать на лице все новые морщинки. Однажды в солнечный день, уже погрузневшая, она сидела в кресле-качалке на балконе, вспоминала о том далеком уже «длинном жарком лете», когда была так счастлива, и представляла себя Лаурой, пережившей Петрарку. А не была ли вся ее жизнь, пришла мысль, и до, и после встречи с Дауром, прожита толь-

ко ради тех нескольких месяцев? Действительно, думала она, ей могло бы больше повезти, если б она встретила его раньше, когда еще училась в институте, а он был свободен. Но ведь какая удача, что они вообще встретились, что родились в одном и том же веке, десятилетии и в одном и том же городе. И подумав так, она счастливо засмеялась.

*2001*

## РОМЕО, ДЖУЛЬЕТТА И ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ УРНА

Спустя 410 лет после премьеры в лондонском театре «Глобус» знаменитой трагедии «Ромео и Джульетта», в 2004-м, аналогичная описанной в ней история чуть было не разыгралась в Сухуме, столице маленькой непризнанной республики на восточном берегу Черного моря – самого дальнего восточного выступа Атлантического океана.

А ведь поначалу отношения этой влюбленной пары развивались вполне благополучно и ничто не предвещало разгула шекспировских страстей. Все шло в русле абхазских традиций. 26-летний менеджер крупной, в масштабах Абхазии, торговой фирмы Ахра повстречал 22-летнюю студентку Мадину на многолюдной свадьбе своего дальнего родственника. Стройная красавица Мадина, с первых же минут знакомства покорила сердце Ахры. Их познакомил его приятель, оказавшийся соседом Мадины по дому. Когда началась посадка за столы, Ахра постарался сесть рядом с ним и где-то между четвертым и пятым стаканами ачандарского вина вызнал о девушке всю самую необходимую информацию. Прежде всего, порадовался, что между ним и Мадиной нет и намека на родство. Ведь уже дважды перед этим у Ахры случались осечки: познакомится с девушкой, размечтается о ней, и вдруг – облом: выясняется, что она носит ту же фамилию, что и его бабушка по отцовской или по материнской линии.

А еще – девочка, судя по отзывам ее соседа, во всех отношениях положительная, из порядочной семьи и так далее.

Через этого самого соседа Ахра и наладил потом отношения с Мадиной. Молодые люди в течение нескольких месяцев часто встречались в компании общих друзей, гуляли, сидели в кафе. Дело стремительно шло к свадьбе.

Собственно, уже и дату ее назначили – на середину декабря, когда у Мадины должен был закончиться траур по дяде, который скоропостижно скончался в прошлом году. Но уже в сентябре началось черт знает что. В судьбу их неожиданно и грозно вмешалась Большая Политика.

Отец Мадины оказался одним из активистов предвыборной кампании Рауля Хаджимба и с утра до вечера крутился в его штабе. А у Ахры дядя по матери был одним из лидеров общественно-политического движения «Амцахара», которое поддерживало на выборах Сергея Багапша, да и родители сочувствовали кандидату от оппозиции. Уже тогда Ахра почувствовал холодок к себе со стороны родственников Мадины, которые до того общались с ним чрезвычайно приветливо.

Этот холодок превратился в лед после выборов 3 октября, когда сторонники Сергея Васильевича объявили о победе своего кандидата в первом туре, а сторонники Рауля Джумковича стали ее оспаривать и начали сидячую акцию протеста в Абхазской филармонии.

Как-то Мадина шла по проспекту Мира, и одна ее будущая родственница, столкнувшись с ней нос к носу, не ответила на ее приветствие. Мадина была шокирована и попыталась выяснить, что случилось. Оказалось, вчера по телевизору показывали сидящих в филармонии, и среди них – мать и старшую сестру Мадины. «И это после того, как моего двоюродного брата избили в Верховном суде!» – без конца повторяла обиженная. Имелся в виду вечерний штурм здания Верховного суда, когда хаджимбисты заставили судью огласить в телекамеру решение в

их пользу, в противовес ранее принятому. И под горячую руку тогда перепало многим из сторонников оппозиции, которые пытались противостоять штурмующим.

Ну, а после 12 ноября отец Мадины сказал ей, чтоб он никогда больше не слышал в своем доме имя Ахры, который где-то неосмотрительно назвал «захват» комплекса правительственных зданий в Сухуме «разблокированием».

Начавшаяся подготовка к свадьбе была свернута. Мадина и Ахра встречались тайком, боясь вызвать гнев родных, и в отчаянии подумывали о том, чтобы уехать из Абхазии в Ростов-на-Дону, где у Ахры жил друг, обещавший помочь с регистрацией и работой. «Да, такое этим Монтекки с Капулеттями и не снилось», – мрачно шутил Ахра. Но шутки шутками, а Мадина однажды, находясь в жуткой депрессии, наглоталась каких-то таблеток, так что еле откачали.

...Все волшебным образом переменилось вечером 5 декабря, когда российские телеканалы распространили сенсационную весть: непримиримые соперники Багапш и Хаджимба заключили союз и идут «в одной связке» на новые выборы – в качестве кандидатов на посты президента и вице-президента.

А под Новый, 2005-й год около пятисот родных, друзей и знакомых Мадины и Ахры веселились на их свадьбе (ее пришлось-таки перенести на пару недель). Причем один из гостей, подвыпив, долго убеждал соседей по столу, что ему известна подлинная предыстория Соглашения от 6 декабря. По его словам, два ближайших друга Ахры пробились сначала к Сергею Васильевичу, а затем к Раулю Джумковичу, поведали им все об этой паре и сказали, что судьба влюбленных всецело в их руках...

Некоторые ему верили и согласно кивали головами.

Все сказки кончаются сказками, но мы-то вам рассказываем не сказку, а быль.

Аналогично тому, как соглашение между Багапшем и Хаджимба, удержав ситуацию от сползания в состояние гражданской войны, не могло, однако, стать волшебным утюгом, чтобы сгладить противоречия между двумя разделенными частями народа, так и в отношениях родственников Мадины и Ахры отнюдь не воцарилась идиллия.

Отец Мадины во время посещений молодой семьи не переставал бурчать, что победители делят всех на «своих» и «чужих», то есть дают все места и привилегии багапшистам и затирают хаджимбистов (хотя его собственное место никто у него не отнял). А еще пересказывал содержание речей на съездах и собраниях «новой оппозиции», в которых исправно участвовал.

Но, как говорят, время – лучший лекарь. Все, как известно, течет, все изменяется. Дядя Ахры, директор школы, который «убивался» в свое время в штабе Багапша, перешел потом в стан его политических оппонентов, потому что про него «забыли». А может, и не забыли, а раздумали давать ему ту должность в райадминистрации, которую обещали. А, может, никто ему твердо ничего и не обещал, но он сам уверился, что обещали... Двоюродный же брат тетушки Мадины, который считался одним из видных хаджимбистов и пробился в парламентарии, баллотируясь от «Форума», стал потом… функционером «партии власти» – «Единой Абхазии». В канун президентских выборов 2009-го он вступил в нее и начал активную агитацию за Сергея Васильевича. Окружающим объяснял все просто и доходчиво: если анализ электоральных настроений и всей внутриполитической ситуации дает стопроцентную уверенность, что победит Икс, то зачем же продолжать портить с ним отношения и вкладываться материально и морально в заведомо проигрышную кампанию Игрека, это просто неумно, да и означало бы идти против воли народа. Ну а окружающие объясняли дело еще проще: у него бизнес (ресторан, еще кое-что), у него дети подросли, которым тоже надо устраиваться в жизни,

а значит надо делать ставку на ту команду, которая цепко держит власть в своих руках.

Примечательно, что когда в 2011-м после скоропостижной смерти Багапша состоялись досрочные президентские выборы, избиратели хоть и разделились поначалу, как бывает, на анквабистов, шамбистов и хаджимбистов, но такое деление уже не закрепилось в народном сознании.

И вот угораздило же Ахру, когда их с Мадиной сыну и дочке было уже семь лет и четыре года, влипнуть в одну жесткую, даже жестокую избирательную кампанию! И даже не «влипнуть», а «вляпаться»: этот глагол, наверное, более выразительно и точно передает ощущения, которые он испытал.

Выборы были в парламент, так называемые повторные – после того, как спустя год работы избранного по этому округу депутата того назначили на нехилую должность в правительстве.

Ахра, в общем-то, никогда не увлекался этими самыми выборными процессами, то бишь не участвовал в командных играх-потасовках «избирательный штаб на избирательный штаб», но на этот раз его, что называется, обложили со всех сторон. Как говорится, втянули…

И он, конечно, не стал бы ввязываться в это дело, если б не знал кандидата – предпринимателя и юриста Алмасхана Гамгия, очень перспективного парня, во всех отношениях подкованного (не только в смысле образования, но и в смысле того, что мог и припечатать задней подковой по лбу чересчур увлекшегося погоней за ним «волка»). При этом Алмасхан, любивший представляться как «начинающий миллионер», хоть и жил в столице, родился и вырос в селе Керекен, которое было центром того самого избирательного округа. Словом, у Ахры не было и тени сомнения, когда Алмасхан обратился к нему с просьбой быть на выборах наблюдателем от него. А тут еще один родственник к этой просьбе подключился. И даже подруга Мадины его попросила…

Он не пожалел о своем согласии и когда стало очевидным, что борьба предстоит нешуточная: Алмасхану противостоял только один соперник, Давид Мканба, житель другого крупного села этого округа, Алры. Инженер-строитель лет сорока, широкой общественности до этого не известный, но поставивший на уши всех, словно эти выборы стали главным делом его жизни. В окружении Алмасхана поговаривали, что власть Гамгия «не хочет» его и потому весь административный ресурс брошен на помощь Мканба, а тот и рад стараться… Все это только раззадорило Ахру, который был наблюдателем от штаба Гамгия на участке в Алре, повысило уровень адреналина в крови.

В списке избирателей участка было 516 человек, и в принципе, «играя на поле соперника», команда Алмасхана Гамгия не рассчитывала в этом селе на выигрыш, но чтобы победить в общем зачете, было важно отобрать у него здесь максимум голосов – хотя бы процентов 15-20. И ребята Алмасхана поработали на славу, причем не переходя красной черты. Они не применяли таких дешевых приемчиков, как, скажем, на прошлых выборах команда одного кандидата, которая завезла в село водопроводные трубы (а там сельчане вечно жаловались на отсутствие водоснабжения) и положила их вдоль дороги до самой школы. А через неделю после того, как кандидат был избран ликующим электоратом, приехали рабочие, деловито погрузили трубы и увезли: типа там что-то у него не срослось… А в одном из поселков другого села прокрутили подобную операцию с новыми столбами для электролинии. Но там избирателям хоть не так обидно было, потому что тот кандидат по общим итогам все же проиграл. Нет, Алмасхан в такие глупые игры с электоратом не играл, тем более что у него хватало соображения понять элементарное: днем выборов жизнь не кончается, да и никакое депутатство не стоит того, чтоб в народе потом твое имя полоскали. А вот магазинчик в одном из отдаленных поселков Алры он от-

крыл, быстро отремонтировав и переоборудовав под него заброшенное пустующее помещение; но при этом вскоре его люди стали в округе намекать, что магазин, о котором давно просили жители этого поселка, не рентабелен, так что в случае чего можно его закрыть. Понятно, в случае чего…

Конечно, в команде Алмасхана оказались, как водится, разные люди, в том числе и так называемые профессионалы избирательного дела, которые живут от выборов до выборов, зарабатывая на них, и кое-кто из их среды начал толкать такие вещи: надо бы применить систему «карусель». Очень, мол, эффективная вещь – «свой человек» из избирателей заходит в кабинку с чистой бумагой размером с бюллетень в кармане, потом бросает ее в свернутом виде в урну, а незаполненный бюллетень выносит и в укромном месте неподалеку от участка передает другому участнику «карусели». Тот вычеркивает в нем то, что надо вычеркнуть, получает за это «штуку», то есть тысячу рублей, заходит на участок, предъявляет паспорт, берет второй бюллетень и выносит его чистым, бросив в урну первый. И так далее по кругу… А еще есть и другая, более простая, хотя и рискованная система: избиратель в кабинке фотографирует на мобильник заполненный бюллетень и, показав снимок в том же укромном месте, получает ту же «штуку». Но все эти его разговоры были пресечены, как говорится, на корню.

Побеждать надо чисто. Тем более, что на каждый такой грязный прием разработан уже свой контрприем. Вот и стали на участках убирать шторки в кабинках: то есть заходи в нее, вычеркивай фамилии лишних кандидатов, никто не подсмотрит, кого вычеркиваешь; но вот прочие манипуляции наблюдатели кандидатов, члены избиркома, если они не лохи и не лохушки, вполне могут заметить.

На избирательном участке в Алре, который расположился в средней школе, кабинки тоже были без штор. Ахра, приехавший в то погожее июльское утро на участок

за полчаса до его открытия, первым делом проверил на «вшивость» стандартные желто-синие шариковые ручки, лежавшие в трех кабинках, – почиркал ими в своем блокноте. Так его проинструктировали в штабе: чтобы краска в ручках не оказалась исчезающей через пару-тройку часов («симпатические чернила», как говаривали в старые времена, или «симпатичные», как выразился председатель избирательного штаба Алмасхана). Слух об использовании властью таких ручек долго ходил пару лет назад, после очередных выборов; многие, впрочем, смеялись над этим и говорили, что такую аферу в масштабах всей Абхазии с участием множества членов всех участковых избиркомов провернуть абсолютно невозможно, что это просто отчаянная и глупая выдумка проигравших, точнее их политтехнологов, чтобы как-то объяснить свой проигрыш. Так или иначе, Ахра знал, что подобные шариковые ручки реально существуют. Как-то в Сочи он купил такую в магазине приколов и даже поприкалывался потом над бухгалтершей в своей фирме – расписался раз десять в финансовых документах, а потом долго слушал вечером по телефону ее сбивчивый голос, когда она в панике позвонила: мол, сама же видела, как он везде подпись ставил, а там – ничего… Но эти ручки были обычные – и к одиннадцати утра отметки, оставленные им в блокноте, никуда не делись.

Явка была хорошей; после десяти народ повалил так, что уже к полудню был преодолен 25-процентный рубеж, который позволяет считать выборы состоявшимися. У Ахры установились неплохие, что называется – рабочие отношения и с председателем участкового избиркома – пожилым директором школы со скрипучим песочком в голосе, и с наблюдателем от штаба Мканба – миловидной светловолосой дамочкой средних лет, врачом из райбольницы. Вплоть до восьми вечера, то есть до закрытия участка, все было чинно, благородно: нарушений, конфликтов, споров не зафиксировано, атмосфера самая благожелательная.

Дамочка была довольна тем, что народу пришло много, а это означало хорошее пополнение в копилку голосов за Мканба; Ахра радовался, что увидел сегодня много людей из того самого поселка, где плотно поработали ребята из штаба Гамгия. А еще он время от времени созванивался с ребятами в Керекене и получал хорошие вести: там голосование шло еще активнее.

Но в восемь с минутами к воротам в школьный двор подкатил битком набитый видавший виды желтый «Икарус», из которого высыпало несколько десятков не успевших проголосовать сельчан. Впрочем, предводитель этой ватаги, мужик лет сорока пяти с буйволиной внешностью и луженой глоткой, который, видно, и собирал пассажиров автобуса по домам, был убежден, что они успели. Ахре пришлось вежливо показать ему на свои наручные часы и объяснить, что «кто не успел, тот опоздал», а избирательная комиссия уже должна начинать подсчет голосов. Но их диалог очень быстро перешел на повышенные тона. Предводитель крестьянства наседал на Ахру и угрожал, что он сейчас разобьет на мелкие винтики его «хренометр». Попробуй, мол, не дать людям проголосовать, будешь всю оставшуюся жизнь только улыбаться и писаться… Ахра сделал шаг назад, мельком увидев испуганную пенсионную физиономию председателя избиркома, и обратился к стоявшей рядом и молчавшей наблюдательнице от Мканба:

– Ладно, я сейчас звоню председателю ЦИК, и послушаем, что он скажет. Если скажет, что в десять минут девятого, – тут он, как бы проверяя себя, снова взглянул на часы, – можно продолжить голосование – флаг вам в зубы… Но я в любом случае прямо сейчас сажусь и начинаю писать жалобу…

Дамочка стала урезонивать буйволоподобного и упрекать его за «позднее зажигание». Кое-как совместными усилиями выпроводили его из здания. Ахре еще с минуту пришлось задержаться на школьном крыльце, объясняя

обступившим их его «единомышленникам», что даже если они побросают сейчас заполненные бюллетени в урну, результаты такого голосования будут аннулированы и выборы потом придется проводить заново.

Избирательная комиссия приступила к выемке бюллетеней и подсчету голосов. Тут позвонила Мадина, и звучание ее голоса сразу не понравилось Ахре: «Что с тобой, где ты?». «Я на избирательном участке, все идет по плану, – постарался успокоить ее. – Как вы там?». Оказалось: только что звонил «мужской голос» (исходящий номер не определился) и предупредил, что если Ахра будет «выёживаться» и не давать людям проголосовать, то сегодня их пацан может не дойти до дома. А где Астик? Мадина как раз бежала на детскую площадку в их микрорайоне, чтобы посмотреть, не случилось ли чего. «Оставь их, пусть делают, что хотят», – прорыдала она, прежде чем отключиться. Ну, негодяи, стучало в голове у Ахры. Видимо, среди толпы, окружившей его у входа в школу был кто-то, кто знал его, знал его семью, знал номера мобильников… Нет, ну насчет Астика – это, конечно, наверняка блеф, но какие все-таки уроды!.. Через пару минут Мадина перезвонила, что все в порядке, и они с Астиком уже дома.

Спустя полчаса голоса были уже подсчитаны. Оказалось, что проголосовало 389 человек, 11 бюллетеней испорчено, за Мканба 308, за Гамгия –70. И эти 70, конечно, очень дорогого стоили.

Повезли бюллетени в Керекен, уже зная, что в общем итоге, по округу, Гамгия опережает Мканба голосов на 50-60. До команды Мканба эта инфа тоже, по-видимому, дошла, поскольку Ахре по дороге позвонили и сообщили, что несколько машин с обозленными парнями из Алры «гонятся» за ними. Что значит «гонятся»? Они что, бюллетени собираются отбирать и уничтожать? Да, ребята, видно, совсем погнали…

С облегчением вздохнул, когда они добрались, наконец, до окружной избирательной комиссии, которая рас-

полагалась в здании керекенской Администрации. И особенно когда узнал, что там уже несколько часов находится сам председатель ЦИКа. Но вскоре оказалось, что в Алре были только цветочки…

Через минут пять-семь появилась «погоня» – человек тридцать парней от двадцати до сорока лет, некоторые из них уже хорошо раскумаренные. У них, видно, уже совсем отказали тормоза. Двери здания были надежно заперты, и тогда они полезли в окна. Через открытые изнутри двери в помещение комиссии ворвались все. Стали крушить все вокруг, хватать и рвать протоколы избирательных комиссий, бюллетени… А председатель ЦИК оказался по сути дела взятым ими в заложники. Из Алры все подъезжали и подъезжали сторонники Мканба…

Вместе с несколькими членами штаба Алмасхана в его джипе, стоявшем в соседнем переулке, они обсуждали создавшуюся ситуацию. Никто не слышал от дебоширов, в чем их требования и что они оспаривают. Про автобус с избирателями в Алре, которым не дали проголосовать, никто не вспоминал. Они орали одно, абстрактное: выборы нечестные, сфальсифицированные… Ясно, что в этом протесте было много напора и мало мозгов. Можно было бы, конечно, напрячь местных пацанов, среди которых тоже немало безбашенных, и те с удовольствием «напряглись» бы. А дальше что? Скандал и позор на всю страну и за рубежом: парламентские выборы превратились в побоище двух сел, стенка на стенку и так далее. Телефон Давида Мканба «глухо» не отвечал. Нужно было как-то брать ситуацию под контроль с помощью правоохранительных органов. Алмасхан позвонил на самый верх, и там явно забеспокоились. Очень скоро в селе прибыли омоновцы и начальник РОВД – что называется, битый парень, хорошо знавший местный криминалитет, который был, конечно, ударной силой нападавших. При этом им был дан приказ избегать прямых столкновений и задержаний. Понятно, что председатель ЦИК, глубоко оскорбленный поведени-

ем сторонников Мканба, был в душе уже «гамгиевцем», хотя внешне должен был продолжать демонстрировать нейтральность.

Все «мканбовцы» из здания Администрации довольно быстро отступили, но, судя по всему, затаились в режиме ожидания где-то поблизости. Ахра вместе с другими принимал участие в собирании разбросанных не только в здании, но и на улице бюллетеней. Уничтоженные протоколы скоренько восстановили, все, кому нужно было, заново расписались. Теперь встал вопрос о их транспортировке в Сухум, в ЦИК.

Было уже за десять вечера, окончательно стемнело. Начальник милиции вместе с парой надежных сотрудников, вооруженные до зубов, взяли на себя функцию по доставке в Сухум пяти картонных ящиков с бумагами. Они уехали, а все остальные пока оставались в здании Администрации и около нее. При этом шли постоянные звонки по мобильникам. Как догадывался Ахра, и в окружении Мканба были информаторы гамгиевской команды, и наоборот. Словом, целая войнушка мини-разведок шла. В какой-то момент Алмасхан в тревоге позвонил начальнику милиции, который уже должен был подъезжать к трассе Черноморского шоссе, и сообщил, что за его машиной гонятся несколько джипов с пьяными и обкуренными беспредельщиками, которым уже все равно: начальник РОВД там едет с бюллетенями, или министр внутренних дел США. Но начальник, тертый калач, ему ответил: «А я дурак что ли, чтоб по главной дороге ехать, тут знаешь сколько проселочных…». «Красавелла!» – восхитился начштаба Алмасхана.

Ахра вместе с другими сухумскими ребятами двинулся домой через минут пять. Ощущение было такое, будто он очутился среди героев какого-то боевика, если не сказать – ужастика. Который все еще никак не кончится… По дороге он постоянно созванивался с Мадиной, которая сидела дома с детьми, закрыв двери на все запоры, и, по

ее словам, тряслась от страха. Тот самый «мужской голос» позвонил-таки ей около часа назад и пригрозил, что с Ахры «по-любому еще спрос будет». Мадина, умница, ответила ему без воплей и ругани, на которые он, наверное, рассчитывал, но вполне достойно: «Не смешите мои тапочки». «А я по-любому до тебя доберусь, урод, – думал Ахра за рулем. – Абхазия маленькая».

А потом он подумал, что с него хватит; пусть этим выборным перетягиванием каната занимается отныне кто угодно, но только не он.

*2013*

## ПЕРСИК

***Июль 1992.***

Почему меня так влечет неосуществимое? Где она, и где я? Юное эфирное создание с нежным фарфором щек и сияющей улыбкой. И солидный, «траченный молью» дядя, который в последнее время не раз, стоя дома у зеркала платяного шкафа и приставив сзади к затылку круглое зеркало на подставке, с ужасом рассматривал в нем неумолимо расширявшуюся лысинку…

Так не раз думал Арсен, когда за второкурсницей истфака АГУ Асидой закрывалась дверь и он оставался один в маленьком служебном кабинете в АбНИИ.

Но странно: что все-таки заставляло эту розовощекую балаболку, или златокудрую фею, как он, в зависимости от настроения, ее называл, раз за разом заходить на работу к нему, маминому знакомому, по дороге с лекций домой? Кстати, у нее, сама как-то сказала, было прилепившееся еще в школе прозвище – Персик. Как это нередко бывает, оно перекочевало за ней и в университет, да и вообще большинство друзей Асиды так ее называло.

Почему, кстати, именно персик, а не какой-то иной, не менее сочный плод стал символом вот такой юной и пы-

шущей здоровьем прелести? Наверняка, подумал однажды Арсен, это реминисценция с «Девочкой с персиками» – шедевром молодого Валентина Серова. Художник мог бы посадить свою натурщицу, двенадцатилетнюю дочь Саввы Мамонтова, за стол и с наливными яблоками, и с красношекими грушами, и с золотистыми абрикосами, но на столе лежат именно эти плоды, и «румянец» персиков так гармонирует с ярким густым румянцем щек девочки… Кстати, Асида нередко и представлялась ему только что сошедшей с этой знаменитой картины, но только чуть повзрослевшей и с румянцем немного другого, более светлого колера.

Он, конечно, откладывал в сторону все свои дела и с удовольствием тратил время на разговоры с Асидой. Чаще всего темой их была история Абхазии.

Как-то, например, Асида чуть не со слезами на глазах рассказала ему о споре на их курсе. Один ее однокурсник-грузин начал на перемене высмеивать название «Великая Абхазская стена»: что, мол, за «Абхазская», если эту стену длиной в 160 километров в семнадцатом веке князь Мегрелии Леван Второй Дадиани построил? Как оборонительный рубеж для защиты своих владений от набегов с запада и севера адыгейских племен. Тех самых, которые, по его словам, смешавшись потом с грузинским племенем абхазов, и дали жизнь современным «апсуйцам». Дошло до мордобития: абхазские ребята на курсе не стерпели. Но этот грузин сыпал цитатами, ссылками на первоисточники… Неужели это и впрямь, как он говорил, «Великая Мегрельская стена»?

Эту стену, успокоил ее Арсен, как считает большинство историков, с помощью абхазских племен Персия построила в разгар своих войн с Византийской империей. И было это на тысячелетие раньше, в шестом веке. А Леван использовал эту полуразрушенную древнюю стену, надстроив ее, во время тридцатилетней войны с Абхазским княжеством. И вообще это крайне примитивный подход: кто построил сооружение – тот и есть «раньше пришед-

ший» на эту землю. От того, что Азов или Измаил были турецкими крепостями, вовсе не следует, что эта земля должна принадлежать Турции…

Но чем дальше, тем больше они говорили совсем на другие темы. Асида любила взахлеб рассказывать о том, как прошлым летом ездила в Киев. Для ее маленькой, только что начавшейся восемнадцатилетней жизни это, по-видимому, было эпохальное событие. Во всяком случае, она много раз возвращалась к воспоминаниям о Крещатике и прочем.

А Арсен тоже то и дело потчевал ее, наряду с кофе и шоколадками, рассказами о городах, где бывал, стараясь разукрасить их занятными историями о своих приключениях там.

Он млел от почти ежедневного 15-20-минутного присутствия в своем кабинете этого юного создания, но все чаще задумывался о том, что надо в конце концов «открываться». Только как?

Перебирал в голове возможные варианты разговора и браковал один за другим. Ясно было, во всяком случае, что обычные в таких случаях слова легко превратят его в посмешище.

В самом деле, с чего он взял, что может на что-то рассчитывать? Детку интересовали разговоры с ним, как интересуют ее, наверное, такие же разговоры с лекторами университета, папой, родителями одноклассников и однокурсников…

Так или иначе, но нужен был решительный зондаж, ибо эти «суета и томление духа» продолжались для него уже несколько месяцев. И тут всплыла одна тема, промелькнувшая в каком-то увиденном по телевизору фильме.

Ясно, думал Арсен, что если его поползновения встретят с ее стороны испуг и негодование, а это почти наверняка так и будет, то она больше уже никогда не появится в этом кабинетике. Ну, так и что? А зачем тогда ему эти появления?

Когда в очередной раз она, бело-розовая, как распространенная магазинная разновидность зефира, и шумная, как погремушка, появилась на пороге, Арсен встретил ее, постаравшись придать лицу «потерянное» выражение. И спустя несколько минут разговора на какие-то малозначительные темы, подойдя к окну и глядя в него, чтоб она не видела выражения его лица, заговорил, как бы с трудом подбирая слова:

– Ты слышала о такой болезни – лейкемии? Ее еще называют белокровием. Это неизлечимо. Так вот, вчера я узнал результаты своих анализов. И мне прямо сказали, что жить осталось три-четыре месяца…

«Боже, что я несу? Зачем? Это не ложь во спасение, это ложь… дебила. И после того, как все выяснится, у любого нормального человека она неизбежно вызовет не только недоумение, но и возмущение. Это не «издержки» будут, а издержищи»!

Бедная Асида верила и не верила, менялась в лице… Но он сам себя удивил актерскими способностями: делал долгие паузы, говорил словно выдавливая из себя слова, и ни одним жестом и взглядом не выдал, что это стёб. А потом, когда она произнесла несколько сострадательных фраз, выдал умоляющее:

– Асида, прости, я бы никогда, ни за что не сказал тебе об этом, если б не знал, что жить мне осталось чуть-чуть… У меня огромная… великая просьба к тебе: можно мне тебя поцеловать на прощание? Ты для меня – идеал всего на свете, понимаешь?.. Прекрасного, понимаешь?...

И не давая ей опомниться, шагнул к ней, стоявшей у двери, крепко обнял и припал губами к ее мягким губам. И – о, чудо – она не вырвалась, не отстранилась, а даже в порыве неких чувств несколько раз шевельнула губами, как бы отдаваясь этому поцелую.

Каких же все-таки, интересно, чувств? Сострадания или?..

На этом нужно было сегодня ставить точку, и Арсен попрощался с Асидой, взяв с нее обещание, что она обя-

зательно зайдет к нему после его поездки на три дня в Москву. (Это он заранее придумал: ведь ей нужна пауза в несколько дней на «осмысление»). А вечером дома записал в своем дневнике:

*«1 июля 1992 года. Сегодня разыграл «прощание с Асидой». Неужели, черт побери?.. Не знаю, что и подумать. Пока все складывается… тьфу-тьфу, ничего не хочу загадывать. В принципе все прошло по сценарию, как и виделось в идеале. Все это, конечно, слишком обманчиво. На все вопросы ответит следующая наша встреча, которая состоится через неделю… Кстати, она на днях рассказывала мне о своем дневнике. И ведь при любом раскладе не может быть такого, чтобы она не написала в нем о сегодняшнем своем визите ко мне. Вот бы хоть одним глазком увидеть эту запись…».*

Следующая его запись в толстой общей тетради в синей клеенчатой обложке, которую он использовал под дневник уже пять лет, была такой:

*«8 июля 1992 года. Итак, «здравствуй, грусть». Состоялся-таки наш разговор – после моего «возвращения из Москвы». В пять, как я и хотел. Скандала не было. Но и чуда не произошло. Асидочка предлагает «деловые отношения». Что ж, все правильно… А я пришел домой и, посмотрев в окно, подумал: «Верный эвкалипт!». Да, у меня больше нет никого вернее. Но ведь он такой же м о й, как и всех моих соседей, глядящих на него из своих окон. Н-да, а ведь «зеленый виноград» и впрямь на этот раз был зелен. Очень уж она утомительна для меня в общении. Как тетерка на току, которая слышит только себя. Да и возрастная пропасть в шестнадцать лет… Ничего хорошего у нас все равно бы не вышло. И все же – пусто, одиноко. Была иллюзия, был самообман, которые грели меня почти три месяца.*

*Ладно, отрицательный результат – это тоже результат. Я получил отказ; ну и отлично, а зачем мне та, которая меня не любит? Какая бы это была совместная*

*жизнь? Хотя весь вечер грызут сомнения: стоило ли сознаваться сегодня в этой дебильной лжи? А вдруг именно она сыграла решающую роль? Хотя был и другой вариант: со счастливым лицом сообщить, что в Москве смертельный диагноз опровергнут… Вот так: когда не надо, вру, когда надо соврать – не вру.*

*В эти выходные читал Артема Веселого – «Россия, кровью умытая», валялся на кровати, жрал огурцы, резко подешевевшую на рынке черешню, пил чай со сгущенным молоком. Да, мне, конечно, лучше, чем героям этой книги. А с другой стороны, как убога – в том же самом материальном смысле – моя жизнь! Под силу ли мне содержать семью? Какая апатия, лень живут во мне… Ладно, умирать нам рановато».*

### *Март 1993.*

Персик нежданно-негаданно вновь появилась в его жизни в самый разгар войны. Арсен вот уже более полугода обретался тогда в гудаутской турбазе «Черноморец», ставшей пристанищем «вояк», беженцев, в основном из Сухума, журналистов и прочего разношерстного люда.

«Черноморец», «Черноморец»… Он же – «Президент-отель», как прозвали его ироничные московские журналисты, глядя на обшарпанные донельзя номера и коридоры турбазы. Вообще любопытно, что нигде больше в Абхазии Арсену не встречалось это название, весьма популярное, насколько он знал, на черноморском побережье СССР. Где-то среди детских впечатлений – эпизод из прочитанной в младших классах книжки, где над мальчишкой, написавшем на своем планере «Черномрец» вместо «Черноморец», долго смеялись его сверстники, которые вместе с ним участвовали в соревновании планеристов. А перед этим его планер упал на землю и развалился. Дело происходило в канун Великой Отечественной войны в Керчи, в Крыму… На фронтоне гудаутского «Черноморца», чуть ниже крыши, большими пластиковыми буквами, приби-

тыми к деревянным рейкам, было когда-то выведено наивное и так щемящее сейчас сердце: «Пусть всегда будет солнце». А с другой стороны здания – «Миру мир!». Некоторые буквы в этих словах со временем упали, и Арсен не раз перечитывал причудливые слова, которые складывались из оставшихся.

Ураган войны, который обрушился на Абхазию 14 августа 92-го и многих разметал кого куда, занес его на эту турбазу на тринадцать с половиной месяцев, до самого конца боевых действий. Не сразу, но пришло к нему понимание, что именно это место обитания наиболее приемлемо сейчас для него. Конечно, он был еще призывного возраста, но сказать, что все его сверстники «держали оружие» на фронте, было бы явным преувеличением. Фронта не бывает без тыла, и в тылу нашлось место многим образованным людям. Каждый должен находиться там, где может принести наибольшую пользу общему делу, а кому как не ему, специалисту по военной истории, было заняться в Минобороны сбором и обобщением информации о ходе боевых действий? Ну, а если говорить откровеннее: какой из него, книжного червя, не служившего в армии ни дня, был бы вояка?

Родители остались в Очамчырском районе, там же на Восточном фронте воевал его младший брат. Арсен не знал, как другие тыловики, но хотя иной раз он и ощущал определенный моральный дискомфорт оттого, что не находится на передовой, доминирующим было другое: главное – он здесь, в сражающейся Абхазии, среди своих и со своими. А сколько оказались где-то в России и т. д. и вспоминались окружающими с презрением, а то и с угрозами: они что, собираются потом, после победы, в Абхазии жить? Нет, возможность уехать он отверг для себя сразу и бесповоротно: находиться где-то далеко, в безопасном месте, но постоянно мучаясь от мысли, что «дезертировал», «сбежал» – это не для него. Еще позорнее было, по представлениям окружающих, остаться в оккупирован-

ной столице и находиться там, выжидая, чем закончится война. Ну, а каково жить в Сухуме и бояться выйти на улицу, ложиться спать, каждый раз думая: вдруг сейчас за тобой придут? Нет, тут он на своем месте, при деле, а если что... если о н и придут и сюда, то на миру, как говорится, и смерть красна.

…Интересно, а делась ли куда-нибудь ее неизменная восторженность, подумал Арсен, вглядываясь в исхудавшее, как у всех, кто прибывал по обмену гражданскими лицами с того берега Гумисты, лицо Асиды. Да, похоже, никуда не делась, только трансформировалась в нечто непривычное, будто извлеченное из прочитанных в детстве книжек про Великую Отечественную войну, про пионеров-героев (на обложке одной из таких, помнилось Арсену, алый пионерский галстук развевался на ветру, зацепившись за колючую проволоку).

Они столкнулись в пресс-центре Верховного Совета Абхазии, где с утра, как обычно, толпилась масса народа. Вышли на балкон, и Асида долго, то и дело сама перебивая себя, рассказывала о днях и ночах в оккупированном Сухуме. О том, что и за сколько можно сейчас купить там на рынке; как грузинские гвардейцы «чистили» в соседнем доме квартиры и спускали на веревке с восьмого этажа большой телевизор; как одна абхазка, которую они хотели изнасиловать в ее квартире в многоэтажке (муж находился в соседней комнате), выбросилась в окно и разбилась насмерть; как в другом дворе группе садистов-»гвардюков» попался Юра Турава с «Сухумприбора», и только за то, что он абхазец, те начали измываться над ним, бить, подожгли зажигалкой ему усы… А еще был случай с ней самой. Как-то спешила Асида по набережной с сумкой в руке, а в сумке той – фен, полотенце, шампунь… Дело в том, что она возвращалась от знакомых, живших в домике у Красного моста и умудрившихся протянуть к себе электропровода от соседнего военного штаба, где работал дизель. Были в давно обесточенном городе такие вот островки

относительного благополучия… И вот ее, только что принявшую ванну, встречает и окружает человек пять грузинских гвардейцев, как она поняла – из сванского батальона. «Я русская, вон там, в санатории МВО, мой отец работает», – начинает она излагать свою давно отработанную легенду. Ибо показать им паспорт, где написано «абхазка», – это трындец. А они ничего не понимают, орут что-то на своем языке (одно слово до нее доходит – «сепаратисты») и тычут в фен: «Рация, рация!». Им тогда повсюду рации чудились. И уже потащили было ее в комендатуру, но тут прибежал еще какой-то орущий гвардеец – что-то где-то случилось, – и они, бросив ее, убежали. Вот после того пережитого ей стресса на семейном совете приняли окончательное решение. Немолодые уже родители Асиды остались в Сухуме – стеречь, как обычно в таких случаях говорили, квартиру, а ее отправили в Гудауту.

Арсена заинтересовало ее упоминание о дневнике, который она вела с первых дней войны (тогда этим занимались многие, особенно в оккупации). Он ксерокопировал тогда все подобные «человеческие документы» для истории. Ну, а помимо этого, конечно, ему было очень интересно взглянуть на то, что и как пишет в своем дневнике Асида, плескалась, конечно, на донышке сознания и надежда: а вдруг сейчас, во время, когда «все вокруг перевернулось», что-то перевернется и в ее отношении к нему. Ой, да мало ли слышал он историй о том, как девушка отказывалась, отказывалась, а потом вдруг согласилась?

Через несколько дней Персик, остановившаяся у подруги в селе Абгархук, приехала в Гудауту со своим дневником. Арсен прочел ее записи, достаточно незатейливые, посвященные, в основном, быту, но представляющие несомненный интерес как «человеческий документ», и пообещал на следующее утро отксерокопировать. И вышло так, что она осталась на ночь в «Черноморце». Больше того, вышло еще и так, что кроме как в его номере ей негде было остаться ночевать.

Арсен жил в сдвоенном номере, каких в «Черномор-це» по несколько на каждом этаже. И в настоящее время обе комнаты номера, на которые приходились прихожая и общий санузел, были полностью в его расположении. Журналист-телевизионщик, к которому его подселили в первые дни войны, в августе 92-го, через пару месяцев нашел себе отдельную комнату на третьем этаже, а смежная комната пустовала, поскольку его, бывшего обитателя, казака, приезжавшего сюда с Гумистинского фронта на пересменку, недавно убило во время артобстрела на передовой. Короче говоря, при желании можно было бы сказать, что они с Персиком будут спать в соседних комнатах, а при желании – что в одном номере…..

Когда они пришли в номер, Асида вдруг вдохновилась идеей поиграть в нарды. И хотя эта игра никогда не была Арсену по душе, он даже не умел толком в нее играть, сейчас решил во что бы то не стало отыскать в «Черномор-це» нарды и исполнить ее просьбу. Первую просьбу «любимой девушки», с которой она к нему обратилась.

И он быстро скатился на первый этаж в комнату Канбея, у которого точно были нарды.

Канбей был интересный экземпляр. В качестве кого он здесь обитал – это большой вопрос. В качестве «вояка»? (Вокруг говорили именно так: не «вояка», а «вояк»). Может, он так сам и считал, таковым и представлялся новым знакомым, тем более, что всю зиму проходил в темно-зеленом поношенном армейском бушлате. Но Арсен точно знал – с его же, Канбея, слов, что первое и последнее его посещение передовой состоялось в октябре. До того он долго болтался в Гудауте, где у него жили бывшая (разведенная с ним) жена с дочкой, пока не решился-таки записаться в какую-то вновь сколоченную боевую группу. Но когда группа выехала на Гумистинский фронт, она, не успев как следует оглядеться на отведенных позициях, попала под страшный артобстрел. «Оглядываюсь и вижу, – рассказывал Канбей, – как все наши стоят на открытом

пространстве согнувшись буквой «Г». И тут – еще один взрыв снаряда, и я отключаюсь». («Н-да, – подумал Арсен, – это даже я сообразил бы, что надо залечь»). И попал после этого обстрела контуженный Канбей прямехонько в морг. Но повезло: там заметили, что жив, выкарабкался.

Эту историю Канбей рассказал Арсену в его комнате в «Черноморце» вскоре после того, как тот остался в ней жить один. Когда-то, лет десять назад, Арсен знал его по Сухуму как видного статного парня, который любил катать знакомых девушек на собственной «Волге». Раз и Арсен попал в компанию с ним, они поднимались на той самой «Волге» на Сухумскую гору. Что с тех пор с ним произошло, он не знал, давно не общались, но сейчас, особенно, после той контузии, Канбей представлял собой жалкое зрелище, ходячую развалину – резко постаревший, с морщинистым лбом, ходивший медленно, шаркая ногами и сгорбившись. Было такое ощущение, как будто внутри его все сгнило. И когда Канбей в ходе очередного посещения Арсена стал проситься к нему пожить (в комнате была еще кровать), Арсен, конечно, не смог отказать. И, конечно, тот вскоре замучил его своими занудством и нытьем. Слава Богу, потом Канбей, уже на правах жильца «Черноморца», смог выбить себе отдельную комнату. Спустя пару месяцев Арсену запомнился скандал, учиненный Канбеем в столовке «Черноморца», где всю войну бесплатно питались не только вояки, но и беженцы, а также прочие обитатели турбазы. В столовке сидело во время ужина не очень много народа, человек десять-пятнадцать, и Канбей, отхлебнув чай, вдруг начал орать на поваров, что они воры, и орал долго и упорно. Рацион там действительно был такой, чтобы только-только выжить: почти неизменный гороховый супчик, два тонюсеньких кусочка хлеба и чуть-чуть подслащенный чай. Но никто и никогда здесь не впадал в истерику, в которую впал Канбей. И самое неприятное и даже мерзкое было то, что он орал от имени вояк, которые «кровь свою проливали»… Все си-

девшие в столовой молчали, переглядываясь: «больной, контузия». Возможно, были среди них и солидарные с ним, но они тоже помалкивали. Испуганно молчал, глядя на него за стойкой раздачи, и поваренок в белом халате.

И вот этот самый Канбей сейчас уперся как баран: да, нарды есть, но он их ему не даст. «Да я тебе принесу их через два часа», – кипятился Арсен. «Ага, я дал тут одним – так неделю потом не мог вернуть», – тусклым взглядом смотрел на него Канбей, который успел неплохо обжиться в своей комнате, даже телевизор плохонький где-то надыбал. Поначалу Арсен надеялся, что Канбей все же поймет и уступит, обрисовал как мог ситуацию, но душонка у того уже, похоже, окончательно прогнила: не дам, и все. С видом побитой собаки Арсен поднялся к себе на второй этаж.

В общем, вместо игры в нарды пришлось сразу приступать к обустройству ночлега Асиды. Арсен перетащил в ее комнату свой самодельный электрообогреватель – чудовищное на вид сооружение на подставках из двух кирпичей, состоящее из огромного толстого электрода, к концам которого были подсоединены электропровода со штепсельной вилкой.

Угощать ее было нечем абсолютно; правда, сразу мелькнула мысль о том, что утром, пока она не проснулась, надо будет обязательно сгонять на рынок и принести что-нибудь на завтрак. А покуда пришлось по старой привычке потчевать ее разными историями. Рассказал, как в один из первых дней войны он вместе со своим товарищем-журналистом, соседом по комнате, опоздал на ужин. (Кормить бесплатно в здешней столовке начали сразу же, и кормили на первых порах много приличней, чем сейчас, – благодаря довоенным запасам продуктов). Что было делать, куда кидаться? В тот вечер Арсен понял, что такое «муки голода»… И вспомнили они про яблоню, росшую за зданием турбазы, ближе к берегу моря. Яблоки на ней уже поспели, но в густой темноте, которая быстро опу-

стилась на землю, ничего не было видно. И тогда они прибегли к разделению труда: Арсен тряс ствол яблони, а его сосед по комнате, ориентируясь на звук упавших плодов, подбирал их с травы. В общем, голод утолили. И только спустя несколько месяцев товарищ признался, что, шаря руками по траве, в какой-то момент залез ими в свежую коровью лепешку. Но промолчал тогда – постеснялся или аппетит не хотел товарищу портить…

А потом Арсен как бы невзначай вспомнил про рассказ Алексея Гогуа «Дорога длиной в три дня и три ночи». (Асида, оказалось, его не читала, хотя вообще творчество Гогуа обожала). И начал пересказывать основную его сюжетную линию. Дело было в предгорном абхазском селе вскоре после Великой Отечественной войны. Выпускники сельской школы решили отметить вступление во взрослую жизнь походом в горы, всем классом. Но во время этого похода их застигла непогода: страшный ливень, град, ураган… И вот один из выпускников, ничем не выделявшийся из серой массы середняков, отбился во время ненастья от остальных с одноклассницей – умницей-красавицей, причем сестрой «большого человека». И точно все рассчитал: по селу прокатится слух, что он провел с ней ночь наедине в пастушеской сторожке, в глухом ущелье. Надо же будет позор снять с девушки, а путь один – выдать ее поскорее замуж за того, с кем она была в этой сторожке… Все в итоге так и вышло. Таковы уж суровые неписанные законы, пусть ничего там между ними не было и быть не могло. Пересказывая эту историю, Арсен как бы в шутку выруливал на «текущий момент» и на то, что, согласно «общественному мнению», они теперь, после ночлега в одном номере, должны будут сочетаться законным браком. Не поторопился ли он, не стоило ли отложить этот разговорец на утро: вдруг сейчас Асида обидится, взбрыкнет и пойдет искать другое место ночлега, хоть какое-нибудь? Но она только улыбалась этим разговорам и уже, похоже, засыпала…

А потом он, лежа в постели, долго прислушивался к тишине за стенкой и лихорадочно думал. Если до какого-то момента она и могла в силу своей наивности воспринимать его как «дядю Арсена», которому почему-то интересно болтать с маленькой девочкой, то после их выяснения отношений в прошлом июне… Или теперь она воспринимает его как некоего биоробота, которому достаточно переключить тумблер в своем организме, чтобы относиться теперь к ней исключительно как к младшей сестре?

А потом, наконец, придумал: сейчас он встает, выходит в прихожую, подходит к двери ее комнаты и толкает ее. Если она откроется, он войдет… Если она закрыла дверь на внутреннюю задвижку, он так же тихо, крадучись, возвращается назад.

Дверь оказалась закрыта. Он вернулся на свою постель и вскоре провалился в беспокойные сны…

Тем не менее в десятом часу утра на прикроватной тумбочке у постели Асиды в вазе стоял букет роз, яблоки и груши на тарелке, литровая баночка кислого молока, свежий хлеб.

– Ну, вот, – сказал он, когда она, приятно удивленная, даже просиявшая, приступила к завтраку, – теперь ты обязана выйти за меня замуж… Точнее – я обязан на тебе жениться. Мы же провели ночь в одном номере.

– Разве? А где свидетели? – улыбнулась она. – Я скажу, что только сейчас, утром, зашла.

И снова она ему отказала. Болван, болван, в который раз болван… Очень ласково отказала. Но одновременно и унизительно: как, мол, об этом сейчас можно говорить, когда гибнут наши ребята и т. д., и т. п., в общем, как бы прочитав ему мораль. Тем более, мол, что они все уже выяснили в прошлом году, перед войной.

...После обеда Арсен стоял у окна в своем номере на турбазе и смотрел, как отвесная стена дождя делает белесыми здания большого жилого дома напротив, гнущиеся под ветром верхушки молоденьких кипарисов. И вспоми-

нал, как двое суток назад, ночью, со двора турбазы, натужно урча, уходили автобусы с ребятами – в бой... Да, главное сейчас – победа. Победа, победа, победа… Самое главное для тысяч и тысяч окружающих людей, для тысяч и тысяч наших потомков. А остальное… Все перемелется.

***Август 2001.***

Во времена послевоенного выживания Персик встречалась ему в Сухуме в самых разных ипостасях. То вдруг он видел ее на проспекте Мира с детской коляской – но нет, это был не ее ребенок, она пока замуж не вышла. Просто подрабатывала няней, или бонной, как Асида обычно с улыбкой уточняла: ей понравилось это откуда-то выкопанное слово. Ребенок был первенцем их общей знакомой, преподавательницы АГУ. А еще Асида сразу после окончания университета стала работать воспитательницей младших классов в лицее-интернате. Но там были не деньги, а слезы, и однажды Арсен увидел ее в так называемой «будке» неподалеку от вокзала. Асида продавала там разные напитки, сладости, сигареты – в общем, все как обычно. Впрочем, и самому Арсену пришлось тогда пару лет подрабатывать охранником в магазине, чтобы сводить концы с концами. А на основной работе, как он с усмешкой рассказывал знакомым, им тогда «платили овощами»: так и говорили, мол, – хрен вам!

Мелькнула мысль: ну вот, теперь он может в любое время работы Асиды в «будке» прийти туда и сколько угодно разговаривать с ней. Место, кстати, было не слишком бойкое, покупатели у киоска не толклись, а внутри был и стульчик, на который можно присесть… Но тут же ответил себе: а смысл? Ведь уже два раза Асида вполне внятно объясняла ему, что он не герой ее романа. Что еще? Снова грузить ее на эту тему? В расчете на то, что и ее годики тикают и что она оценит-таки его «верность»? Ну да, он же всегда отвечал на ее дежурный вопрос при встречах в последние годы: «Нет, не женился. А ты разве не знаешь,

что я однолюб?». Такой вот «тонкий намек» и как бы напоминание, что он все еще надеется и ждет. Она же на аналогичный его вопрос отвечала, что пока не встретила того… ну и так далее. Нет, не будет он ее снова грузить, не будет понапрасну тратить ее и свое время. В конце концов, есть черта, за которой эта самая «верность» превращается в занудство и неадекватность, не больше того.

А потом Персик перешла работать в кафе «Олеандр», владелицей которого была ее крестная мама. Кафе маленькое, на пять столиков, но зато уютное. Персик была там на штате официантки и бармена в одном лице. Арсен наткнулся на нее, зайдя как-то в это кафе с другом, а спустя пару недель решил обратиться к ней с просьбой. Дело в том, что под занавес курортного сезона к нему приехали две знакомые из России, для которых он решил снять квартиру у моря. А семья Асиды, знал он, перебралась из своей довоенной квартиры в дом неподалеку, опустевший после смерти их родственника, и сдавала квартиру в наем. Он зашел в кафе, чтобы обговорить с Асидой все детали, и застал ее в состоянии большого эмоционального подъема и возбуждения.

Когда она поведала ему, что выходит через два месяца замуж, и начала рассказывать, за кого (русский парень, ее ровесник, тоже 27 лет, сын ныне покойного врача, был женат, в разводе), Арсену вспомнились строчки Маяковского, которые он в студенческие годы любил декламировать в кругу сокурсников: «Вошла ты резкая, как «нате», муча перчатки замш. Сказала: «Знаете, я выхожу замуж». Что ж, выходите. Видите, спокоен как – как пульс покойника». Ну, он-то, Арсен, сегодняшнюю весть воспринял на самом деле равнодушно. Почти равнодушно. О чем тут сожалеть, если Асида все равно не его и его не будет? А те довоенные и военные воспоминания, связанные с ней, он уже давно «заколотил досками».

Ее избранник, кстати, вскоре появился в кафе. Он, как понял Арсен, занимался бизнесом и поставлял продукты

в подобные заведения общепита. Темнорусый паренек среднего роста, крепко сбитый и ладно скроенный, занес в подсобку два ящика – кажется, лимонада и минералки. Сияющая Асида подвела его к сидевшему за столиком Арсену и познакомила их. «Юрок», – сунул ему узкую ладошку ее избранник. Так и сказал, что показалось Арсену довольно смешным: ну, понятно – так кличут его друзья-товарищи, и уменьшительная эта форма имени уже, видно, накрепко приклеилась к нему, но сам-то должен был бы сообразить представляться как-то иначе: «Юрий», «Юра»…

«Ну, Юрок так Юрок», – подумал Арсен, гораздо больше занятый в тот момент проблемой устройства своих знакомых на квартиру поближе к морю. Правда, его несколько удивила реакция этого самого Юрка, когда Персик, чуть не подпрыгивая от счастья, сообщила Арсену, что вот, мол, скоро, в ноябре, у них намечена свадьба. Юрку это почему-то не понравилось, он поморщился, как от зубной боли, в смысле «зачем заранее распространяться?»… Он еще некоторое время что-то ворчал, когда Асиду позвали по работе и она отлучилась. Как странно: не хочет ли Юрок показать, что он СНИСХОДИТ к ней? Вот это самое никто и ничто, которому с неба вдруг свалилось такое счастье, такая чудная девушка, еще и выпендривается?

***Февраль 2004.***

– Ой, здравствуйте!

Какая знакомая восторженно-смущенная интонация, какое знакомое «ой»! И какой знакомый сияющий блеск ее крупных ровных красивых зубов, которым не нужны никакие отбеливатели! Накрашенные яркие губы растянуты в улыбке.

Они встретились на троллейбусной остановке по дороге на Маяк у Сухумского центрального рынка. Асида стояла перед ним в бордовом пуховике, в руках – по увесисто-

му полиэтиленовому пакету, по-видимому, с продуктами. Потянула его в сторонку, где было не так людно и шумно. Взаимные вопросы о житье-бытье. Естественно, в центре внимания была Иришка – полуторагодовалая дочка Асиды… А потом вдруг она начала сбивчиво спрашивать, не мог бы он помочь ей поместить в газете, которую издает друг Арсена, брачное объявление. Какое-какое объявление? Чье объявление? Да ее, ее, Асиды… Но она не хочет появляться в редакции – сами, мол, понимаете, поэтому и просит Арсена ей помочь. А в газете той она видела раньше пару раз такие объявления…

В одной из клетушек-кафешек на первом этаже крытого рынка продолжили разговор за чашкой кофе. Перед Арсеном предстала нежданная-негаданная картина нескольких предыдущих лет ее жизни. Юрок оказался (какое, однако, предсказуемое слово, так часто следующее за словами «после свадьбы», – «оказался» или «оказалась») разгильдяем, совершенно не готовым к семейной жизни. Впрочем, ни эвфемизма «разгильдяем», ни более точных и сочных характеристик Юрка Асида не произносила, она просто описывала события своей семейной жизни, и выглядело все это так...

Чего стоил хотя бы тот факт, что когда она рожала, он обретался где-то на Руси. Поехал типа на заработки, когда она была «уже на вот-воте» – и пропал, ни слуху, ни духу о нем не было. Так и осталось впечатление об Асиде в роддоме как о «брошенке»: ходили к ней только папа с мамой да брат. «Нарисовался» Юрок, когда Иришке было уже четыре месяца.

Потом повезло: молодая семья поселилась в хорошем двухэтажном доме на Маяке. В этот дом ее выехавшие владельцы, русские, попросили своих знакомых, родственников Юрка, поселить на время «порядочных людей», да еще и с условием приплачивать им за охрану, чтоб расплодившиеся вокруг мародеры не растащили из него мебель, утварь и так далее. Существовали, в основном, на

эти деньги, а также на те, которыми помогали родители Асиды. (Ранее большая часть денег, вырученных ими с продажи двухкомнатной квартиры, где выросла Асида, пошла на ее свадьбу). Юрок же денег домой не приносил, при этом дома почти не появлялся, пропадал где-то с утра до ночи, частенько и ночевать не приходил. Асида терпела как могла; но потом начались и вовсе ужасные вещи: в дом стали наведываться какие-то люди в поисках Юрка, который задолжал им денег. Причем то одни, то другие. Были среди них и довольно вежливые дяденьки, и «быки»-мордовороты, и приблатненные пацаны, говорившие почти исключительно матом. И угрозы часто звучали нешуточные. Порой Асиде становилось реально страшно – за себя, за дочку. А еще Юрок по-тихому взломал двери запертых комнат в доме, где хранились разные хозяйские вещи, пригодные для продажи, и стал их выносить и продавать. («Да, пустили козла огород охранять», – подумал Арсен). Он стремительно превращался в беспробудного алкаша, которому перестало быть интересным все, кроме пьянок с друзьями. Точнее, с дружками. А еще точнее – с собутыльниками. В общем, Асиде с Иришкой надо спасаться и как-то устраивать свою жизнь. А Юрок – это для нее, конечно, уже вчерашний день, вернее – вчерашняя беспросветная ночь, кошмарный сон… «А ведь как ликовала, прыгала от счастья три с лишним года назад, – не без «жестокой радости» думал Арсен. – В людях-то, оказывается, совсем не разбираешься, девочка! Ну, не верю я в оборотней: был, мол, беленький, а потом вдруг стал черненький, переродился. Глаза просто надо было пошире раскрывать и мозги включать». Вслух же сказал:

– Погоди-погоди, Асида… Вы ведь не разведены, так? А в объявлении какой ты телефон собираешься дать?

– Ой, а телефона у нас там нет. Сотового у меня тоже нет.

– Ну, и как тогда? Домашний адрес будешь писать? Вот она я, приезжайте-забирайте… Да, представляю картину

маслом: к тебе на Маяк приезжает потенциальный жених, а твой Юрок оказывается дома. Ну, вдруг… И как будешь выпутываться?

Асида пунцовела, уткнувшись в кофейную чашку.

– Нет, ну, конечно, можно дать контактный телефон, подруги верной какой-нибудь. Но это тоже не гарантия от скандала. Да и есть ли такая подруга? – продолжал Арсен разыгрывать роль верного друга, озабоченного тем, как бы «пристроить» молодую женщину с ребенком. (В ходе их разговора вырисовался текст объявления, где в качестве искомого объекта фигурировал интеллигентный вдовец в возрасте «в пределах разумного», можно с детьми; потом по предложению Арсена слово «вдовец», слишком сужающее зону поиска, было заменено на «мужчина»). В сердце же стучало слово: «Неужели?».

Они договорились, что завтра Асида приедет к нему на работу и привезет окончательный текст объявления, а он к тому времени созвонится со своим другом-газетчиком.

Арсен ехал домой с бурей… нет, с цунами в сердце. Вот это да… Ничего себе… Какой же непредсказуемой может быть жизнь! И ясно, тут и сомневаться нечего, что вся эта бодяга с брачным объявлением – неловкий, нелепый способ сообщить ему, что она согласна на его предложение одиннадцатилетней давности. Впрочем, не исключено, что от отчаяния в ее бедной головушке и мелькнула мысль об объявлении, которое в условиях Абхазии есть полная глупость, ибо наверняка никто всерьез у нас на него откликаться не будет, только совсем убогие и неадекватные… И если б она и впрямь думала про объявление, а не про Арсена, то какого черта обратилась за этим к нему? Она же сама говорила, и вполне разумно, что не хочет посвящать в свое намерение никакую подругу. А зачем его было посвящать? Итак, она теперь, по-видимому, согласна. А согласен ли теперь он?

На следующий день они встретились у него на работе. Как когда-то. Конечно, это было уже не старое здание Аб-

НИИ на набережной, сожженное во время войны, и даже не то, в котором разместили после войны этот институт, переименованный по российскому образцу в АбИГИ (Абхазский институт гуманитарных исследований). Арсен, кстати, продолжал состоять в его штате, но обычно сидел на другой своей работе, в Министерстве образования.

После того, как он прочел переписанный набело текст ее объявления, тянуть было уже нечего, иначе получалась бы с его стороны какая-то бессмысленная «двойная игра». И Арсен произнес, искоса поглядывая на Асиду, сидевшую за приставным столиком с видом робкой студентки, пришедшей на экзамен:

– Персик, а что, если мы сократим путь к намеченной тобой встрече? Ну, поместишь ты это свое объявление в газете, ну, позвонит на мой телефон, как мы договорились, несколько человек. Большинство, поверь мне, развлечения ради. И еще не факт, что хоть один из тех, кто позвонит всерьез, будет соответствовать твоим критериям… И вот я буду, скрепя сердце, передавать информацию о них тебе, то есть выступать в роли сводника. А тебе не кажется, что по отношению ко мне это уже садизм какой-то, а? И скажи, пожалуйста, ну а я не соответствую разве описанным тобой критериям? Или ты снова надеешься, что откликнется и прискачет принц на белом коне?

Не сказать, что эту тираду Арсен произнес ничуть не сомневаясь в правильности того, что он делает. Накануне он упорно думал над ситуацией. Или, скажем так, занимался взвешиванием всех «за» и «против». Конечно, в соответствии с «общественными представлениями» о том, кто кому ровня, такому, как он, старому холостяку среднего возраста, 45 лет, приличествовало найти себе пару среди девиц на выданье, «кому за тридцать», а в наших краях никогда в таких не было недостатка. Разведенка с ребенком, даже если она куда моложе, – это как бы поражение в глазах окружающих. Аналогично рассуждают многие и на «женской половине». Порой, на взгляд Арсена, это дохо-

дит до абсурда. Например, одна дама далеко за сорок, «не без должности», но с очевидностью не блиставшая красотой и в молодые годы, разоткровенничалась как-то с ним: мол, за разведенного или вдовца она в жизнь не пойдет. «Ишь ты, право первой ночи ей подавай», – усмехнулся в душе Арсен. Но вспоминался ему и такой прецедент. Один из самых в свое время завидных в Абхазии женихов, высокий статный красавец, сын именитого родителя и сам «не без должности», вдруг, когда ему было около тридцати пяти, взял и женился на вдове своего умершего за год до этого товарища. Общественное мнение это, конечно, не одобрило. Ведь, выходит, он немало лет смотрел на нее не как на жену друга, а прелюбодействовал с ней в сердце своем, иначе не бывает. Но ведь и остракизму его никто подвергать не стал, все закончилось на уровне шепотков. Арсен никогда не видел ту молодую женщину, а тем более не общался с ней, поэтому ему трудно было судить, что же в ней было такого, что подвигло одного из самых завидных абхазских женихов на столь нетривиальный шаг. Может быть, она была его юношеской любовью? Что ж, это многое объяснило бы. И наверняка сыграло роль то обстоятельство, что он был видный, завидный и т.д. – таким гораздо легче пренебречь общепринятыми представлениями.

Так и Персик для Арсена была… Ну, не юношеская, конечно, но старая любовь. Вот, вот, это же было бы ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕЧТЫ. А оно дорогого стоит…

Несколько секунд Асида делала вид, что не понимает его, а потом запунцовела, опустив голову:

– Вы шутите? Зачем это вам? Вон сколько вокруг незамужних привлекательных девушек…

– Затем, Асида, что я тебя люблю вот уже десять… нет, одиннадцать лет, и ты это прекрасно знаешь.

В общем, уходила она – и он не мог этого не видеть – счастливая и одухотворенная.

На следующий день они встретились в одном из кафе-

шек в центре Сухума, и это было их первое за многие годы знакомства СВИДАНИЕ.

На стене полуподвального зальчика Элвис Пресли с яркого плаката во всем своем великолепии посылал им флюиды элегического настроения. Кофе, пирожные и бутылка шампанского… А разговор их состоял как бы из двух струй, то и дело переплетавшихся: из обсуждения совместных планов (о, как давно Арсен мечтал заняться с Персиком мечтами) и рассуждениями о Юрке. Ко второй теме он обращался не с меньшим удовольствием, ибо каждое такое обращение позволяло ему вновь ощутить свое подавляющее превосходство над ним.

Как же так вышло, что она не разглядела в этом «хлопчике» (Арсену понравилось называть его этим словом – и неоскорбительно, и подчеркивая мимоходом его чужеродность им с Асидой) банальнейшего, примитивнейшего забулдыгу? Где же глазоньки ее, как говорится, были?

А у Асиды уже была выстроена система по-своему убедительных объяснений. Да, факт, что Юрок умел произвести впечатление, пустить пыль в глаза. Молодой, крепенький, как боровичок. Наверняка, сыграло роль и то, что для Персика как для невесты подступал уже критический возраст. …Как-то Асида вошла в зал кафе из подсобки и увидела, что Юрок сидит за пианино, на котором сто лет никто не играл. И услышала чарующие звуки своей любимой мелодии из кинофильма «Однажды в Америке». «Ух ты! – воскликнула Асида. – А еще что-нибудь можете?». «Легко», – пожал плечами Юрок. Он ведь был профессиональным музыкантом, окончил Сухумское музучилище, играл в «группе музыкального сопровождения» на свадьбах.

Вот так у них и закрутилось-завертелось. Немаловажную роль сыграла крестная мать Асиды, владелица «Олеандра», которая загорелась желанием их поженить. Так все и сошлось: и Асиде уже пора было, и ее любимая мелодия прозвучала, и парень оказался, что называется,

из приличной семьи: мать – учительница, покойный отец был известным в городе врачом. Но брат Асиды с другом поехали, тем не менее, на поворот на Новый район, где в одной из высоток жил Юрок, и поинтересовались им у его соседей по дому – родственников друга. Ну, а те что? Как обычно в таких случаях: «Парень как парень, всегда здоровается». Ага, вот это «приветливый, всегда здоровается» – такая блестящая характеристика! В телепередачах про убийц, насильников их соседи тоже нередко так говорят. Наверняка, если кто из соседей и замечал дружбу Юрка с «зеленым змием», то, скорее всего, рассудил про себя так: «А зачем мне это надо – лезть в чужие дела? Чтобы потом еще Юрок с претензиями пришел. Сами разберутся». «Проверяльщики! – мысленно покачал головой Арсен. – Да никто тебе толком ничего не скажет, кроме собственных глаз и ушей».

Усмешку в нем вызвало и банальное, дальше некуда, рассуждение Асиды, что вот эти самые свадьбы, на которых играл Юрок, и превратили его стремительно в хронического алкоголика: один в разгар веселья позовет, стаканчик поднесет, чтоб пожелал счастья молодым, другой, третий… «Ну, никто же ему воронку в рот не вставлял и насильно туда вино с водкой не заливал, – резонно заметил Арсен. – Можно подумать, что все музыканты, которые на свадьбах играют, поголовно спиваются». «Нет, конечно», – со вздохом согласилась Асида.

Да, вот так: можно любить за то, что на руках носит, а можно – за то, что домой все же приползает…

Теперь первым делом ей надо было развестись с Юрком. Но за этим дело не станет, уверяла она, потому что в загсе работает хорошая мамина знакомая. Ну, а потом… Потом они уносились в сказочные дали: свадьба; поездка к ее родственникам в Киев и к его – в Москву…

Но уже через несколько дней огонек в душе Арсена стал угасать. И не в связи с некими «вновь открывшимися обстоятельствами», а потому, что сомнения, которые и

раньше его посещали, разрослись до размеров гигантских туч. И главное из этих сомнений было вот какое: как ни крути, а то, что Асида клюнула на эту очевиднейшую дешевку Юрка, – это свидетельство полного отсутствия в ней способности разбираться в людях, того природного ума, недостаток которого будет неизбежно ощущаться и в дальнейшем, всю ее жизнь. То есть и впредь, скорее всего, один неразумный ее поступок будет следовать за другим. Смущало, безусловно, и наличие Иришки, существа, неразрывно, на генном уровне связанного с этим ничтожеством, животным, дегенератом, ее отцом (в душе Арсен, естественно, не стеснялся в выражениях). То есть детский сад, первый, второй и последующие классы, выпускной вечер – на всех этих этапах своей жизни будет рядом с ним присутствовать это невинное (пока что) создание, а он должен будет пытаться изображать все эти годы отеческую заботу о ней, даже любовь. И, наконец, неизбежны присутствие где-то рядом самого этого дегенерата, его мерзкое, смрадное, полное перегара дыхание в спину. Юрок ведь здесь, никуда не исчез, блуждает поодаль.

Даже больше: вскоре после того, как в жизни Арсена вновь появилась Асида, он тоже вынырнул рядышком. И это, скорее всего, не было совпадением. Один раз Арсену пришлось угостить его пивом в пивнушке возле своего дома – столкнулись нос к носу и некуда было деваться. Они о чем-то побалакали, но Арсен вел себя так, будто ничего со времени их последней давнишней встречи не произошло, что он понятия ни о чем не имеет. Не хватало только того, чтобы сейчас между ним и этим существом началась борьба за Асиду. (Ничего себе «любовный треугольник»!). Борьба, которая, скорее всего, свелась бы в итоге к торговле: на какие отступные Юрок будет согласен. Ведь таких существ в итоге интересует только это. Но данная тема так и не возникла. Зато Юрок увязался за ним, как собачонка, когда он пошел домой, поднялся к нему на третий этаж – под предлогом того, что ему надо

в туалет. Мелькнула даже мысль: не на предмет ли того, чтобы глянуть, что у Арсена дома плохо лежит?

Да, докатился он и до такого занятия. В музучилище заподозрили, что Юрок «скоммуниздил» там три дорогостоящих музыкальных инструмента. Кстати, по этому поводу Арсен с Асидой однажды все же заспорили. Асида – явно со слов Юрка – начала горячо говорить, что того оболгали. «Лично я ничего тут утверждать не берусь, но и защищать его, прости, не стал бы: если он выносил из вашего маяцкого дома мебель, то почему саксофон и электрогитару из училища не мог?». Промолчала.

После того, как их попросили, а точнее с позором изгнали из маяцкого дома, Асида с дочкой вернулись домой, к матери, а Юрок – к своей матери. Они не общались, но в одну из встреч с Арсеном Асида рассказала, что произошло на днях. Мать Юрка, отмечая юбилей, пригласила 15-20 гостей, в том числе и ее с Иришкой. И вот когда гости разъехались, ее уговорили остаться. И по старой памяти мать Юрка постелила им вместе, в его комнате, а внучку положила с собой. И Асида уступила, тем более, что официально их еще не успели развести. В постели тоже уступила… А Юрок, как всегда, был в плане секса на высоте. Она, немного смущаясь, даже подняла большой палец руки.

Арсен ошарашенно промолчал, хотя кровь резко прилила к его щекам...

### *Май 2013.*

Многие годы они с Персиком встречались крайне редко. В основном, у остановки общественного транспорта на пересечении проспекта Мира и улицы Абазинской.

Однажды во время одной из таких случайных встреч Асида поздравила его с женитьбой. Через пару лет – с рождением сына. Довольно, впрочем, официально, общеупотребимыми фразами – чувствовалась между ними определенная отстраненность. Да и странно было бы,

если б за эти годы она не «почужела» и он для нее не «почужел». Но в Арсене жило намерение как-нибудь сесть с ней в укромном уголке за чашкой кофе и поболтать как старые добрые много лет не видевшиеся знакомые. Однако, очень уж не хотелось нарываться на отказ, который был вполне вероятен, – уже хотя бы потому, что Асида просто могла куда-то спешить по делам. Ведь и у него частенько не бывало времени рассиживаться за кофе со случайно встреченными знакомыми.

Тем не менее, однажды представилась возможность пообщаться, которой он просто не мог не воспользоваться. Судьба свела их на одном мероприятии, к которому прилагался фуршет. Это была презентация некоей книги воспоминаний об одном покойном педагоге, директоре школы. Асида к тому времени была известным в Сухуме ресторатором. Брючный костюм кремового цвета был ей очень к лицу. Чуть располнела – ну, так дело уже к сорока шло... Арсена приятно удивило ее выступление во время торжественной части. Без пафоса, но проникновенно, хорошо поставленным голосом рассказала о паре-тройке эпизодов из жизни героя книги, у которого и ей некогда довелось учиться.

Зять педагога, бизнесмен, не ударил в грязь лицом – на фуршете два длинных стола были заставлены бутылками с разнообразными спиртными напитками и закусками. Арсен не замедлил подрулить к Персику, держа в одной руке бокал с мартини, а в другой – тарелку с «избранными» бутербродами. Начал, естественно, с комплиментов по поводу сегодняшнего ее выступления, а затем перешел на разговор о житье-бытье. И одно из первых, что выяснилось в его ходе, – это то, что «отца Иришки», как давно уже именовала Юрка Асида, вот уже больше года нет в живых.

Последней до того информацией Арсена о нем был сюжет в популярной передаче Абхазского телевидения «Криминальная хроника» лет пять назад. В нем Юрок красо-

вался и в профиль, и анфас, а голос ведущей за кадром сообщал, что такой-то такой-то, такого-то года рождения, был задержан при попытке совершения кражи из предприятия сотовой связи «в ночное время суток». «Опа! – подумал Арсен. – Это уже называется: «Все, приехали!». Он не стал тогда звонить Асиде, да и при встречах не заговаривал об этом сюжете, потому что не хотел выглядеть злорадным. Но сейчас, коль уж зашла речь о Юрке, спросил, видела ли она те кадры. Да, видела. После этого Юрок был осужден на три года, выпущен по УДО из Дранды меньше, чем через два года, а еще через пару лет скончался от цирроза печени. Так что тот «треугольник», о котором думал некогда Арсен, при любом раскладе просуществовал бы недолго.

«Ладно, давай не будем о грустном», – предложил Арсен. Ее дочке было уже десять, сыну Арсена пять, а дочке – два. И тут же нашлась куча тем для обмена опытом по воспитанию маленьких детей. Ну а потом пошли воспоминания о том, что и как было в их отношениях начиная еще с довоенного времени. «А я и не знал, что она сладкоежка», – подумал Арсен, глядя, как Асида, не обращая внимания на бутерброды с икрой и буженины, налегала на пирожные и торт.

Ну, а итогом этой их незапланированной встречи стало решение встретиться, чтобы почитать вместе то, что они писали друг о друге на протяжении всех этих двадцати с лишним лет в своих дневниках. Эту прикольную идею выдвинул, конечно, Арсен, но и Асида, после секундной заминки, поддержала его с энтузиазмом.

Встретились через день. Хотелось посидеть в каком-то памятном обоим месте, но полуподвальчик с Элвисом Пресли на стене давно закрылся, «Олеандр» отпадал, поскольку там пришлось бы – с неотвратимостью смерти – общаться с крестной мамой Асиды… В общем, остановились на кафе «Сказка», где тоже когда-то разок сидели.

«Обмен верительными грамотами», – пошутил Арсен, когда они вытащили – он из портфеля, а она из дамской сумочки – свои дневники. У него это были даже три тетради, поскольку одной хватало только на несколько лет. Причем долгое время, начиная с двадцати двух своих лет, Арсен вел параллельно два вида записей: в одной половине общей тетрадки он коротко, не больше, чем в одной строке, пользуясь почти одними подлежащими, фиксировал события каждого дня, а в другой писал уже развернуто, «с рассуждениями», о пережитом за месяц, два или больше. В последние годы, когда давно иссяк юношеский запал, промежутки между такими записями стали растягиваться до полугода, а ежедневник он бросил вести уже вскоре после войны. Асида же призналась, что вообще вела дневник время от времени. В общей сложности, наверное, лет пять-шесть.

Арсен, впрочем, предложил все же обойтись без взаимного душевного стриптиза и не «обмениваться» дневниками – мало ли что там еще написано, а зачитать самим, честно и откровенно, без купюр, только те записи, которые касались их отношений. Но «громкую читку», как выразилась Асида, все не начинали, тянули с ней, продолжая игру в «вопросы – ответы». И в какой-то момент прозвучал ее вопрос: «А вы счастливы?». Что-то подобное Арсен ожидал услышать и был к этому готов.

– Видишь ли, Асидочка… То есть ты, я понимаю, хотела спросить, счастлив ли я в семейной жизни? Ну, или более приземленно говоря: доволен ли я ей? Я тебе так скажу. Помнишь, как Козьма Прутков сформулировал: «Если хочешь быть счастливым, будь им»? Вот здесь ситуация, когда это в самую точку. Очень давно я прочел мудрое изречение. Такой был совет молодым супругам: напишите каждый слева на листке бумаги все достоинства, которые видите в своем супруге, а справа – его недостатки, а потом оторвите правую сторону, разорвите на мелкие кусочки или сожгите и постарайтесь забыть все там написанное.

Вот и я постарался воспитать в себе такую установку, что если уж я с кем-то создал семью, по своей воле создал, по осознанному своему выбору, то должен этого человека любить. Бывает всякое, но я каждый раз себе говорю: погоди, дружок, идеальных людей нет; ну, а если б рядом с тобой была сейчас другая, может, все было бы гораздо хуже?.. Да, чересчур вспыльчива, эмоциональна, но если б на ее месте была какая-нибудь холодная, бессловесная «рыба» – было б лучше? А может, будь у нее меньше недостатков и больше достоинств, это повлекло бы какие-то другие и более серьезные проблемы, которых я сейчас, слава Богу, лишен. Понимаешь меня? Ну, к примеру, чем выше грудь, тоньше талия и длиннее ноги, тем лучше, так ведь считается? Но как подумаешь, сколько пристальных мужских взглядов сопровождало бы женщину модельной внешности… Ведь никуда не деться от этого, правда? И соответственно от постоянной собственной нервозности… Так зачем она мне сдалась бы, эта ее модельная внешность? Даром не хочу… Ладно, а что с тобой, так и решила одна оставаться?

– Ну что я… У меня дочка… Есть о ком думать, за кого переживать.

В конце концов, Арсен начал читать отрывки из своего дневника. Но тут была одна закавыка. Естественно, он выбрал для «громкой читки» две реальные записи, сделанные перед войной, в 92-м, а вот что касается встреч с Асидой во время войны, то ни одна из них, что называется, не удостоилась чести быть отраженной в его дневнике. В ежедневных записях что-то было, но такое конспективное, понятное только ему самому, что читать это вслух не представляло никакого смысла. Словом, утром, отыскав в той, сиреневого цвета, тетрадке военного времени свободное место на одной из страниц, он вписал туда запись, сделанную якобы в марте 1993 года. А в «Сказке» зачитал ее:

«Почему так трудно бывает уяснить очевидное? Ну, если я, не спортсмен и даже не физкультурник, решил

вдруг взять высоту в два метра и, естественно, сбил планку, то с какой стати надеяться, что это получится со второй, третьей попытки? Разве что рассчитывать, как тот Александр из рассказа Гогуа, добиться своего с помощью подлой подставы? И испытывать потом всю жизнь муки совести? Вчера ночью «мечта моя заветная» по имени Персик спала в моем номере… Ну, и что? Спала у «дяди Арсена», потому что вокруг война. Да и вообще, надо побыстрее выкинуть все это из головы и жить дальше. Все для фронта, все для победы!».

В принципе, это, конечно, были реальные его мысли того времени, восстановленные по памяти. Но вот реальную запись из дневника, датированную февралем 2004-го, он решил не зачитывать, потому что многое в ней прозвучало бы обидно для собеседницы. И снова отыскал в тетрадке свободное место (благо, в руки Асиды он дневник давать не собирался), сделал новый ее вариант, а сейчас прочел:

– «А счастье было так близко, так возможно! Но вчера ко мне домой заявился Юрок (может, и для этого он разведывал не так давно путь в мою квартиру) и, что называется, упал на колени. Он, оказывается, ездил сейчас в Краснодар и там «зашился»: отныне не может и не будет пить ни капли спиртного. Умолял меня не рушить его семью – Асида все ему, конечно, рассказала. Он, мол, безумно любит дочь и не сможет без нее прожить. И Асиду он любит, хотя и причинил ей много горя. («Но это был не я, а бес, который в меня вселился»). Только что у них состоялся разговор и он убедил Асиду отказаться от развода… И она, мол, просила передать Арсену, чтоб он ей больше не звонил. Значит, такова судьба».

И Персик, похоже, вновь ни в чем не усомнилась, хотя до этого Арсен ни разу не упомянул об этом вымышленном разговоре с Юрком. Вот так еще матушка-императрица Екатерина Великая, говорят, начала переписывать российскую историю, уничтожая подлинные документы и

заменяя их сфальсифицированными. А еще приходилось слышать про обвинения в адрес некоторых абхазских авторов, что они издавали дневники военного времени, в которых были, мол, записи, сделанные задним числом – и в них они такие патриоты-распатриоты. Разговор, кстати, гнилой, потому что тут нельзя, как правило, ничего ни доказать, ни опровергнуть. Впрочем, в данном случае подлог Арсена никакого мало-мальского практического значения не имел: просто вылетело при их позавчерашней встрече слово про дневники, просто начал он смотреть, что там у него записано, и понял, что надо подкорректировать кое-что, ну а дальше фантазия разыгралась...

А потом начала читать свои записи Асида, и Арсен весь превратился во внимание.

– «Вторник 17 апреля 1990 года. Обожаю заходить в Абхазский институт. В этом двухэтажном здании на набережной особая атмосфера. Заходишь в какой-нибудь кабинет – и вдруг видишь на столе груду черепков, привезенных с раскопок. Кто-то пил из этого кувшина тысячелетия назад… А еще когда я захожу в кабинет №14… Вот и сегодня так чего-то разволновалась, прежде чем постучать! Надо быстрее заходить, а то он выйдет, и будет как-то неловко, что я тут стою – будто подслушиваю. «Добрый день, Арсен…». Боже, в первый раз обратилась к нему без отчества. Протянула холодную от волнения руку… Ты что, подруга, спятила, о косяк долбанулась? Ну, себе-то можно признаться…».

– Подожди, подожди, Асида… Можно уточнить? Это за какой год, ты говоришь, запись? За девяностый?

– Ну да, я как раз тогда школу заканчивала, на истфак собиралась поступать, и мама меня как-то к вам завела, познакомила. А потом я еще несколько раз сама заходила…

– Убей меня Бог, если я это запомнил. Я помню тебя только студенткой… А в девяностом… Ну, наверное, воспринял как ребенка, пропустил мимо сознания. Ну, дела… Так что означает эта твоя запись? Что ты…

– Ну да, была у меня тогда такая подростковая влюбленность...

– Ну, ты меня удивила сейчас… Ладно, все вопросы потом. Читай дальше.

– «Среда 1 июля 1992 года. А. осталось жить всего несколько месяцев или недель, он сам мне сказал, что обречен, у него лейкемия.

Но, может, это все-таки излечимо? Как я хочу, чтоб это чудо свершилось!

Придя домой, сразу схватилась за Популярную медицинскую энциклопедию. Какой кошмар! Потом в надежде, что за последние годы произошли какие-то открытия в медицине, начала звонить дяде Толе в Минздрав. Нет, никаких открытий не случилось. Что дальше – не знаю. Мне плохо».

«Вторник, 7 июля 1992 года. Я в растерянности, не знаю, что и подумать. А. сказал, что это был розыгрыш: он придумал свою болезнь и свою обреченность просто для того, чтобы «сделать шаг» ко мне. У меня просто кругом идет голова. Ах, если бы он произнес подобные слова признания в любви, допустим, год назад – каким счастьем были бы переполнены строчки об этом в моем дневнике! Я и сейчас неплохого мнения об А., даже несмотря на этот его нехороший розыгрыш, но уже давно всеми моими мыслями владеет Н. Встречи с которым в аудитории я жду каждое утро и считаю минуты до мгновения, когда его увижу. А он до сих пор ни о чем, кажется, не догадывается».

Не дожидаясь вопроса Арсена, Персик начала объяснять, кто такой Н. Это Наур, ее однокурсник, высокий красивый кудрявый мальчик, которым она грезила на первом курсе. Когда началась война, его семья выехала в Москву, там он до сих пор и живет, женат, растит детей. И наверняка и сейчас ни о чем не догадывается.

– А вот и последняя моя запись, где вы упоминаетесь, – заявила Асида и вновь раскрыла тетрадку. – «Четверг 27 фев-

раля 2004 года. Не устаю удивляться перепаду своих представлений об окружающих людях. А. не звонит уже неделю, и я будто снова проваливаюсь в бездну... Перебираю в памяти воспоминания о наших встречах за все годы и не могу понять: что со мной было, почему я отталкивала его всякий раз, когда он делал мне шаг навстречу? Человек, с которым мы были, как я теперь уверена, созданы друг для друга».

Пока Арсен слушал Асиду, его бросало то в жар, то в холод. Потом, после паузы, сказал:

– Да, сегодня для меня день открытий. И самое, пожалуй, большое из них… Хочешь верь, а хочешь нет, но именно эта фраза «мы ведь созданы друг для друга» вертелась у меня на языке. Если вспомнить все наши разговоры и то, как у нас всегда находились темы для них, несмотря на всю разницу в возрасте… общие интересы… Да у нас и бзики были одинаковые. Эта моя дурацкая выдумка с лейкемией и твое неуклюжее обращение ко мне, чтоб я помог напечатать то брачное объявление… Но знаешь, какое сравнение пришло мне как-то в голову? Мы с тобой похожи на два астероида… или две малые планеты, как их еще называют… которые вращаются вокруг солнца по своим орбитам и то вплотную сближаются, то отдаляются очень намного друг от друга. Но встретиться им не суждено.

…А когда он ехал домой, его вдруг осенило: а разве до этого Асида не упоминала, что до войны вообще никогда не вела дневников? Так может, то, что она читала, – такой же фальсификат, как и две его последние, написанные задним числом записи? Вот так номер, чтоб я помер… Действительно, если он на такое способен, то почему она не способна? Впрочем, все это из области, где уже ничего нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть…

Да, откровенно говоря, затеплилось было у него такое желание: спустя много-много лет исполнить свою многолетнюю мечту и соединить их с Персиком судьбы. Если вспомнить, как он млел всегда при виде ее… Именно этот

типаж был всегда для него идеалом: ее волосы, глаза, точеная фигурка…Но нет, конечно, жену и детей он никогда бы не оставил, только идиот может взять и порушить этот выстраданный им благословенный семейный уголок. Адюльтер? Ну, он-то, может, и не отказался бы… во имя былой любви, тем более, что «кожица персика» совершено, кажется, не пожухла, и в целом она была еще в самом соку. Но зачем это самому Персику? Не то воспитание. Не те представления о жизни. Как это просто и легко – чтобы успокоить себя, сказать: «значит, именно так было предначертано, суждено».

*2013*

## СЕКСОТ САЗОНОВ

Темным беззвездным вечером конца февраля 1993 года у здания Министерства обороны Абхазии в Гудауте остановился вишневый «Жигуленок». Оставив сидеть в машине своего коллегу Энвера Кутелия и водителя, сотрудник службы безопасности Республики Абхазия Аслан Цугба поднялся на второй этаж.

Уже предупрежденный телефонным звонком, сотрудник комиссариата Вооруженных сил республики Аркадий Джопуа вышел из-за стола навстречу. Окладистая светлая борода, из-за которой кое-кто из друзей прозвал его «белокурым барбудо», шла Аркадию и вместе с новенькими скрипучими ремнями камуфляжа придавала ему весьма мужественный вид, но покрасневшие веки говорили о переутомлении.

–Так что там стряслось?

– Ничего особого, Таевич. Надо проверить один сигнал... В общем, возможно, был факт продажи на сторону автомата... А твое присутствие как представителя Минобороны обязательно. Да чего там – сорок минут до передовой, сорок обратно, и все дела.

– А кто автомат толкнул, офицер? Как фамилия?

– Аркадий, ну не гони волну... Приедем на место, разберемся.

–Темнишь ты что-то... – недовольно покачал головой Джопуа, но стал натягивать бушлат.

Через несколько минут они уже мчались по пустынному шоссе. На фронте установилось временное затишье, установки «Град» не сотрясали в этот вечер окрестности, и только еле слышные автоматные очереди изредка доносились с гумистинского рубежа как напоминание о том, что в Абхазии – война. Джопуа еще несколько раз заводил разговор о целях поездки: «Ну, скажи, Аслан, в чем дело. Утечки не будет». Но Цугба был непреклонен: «Все – там, на месте». Разговор в машине перешел на другие темы. Не могли, конечно, не коснуться недавнего неудачного штурма Сухума (кто-то сказал, что не надо было пытаться наступать по снегу и в такую погоду, кто-то возразил: снегопад-то как раз и спас многих ребят, которых в упор расстреливала грузинская артиллерия). А потом и вовсе замолчали, думая каждый о своем.

Аслан Цугба глядел в темноту за окном и, машинально поглаживая свою аккуратную черную, с двумя кустиками проседи бороду (в отличие от многих абхазов, ставших «барбудос» – бородачами – в августе 92-го, он отпустил ее еще за несколько лет до войны), перебирал в голове детали предстоящей операции. Конечно, никакого проданного на сторону автомата здесь не было и в помине, эту историю он придумал для отвода глаз. На самом деле все обстояло куда как серьезней – задачей группы было обезоружить, арестовать и доставить в Гудауту агента грузинской разведки, воевавшего в абхазской армии. Причем человека, которого и он, и Аркадий Джопуа, и Энвер знают много лет...

«Ах, Сазонов, Сазонов, наконец-то я до тебя добрался, – думал Аслан, вспоминая лицо этого человека – скромного, незаметного, «хорошего товарища и прекрасного се-

мьянина», – говорил же я тебе, что придет этот час!.. Но главное теперь – это исключить случайности, сразу изолировать его от оружия, чтобы не натворил чего с перепугу».

Да, так уж вышло, что и Аслан Цугба, и Алмас Эмба много лет работали в одной и той же могущественной организации, которая называлась КГБ СССР. Только Аслан, бывший штатным сотрудником комитета, долгое время и не подозревал, что Алмас, которого он неплохо знал по городу, является его «коллегой». Официально эти люди, внедряемые госбезопасностью во все клетки и поры советского общества, назывались «осведомитель», «агент», ну а в народе – «стукач», «тихарик», «сексот» (секретный сотрудник). Последнее слово, впрочем, пришло из милицейского арго... Без таких, как известно, не обойтись ни одной спецслужбе мира, но Аслан видел, что даже в самом комитете многие относятся к ним с чувством некоторой брезгливости: как-никак доносить на своих сослуживцев, соседей, приятелей – работа с моральной точки зрения весьма малопривлекательная, тут надо обладать «специфическими» душевными качествами.

Аслан Цугба пришел в КГБ Абхазской АССР с комсомольской работы. Госбезопасность – это считалось престижно и солидно, а до начала всех публикаций и разговоров в обществе о зловещей истории данного ведомства было тогда минимум лет десять. И, конечно, он не подозревал о сложностях, с которыми ему придется столкнуться, когда в комитете, как и по всей Абхазии, начнется резкое размежевание между теми, для кого Абхазия – это Родина, и теми, для кого она – просто уголок Родины, «северо-западная Грузия». Впрочем, и тогда, десять, пятнадцать лет назад, эта проблема уже существовала. Аслан ни на минуту не переставал ощущать себя абхазом. Вот почему когда на оперативных совещаниях председатель комитета Григорий Комошвили говорил о новых сообщениях «агента Сазонова», в которых раскрывалась деятельность «абхазских националистов», ему не давала покоя мысль: кто это

такой? По всему выходило, что абхаз, причем достаточно близко знакомый с теми, кого предает. Знать его имя и фамилию Аслану, согласно служебным инструкциям, не полагалось, и все же, приложив определенную сумму усилий и использовав некоторые приемы оперативной работы, он смог в конце концов расшифровать стукача. И чем дольше наблюдал за Алмасом, встречаясь с ним в городе, – тем больше убеждался: да, это и есть «Сазонов».

По образованию Алмас был филологом, работал в одном из сухумских научных учреждений, занимался литературоведением и историей, довольно часто публиковался в местной печати. Ничем особым не выделялся: ни громким голосом, ни ораторскими способностями, ни блестящим литературным стилем. Но и из круга, что называется, не выпадал: всегда бывал там, где шумели радикально настроенные абхазские интеллигенты, неизменно поддерживал наиболее смелые суждения, был завсегдатаем знаменитой прибрежной кофейни напротив гостиницы «Рица», прозванной «У Акопа».

Как любой уважающий себя сухумец (а таковой не мог не быть самодеятельным политологом), считал долгом посещать кофейню «У Акопа» и Аслан Цугба. В конце восьмидесятых – начале девяностых годов эта кофейня стала в Сухуме настоящим якобинским клубом – причем как для абхазских компаний, так и для грузинских. Чем удобно было кофепитие стоя, так это тем, что за круглой стойкой под тентом могло собраться, если завязался интересный разговор, и десять, и пятнадцать человек; порой участники беседы стояли вокруг столика уже в два ряда... Кофе, бывало, давно выпит, и чашки забрали, а очередной оратор все витийствует. Да и не столько ради кофе сюда приходили, сколько для того, чтобы «других послушать и самому поговорить»: что в ближайшее время ждет Абхазию, кто возьмет в ней верх: «они» или «мы», как поведет себя Москва?.. Как-то в такой вот компании из человек семивосьми стоял за стойкой неподалеку от Аслана и Алмас.

Толковали о том, о сем, а потом кто-то из ребят возьми и скажи с улыбочкой Аслану, намекая на место его службы: «А у тебя нигде микрофон не спрятан?». «Нет, дорогие мои, у меня нигде микрофон не спрятан, а вот среди вас есть человек, который действительно сексотит, и все, о чем мы тут и в других местах говорим, и обо всех планах Народного форума регулярно Комошвили доносит. А вы стоите тут и язык за зубами не можете держать...». «Ну, так кто это, скажи», – начал подзадоривать его один из «кофепийц». «Придет время – скажу, – сумрачно ответил Аслан, – и не только скажу, а он получит все, что заслужил, на полную катушку». Алмас, надо отдать ему должное, ничем себя не выдал: как и все, заинтересованно-иронически переглядывался с друзьями, как бы раздумывая, насколько всерьез можно принимать слова Аслана.

А тот оказался в непростом положении: служебный долг требовал от него всяческой поддержки «Сазонова», а совесть, патриотические чувства – «сдачи» его с потрохами. Впрочем, прямых доказательств у Аслана все равно не было. И единственное, что он в этой ситуации старался делать, – это всячески, в основном намеками, остерегать абхазскую интеллигенцию от общения с Алмасом. Да еще никогда не подавал ему при встрече руку.

И вот грянула война. Через пару недель после ее начала Цугба узнал, что Алмас, едва ли не единственный из своего учреждения, взял в руки оружие (кажется, охотничью двустволку) и пошел в абхазское народное ополчение. Это могло означать одно из трех: или он решил кровью смыть свою вину перед Абхазией, или его предательство перешло, что называется, в высшую стадию и он работает на грузинскую военную разведку, или, наконец, может быть, Аслан в свое время все же ошибался, и «агентом Сазоновым» был кто-то другой.

Как бы то ни было, Цугба предложил: абхазская служба безопасности должна установить за Алмасом наблюдение. Начало войны стало моментом окончательного

распада бывшего комитета госбезопасности Абхазии. И надо сказать, что нигде, наверное, ни в какой другой госструктуре республики, этот распад – на «абхазскую» и «грузинскую» части – не был так сложен, запутан и мучителен, как здесь: учитывая и существование интернациональной агентурной сети, и многие тонкости работы.

Алмас в начале 93-го был уже заместителем командира батальона на Гумистинском фронте. Цугба поручил следить за ним сотруднику службы безопасности Зурику Ахуба, который постоянно находился на гумистинском рубеже. И вот Зурик доложил, что в конце января Алмас Эмба получил из Москвы телеграмму – она пришла к нему в родительский дом в Гудауте. В телеграмме сообщалось об издании в Москве какой-то его книги, кажется, литературоведческой, и о том, что ему надо туда приехать для уточнения некоторых вопросов. Алмас взял увольнительную и на несколько дней уехал в Москву. Вернувшись, отправился на передовую. А на днях снова засобирался куда-то за пределы Абхазии – даже не предъявив на этот раз никакого оправдательного документа вроде телеграммы. Вот тогда Аслан Цугба и решил, что настала пора брать «Сазонова» и брать как можно скорее, чтобы не ускользнул из рук.

...В блиндаже, где размещался штаб Гумистинского фронта, Аслан сообщил полковнику Сергею Дбару: прибывшая с ним группа должна доставить в Гудауту в Минобороны замкомбата Алмаса Эмба для выяснения одного вопроса. При этом желательно его предварительно разоружить. Краем глаза Цугба следил за реакцией Аркадия Джопуа. Реакция последовала незамедлительно. «Что, что? – вскинулся Аркадий, – Алмаса Эмба?». И после паузы протянул: «Не-ет, тут, видно, не автомат фигурирует...». Дбар в это время вызывал Эмба по телефону.

– Наши дальнейшие действия будут такими, – сказал Аслан. – Мы трое пока выйдем и подождем где-нибудь в укромном месте. А вы, Сергей Платонович, когда он во-

йдет, постарайтесь тихо-мирно забрать у него автомат. А тогда уже и мы появимся.

Все прошло, как и было задумано.

– Я не знаю, по какому поводу, – начал Дбар, когда в блиндаж вошел Эмба, – но тебя требуют в Минобороны. И машину за тобой прислали.

– А что случилось?

– Говорю же: не знаю. Сейчас придут ребята... Ты автомат свой давай вот сюда, пусть у меня полежит, пока съездишь... – И Дбар, забрав у него автомат, спрятал его за свой стол.

Войдя в блиндаж, Аслан заметил, как при виде его Алмас побледнел. Стоял остолбеневший, не в силах, видимо, произнести ни слова. Вышли на улицу.

– Значит, так, – сказал Цугба Алмасу. – Видишь часового? Не делай такой вид, как будто ты арестованный. Спокойненько садись в машину – и поехали. Зачем тебе лишние разговоры?

Цугба сел впереди, рядом с водителем, а на заднем сиденье разместились по бокам Энвер и Аркадий и в середине – Алмас.

– Что случилось, объясните, – прервал молчание Эмба, когда машина выехала на дорогу.

– Я же обещал, что мы встретимся, – обернулся Цугба. – Помнишь, в кофейне «У Акопа»? Вот и встретились.

Алмас пробормотал что-то несвязное, что можно было воспринять и так, будто он не понял, о чем речь, и надолго замолчал.

...В Министерстве обороны их уже ждали.

– Вот, – сказал Аслан, – это и есть тот самый, что доносил на абхазцев...

Собравшиеся в кабинете, среди которых был и Владислав Ардзинба, молча смотрели на Эмба, усаженного в низкое креслице.

– Ну, расскажи нам, как ты стал на путь предательства, – произнес Владислав Григорьевич.

– Почему… предательства? Кого я предал? – голос его пресекался от волнения.

– Ты хочешь сказать, что не сотрудничал с КГБ и не закладывал абхазцев? Я же видел все твои расписки за полученные деньги, – решил блефануть Аслан Цугба и не ошибся.

– Ну, я… действительно работал на комитет. Так и многие другие работали. Вы же знаете, была коммунистическая система... Мы все верили, что это патриотический долг... Я верил...

– И на кого же ты доносил? Расскажи.

– Я не помню, давно все было... Да я бы и не сказал, что кого-то конкретно я...

– Может, тебе напомнить? – повысил голос Аслан. – На Руслана Гожба, Игоря Мархолиа, Олега Дамениа, на писателей многих... На представителей абхазской зарубежной диаспоры досье собирал.

–Это правда? И сейчас ты на них работаешь?

– Клянусь, я... Я с первых дней войны на фронте. Дайте мне возможность погибнуть в бою... Пожалейте моих детей, они ни в чем не виноваты...

– А-а, дети!.. А те, на кого ты стучал, все бездетные были, да?

– Ты что, не понимал, что людей гробишь?

Алмас сидел ни жив, ни мертв.

– Ладно, расскажи нам подробно о своей поездке в Москву и какое задание ты от них получил, – после паузы сказал Аслан.

Хотя слово «расстрел» в комнате ни разу не было произнесено, оно витало в воздухе, оно стучало в висках Алмаса. Если по законам военного времени расстреливали, говорят, мародеров, то неужели будут жалеть его, предателя и вражеского шпиона?

– Ладно, расскажи все как на духу, а там видно будет...

И Эмба начал свой рассказ.

* * *

Он рассказывал в ту ночь; рассказывал, проведя остаток ночи в камере, на следующий день; рассказывал через день... Рассказывал Аслану Цугба и еще кому-то, кто записывал его исповедь на магнитофон, рассказывал, торопясь вытолкнуть из себя заранее обдуманные фразы и все же нередко сбиваясь, замолкая в поисках нужного слова.

А потом все рассказанное изложил письменно на девяти страницах крупным округлым почерком.

«Все началось в шестьдесят седьмом году. Я учился тогда в Сухумском пединституте. И как-то декан нашего факультета сказал мне, что звонили из комитета госбезопасности и я должен зайти к ним в такой-то кабинет. Я пошел, думая: чего они от меня хотят? А хотели известно чего – чтобы я прислушивался к разговорам вокруг и сообщал обо всем, что подрывает устои советского общества. Я стал отнекиваться, говорить, что у меня нет способностей к такой ответственной работе, меня стали убеждать, запугивать. В общем, они меня вынудили. Я начал примерно раз в месяц давать информацию. Ничего особенного там обычно не было, сообщал что-то, лишь бы отделаться от них. Бывало, на 3-4 месяца оставляли в покое, но я напрасно радовался: потом они снова брались за меня. Я окончил институт, отслужил в армии. Когда возвращался в Абхазию, думал: может, отстанут от меня. Но нет. Какое-то время я работал в школе, потом – в музее. Женился. И все эти годы вел двойную жизнь. Ходил под невыносимой тяжестью, в результате от нервного напряжения стал сердечником.

Непосредственно со мной сперва работал Гиви Кемулария, потом – сам председатель КГБ Комошвили. Кемулария умело затягивал меня в это дело. А Комошвили оказался еще коварнее. Конечно, прежде всего, их интересовало, что я, как абхаз, знаю о разговорах в среде абхазской интеллигенции, о планах лидеров «абхазских националистов», как они говорили. Ясно отдавал и отдаю себе отчет

в том, что работал я на них не из-за денег. Сколько они платили: ну, 30, 70, 100 рублей за ежемесячную информацию... Не такие уж великие суммы даже по тем временам. Виною всему был страх. К моему несчастью, я рос немного застенчивым, слабовольным. Это и погубило меня. Они как опытные рыболовы «подсекли» и «вели» меня. Сколько раз я пытался бросить это дело, порвать с ними, но меня пугали, шантажировали... Шантаж был простой: «Все о твоей работе на нас станет известно твоим друзьям, знакомым, родственникам».

Так я и продолжал, мучаясь, жить в двух лицах. Ведь я искренне любил абхазский язык, литературу, историю. Искренне, а не только в разговорах, возмущался бериевской политикой в Абхазии в 30 – 50-е годы. (Правда, я считал, хотя никогда не говорил об этом вслух, что наши «национальные активисты» объективно могут нанести вред абхазскому народу). И в то же время мне было понятно, что, работая на КГБ, я служу бериевскому делу. В общем, будто не жил, а находился в кошмарном сне. Несколько раз даже порывался уехать куда-нибудь в Россию, чтобы избавиться от этого ужаса, но куда поедешь, если у тебя уже семья, дети...

А методы у них точно были бериевские. Помню, когда Предсовмина в Абхазию назначили Юзу Убилава, они попытались сфальсифицировать дело о покушении на него, которое якобы задумал сотрудник Совпрофа Аджба... Просто для того, думаю, это дело слепили, чтоб показать свою нужность и ценность.

В последнее время местом наших встреч была квартира в жилом доме рядом с кассами Аэрофлота. Встречались примерно раз в месяц, плата за информацию была 100-150 рублей. Потом, после преобразования комитета госбезопасности в информационно-разведывательную службу и ухода Комошвили, я с ними уже не сотрудничал. С Автанди-лом Иоселиани, который возглавил эту службу, я, клянусь, дел не имел.

Война, казалось мне, все расставила на свои места. Там – они, здесь – мы. Детей и жену сразу отвез к своим родителям в Гудауту, а сам – на Красный мост. Кроме охотничьей двустволки, которая была у меня дома, раздобыл еще мелкокалиберную винтовку. После того, как мы отступили за Гумисту, я постоянно был на передовой. Понимаю, что мое стремление пойти на передовую можно расценить двояко: в том числе и так, будто я пошел туда за информацией для грузинской разведки. Но это, клянусь, не имеет ничего общего с действительностью. Я был счастлив, что, наконец, кончилась моя двойная жизнь. Я был счастлив, что с оружием в руках защищаю Родину. Как ни тяжело было на фронте, для моей души это было громадное облегчение.

Я был уже замкомбата. И вот – приходит эта проклятая телеграмма: «Узнал о переезде в Гудауту. Прошу срочно выехать в Москву по поводу издания книги и получения гонорара. Григорий». И номер его телефона еще... Я сразу понял, что Григорий – это Комошвили. Меня бросило в жар: достал-таки меня проклятый старик! Что было делать? Пойти в службу безопасности и все рассказать? Но это значило – все узнают, что я делал на протяжении двадцати пяти лет. Я как раз приехал тогда домой со смены, с передовой... Несколько раз ходил к зданию районной администрации – думал, встречу Антона Арчелия, старого комитетчика и старого своего знакомого, расскажу ему все, посоветуюсь, как быть. Тянул время, тянул... Ночами не спал. А потом все же решил: позвоню по тому номеру телефона, что в телеграмме был. Хотел упросить их, чтобы оставили меня в покое, так куда там... Выезжай – и точка. И опять надо мной как дамоклов меч навис страх разоблачения: ведь им ничего не стоит подкинуть нашим органам информацию обо мне... Точнее, дезинформацию – о том даже, чего и вовсе не было.

И вот я в Москве. Как и договаривались, встретили меня на Курском вокзале, у справочной. Это был Ираклий

Чохонелидзе – старый комитетчик, работавший когда-то давно в КГБ Гудаутского района и уволенный из органов с исключением из партии, а потом долгие годы – фотокорреспондент ГрузИНФОРМа и ТАСС. Когда я увидел, что Комошвили нет, то вообще хотел развернуться и уйти, но Чохонелидзе уговорил пойти с ним. Поселили меня в гостинице. В тот день я плохо себя чувствовал и поэтому отказался от беседы. Разговор начался на второй день, часов в одиннадцать утра. Чохонелидзе все время пытался убедить меня, что его и грузинскую информационно-разведывательную службу интересуют только пути мирного решения грузино-абхазских проблем. Интересовался гуманитарной помощью, которую получает Абхазия, вопросами вооружения. Спросил, есть ли оппозиция у Ардзинба, кто его реально может заменить. Я ответил, что у него оппозиции нет.

Далее Ираклий спрашивал о работе Верховного Совета, прессы, телевидения Абхазии, о том, кто конкретно занимается связями с казаками, об Абхазском центре в Москве. Я сказал, что в Абхазском центре у меня знакомых нет, тогда он дал мне номера телефонов и попросил по ним позвонить, чтобы завести знакомства. После этого дал мне листок с 25 письменными вопросами и предложил на них ответить. Я написал ответы примерно на половину. Не отвечал на то, чего не знал, или что было, как я считал, выдачей военных секретов.

Чохонелидзе забрал написанное и сказал, что это через пару дней ляжет на стол к Шеварднадзе. Следующая встреча со мной, сказал он, должна состояться в конце февраля – начале марта в Краснодаре. Назвал краснодарский адрес и номер телефона. Когда я стал говорить, что у меня нет больше желания с ними встречаться, он взялся за старое – за шантаж. Сказал, что в Краснодар приедут сам Комошвили и «товарищ из Тбилиси», представитель Шеварднадзе.

За услуги Чохонелидзе вручил мне двадцать пять ты-

сяч рублей, в чем мне пришлось, хотя и очень не хотел, дать ему расписку.

...Я проанализировал прожитую жизнь и полностью осознаю вину перед своим народом и Родиной. Поверьте мне хоть один раз в жизни, я умоляю вас: сведений военного характера я им не давал. И в Абхазский центр в Москве звонить не стал. Поймите, у меня двое детей, и я их воспитывал с особой заботой, чтобы они не стали похожими на меня. Стыдно мне об этом говорить... Но давайте мы вместе поможем этим детям, чтобы они, ни в чем не виноватые, не росли испачканные, духовно ущербные. Я все эти дни и ночи плачу. Верните мне автомат, верните меня к моим солдатам, чтобы я честно мог погибнуть в бою. Я докажу вам, что я не только гад и трус...».

* * *

Содержался Алмас все это время в одиночной камере службы безопасности. Аслан Цугба понимал, что хотя право окончательного решения судьбы Алмаса принадлежит не ему, его мнение, его предложения и доводы будут учитываться при принятии такого решения в первую очередь. Но прежде всего надо было ответить на вопрос: насколько искренним был Алмас в своих показаниях? В том, что он признался так быстро, Аслан не видел ничего удивительного: слишком неопровержимые выстраивались против него факты, да и кто такой был Алмас – не профессиональный же разведчик, не выпускник спецшколы, а обыкновенный «тихарик», осведомитель. Чего он не договаривал? Во-первых, того, почему – на него пал выбор КГБ в шестьдесят седьмом. «Органы» при вербовке методом тыка не действовали. Значит, имелся тогда у Алмаса-студента какой-то жизненный грешок, используя который его нетрудно было взять на пушку. А, может, как-то по-другому смог себя зарекомендовать... Ну, да сейчас это уже не столь важно. А вот почему все же позвонил в

Москву по указанному в телеграмме номеру – тут более серьезная недоговоренность. Ведь мог же, мог этого не делать. В конце концов, какая уверенность у Комошвили и его конторы в том, что телеграмма дойдет, не затеряется в суматохе войны? Или Алмасу чудилось, что в Гудауте полно агентов грузинской разведки, которые бдительно следят за каждым его шагом? А не логичнее ли предположить другое: Алмас рыл себе запасной окопчик по другую сторону линии фронта? Ведь никто не знает, чем закончится война; сорвавшееся январское наступление на Сухум нанесло чувствительный удар оптимистическому настрою не одного абхаза. Итак, в случае победы абхазского оружия Алмас оказался бы среди героев-победителей, а в случае поражения тоже не пропал бы, находясь под защитой грузинских спецслужб в роли героя «невидимого фронта». Конечно, эти предположения – из разряда того, что нельзя ни доказать, ни опровергнуть, но ведь не только такие запутавшиеся, как он, а и люди со вполне благополучным прошлым порой задумывались: а что если все же… ведь плетью обуха не перешибешь, как говорят русские… Нет, Цугба верил и в бессонные ночи Алмаса, и в то, что тот «все эти годы ходил под тяжестью», и даже в то, что на фронт он пошел искренне и избавление от двойной жизни принесло ему «громадное облегчение». Все это было не просто правдоподобно, но и наверняка правдиво. Вместе с тем это отнюдь не означало, что Алмас не мог бы продолжить работу на грузинские спецслужбы.

Ну, ладно, что он из себя представляет, примерно ясно. Но как с ним быть? Предать этому делу широкую огласку, организовать открытый процесс? Что это даст? Мы прокричали бы на весь мир о том, что среди абхазов есть такие отщепенцы – на радость нашим врагам и сея растерянность среди своих. Опять же дети, которые действительно ни в чем не виноваты... Принять на веру покаянные показания Алмаса, простить ему все и отправить на передовую в прежней должности, как будто ничего не было?

Ну, это было бы вообще неразумно. Самый, в общем-то, естественный в данной ситуации ход – используя «крик души» Алмаса о желании искупить вину перед своим народом, задействовать его связь с грузинскими спецслужбами в интересах Абхазии. Так, и именно так поступила бы в подавляющем большинстве случаев контрразведка любого государства: отправила бы его под тщательным наружным наблюдением на встречу в Краснодар, постаралась бы передать через него грузинской стороне дезинформацию, выяснить, что в первую очередь интересует противника, и продолжить затем с его помощью «игру» с грузинскими спецслужбами.

...Приехав в Краснодар 2 марта 1993 года, Алмас Эмба остановился в гостинице «Центральная». Его номер находился на втором этаже, а в другом номере на том же этаже той же гостиницы поселились Комошвили с Чохонелидзе. Алмас знал, что его «ведут» абхазские спецслужбы, что, возможно, будут фиксировать его встречи с представителями грузинской разведки на фотопленку, но вот то, что все разговоры их будут прослушиваться и записываться на магнитофон, ему не сказали, Потом, при сопоставлении этих записей с письменным отчетом «Эшерского» (такой псевдоним получил Алмас) выяснилось, что расхождения были невелики и непринципиальны.

Второго марта Алмас зашел в номер к Комошвили и Чохонелидзе около девяти вечера всего на пять минут. Они дали ему для изучения какую-то статью в журнале «Новое время» о перспективах выхода из грузино-абхазского кризиса и попросили высказать потом о ней свое мнение.

Снова встретились на следующее утро около десяти в том же номере. Беседовали втроем: Комошвили объяснил, что до приезда человека из Тбилиси он решил сам предварительно поговорить с Алмасом.

68-летний Комошвили – седой, грузноватый, но сильно за последнее время похудевший, – сидя в кресле и изредка

помешивая ложечкой в стакане янтарного чая, задавал вопросы своим тихим низким голосом. Ираклий Николаевич Чохонелидзе, внешне очень напоминавший известного российского публициста и политика Юрия Черниченко – те же лысое темя, лоб в морщинах, сварливый голос – следуя субординации, вступал в разговор значительно реже, но всякий раз в его вопросах клокотала какая-то, несмотря на возраст, незатухающая энергия. Комошвили начал с расспросов о бывших сотрудниках КГБ – абхазах: кто из них сегодня где. Поинтересовался, пользуется ли поддержкой в народе Владислав Ардзинба. Авторитет Ардзинба растет, заверил его Алмас.

Спрашивали о настроениях на абхазской стороне, о том, как абхазам представляется дальнейший ход войны. Правда ли, что Топольян создал армянский батальон в абхазской армии, сколько чеченцев воюет в Абхазии?

«А что вы лично мне посоветуете, – спросил вдруг Комошвили, – уехать мне из Сухуми? Какова все же вероятность, что абхазы его возьмут?».

Худые пальцы его с густыми пучками черных волосков нервно барабанили по стенке стакана. Да, мало что осталось от прежней вальяжности Григория Иордановича, некогда державшего весь КГБ Абхазии в ежовых рукавицах. Постарел, обмяк... Он заговорил о том, что в Сухуме живет сейчас вдвоем с женой. Один сын – в Тбилиси, другой уехал в Израиль (он женат на еврейке). Дача их в Эшере, на «гудаутской стороне», в Тбилиси жилья нет. «Эх, зачем я в свое время, в 51-м, приехал в Сухуми из Тбилиси! Зачем мне все эти абхазские дела! – горестно произнес он. – Неужели может повториться гагрский вариант?»,

Алмас знал, что среди абхазов из бывшей партноменклатуры у Григория Иордановича было немало друзей, но смогут ли и захотят ли они ему помочь в минуту опасности, учитывая, сколько, мягко говоря, «претензий» накопилось к бывшему шефу КГБ у участников абхазского национально-освободительного движения?

– Что я могу вам сказать... – отвечал Алмас. – Советовать тут трудно. А то, что абхазы настроены решительно – это факт. Им ведь... то есть нам... отступать некуда. В том, что Сухуми рано или поздно будет взят, ни у кого сомнений нет, просто некоторые, в том числе и Ардзинба, хотят, чтобы это было с минимальными жертвами.

И тут Алмас начал излагать «дезу» – одну из специально разработанных абхазской службой безопасности для этой поездки: Владислав Ардзинба придерживается более умеренной позиции, но ему противостоит радикальное крыло – Зураб Ачба, Сергей Шамба, Игорь Мархолия, которые исключают любой компромисс с грузинской стороной.

Другая дезинформация, которую ему предстояло донести до грузинской разведки, касалась вооружения абхазской армии: через зарубежную диаспору абхазы закупили, мол, ракетные установки «Стингер», достают сейчас комплекс «Оса».

– А танки «Т-80» состоят у абхазов на вооружении?

– Лично я не видел, но говорят, что такие есть,

– Кто летает на боевых самолетах: абхазы или наемники?

– То, что есть абхазские военные летчики, я знаю точно. Есть у нас и ВМФ... Григорий Иорданович, то, что я вам говорю, делает Абхазию похожей на НАТО, но у нас ведь понимают: с пятимиллионной Грузией голыми руками не справиться. Пусть не покажется вам сказкой, но недавно в Гудауте сел транспортный самолет, и из него выгружали морские торпеды и увозили на КамАЗах.

Приплел еще десант, который, мол, готовится где-то в России для совершения диверсионных актов в Тбилиси, добавил про Красный мост – на границе Грузии и Азербайджана – который, по разговорам, будет взорван. И вообще, если, мол, верить некоторым слухам, в абхазскую, армию поступило нейтронное оружие (это была уже чистая отсебятина): для того, чтобы все здания, все имуще-

ство в Сухуме остались целыми, а живая сила противника была выведена из строя.

Чохонелидзе завел разговор о нашумевшей в то время публикации абхазского депутата Зураба Ачба в одной из российских газет. Расспрашивали о журналистах, работающих в Гудауте.

На следующий день принялись за основательную проработку военных вопросов. Комошвили несколько раз возвращался к вопросу, уезжать ли ему из Сухума. Вставал, начинал нервно расхаживать по номеру...

– Неужели у абхазов есть какой-то список, по которому будут искать и уничтожать?

– Да езжай к сыну в Израиль, – посоветовал ему Ираклий, сам предусмотрительно перебравшийся уже в Москву.

Комошвили сказал, что 5-6 марта он будет на приеме у Шеварднадзе с подробной информацией.

Под конец договорились о следующей встрече с Алмасом. Она, подтвержденная предварительно телеграммой условного содержания, должна была состояться 15 или 16 марта в Хосте, на платформе у пригородных касс. Схема встречи намечалась такая: Алмас держит в руке пачку «Магны» и спички, а человек из Тбилиси по имени Дато 42-43 лет – газету на грузинском языке. Дато подойдет и спросит: «Извините, у вас нет случайно календарика на этот год?». Ответ: «Есть, но только первая половинка». (Это все на случай, если на эту встречу не сможет приехать Чохонелидзе).

В заключение Алмасу, как и в Москве, вручили под расписку 25 тысяч рублей.

...Встреча в Хосте так и не состоялась. 15-16 марта грянуло мартовское наступление абхазской армии на Сухум. После этого неделя шла за неделей, а никакой информации с грузинской стороны о дате встречи не поступало. В конце концов пришлось сделать вывод: очевидно, в информационно-разведывательной службе Грузии решили

прекратить контакты с Алмасом. Возможно, выяснилось, что представленные им военные сведения оказались «дезой», возможно, почувствовали, что он работает под контролем абхазской службы безопасности... Да могло быть и немало других причин, по которым связь с «агентом Сазоновым» оказалась прерванной.

Алмас все это время находился дома, под наблюдением службы безопасности. На фронт его, естественно, уже больше не отпустили, автомат не вернули. Для соседей, родственников и знакомых была выдвинута версия: болен, проходит курс лечения.

Пришел победный для Абхазии сентябрь 93-го. Григория Комошвили, который в день взятия Сухума находился в городе, настигло-таки возмездие. Абхазские автоматчики, которым он попался под горячую руку, долго не раздумывали... Да еще и соратника своего Гиви Кемулария потянул за собой в могилу: показал, говорят, его дом и сказал, что его тоже стоит прихватить для разговора.

Жена Комошвили выехала потом к сыну в Тбилиси.

...После того, как Алмас Эмба узнал о смерти Комошвили, к нему снова вернулись бессонные ночи. Его преследовала одна и та же картина: от удара ногой распахивается дверь, на пороге несколько незнакомых ему парней (а, может, они будут и в масках) с автоматами. «Это ты – Алмас Эмба? Ну, получай свое, предатель!». И – очереди, очереди, от которых никуда не деться. В это скорое на расправу время картинка не только представимая, а даже закономерная. Господи, знали бы вы, глядя в потолок, взывал к своим потенциальным убийцам Алмас, как я люблю, чувствую и понимаю Абхазию! Куда больше и глубже многих записных ораторов, которые привыкли срывать аплодисменты дешевыми лозунгами. Как легко судить человека, в шкуре которого ты никогда не был и не будешь!

Но что же делать, как жить дальше? Мысль Алмаса металась от одной крайности к другой. Его надежды обре-

сти себя в роли отважного и проницательного абхазского контрразведчика (едва ли не с семидесятых годов с этой далеко идущей целью втершегося в доверие к Комошвили и К°) рухнули после того, как схема Хостинской встречи осталась только схемой. Уехать с семьей в Россию, затеряться где-то там? Не так все просто, да и не прожить ему без Абхазии. Покончить со всем этим кошмаром нажатием курка? Или нет – лучше сымитировав несчастный случай... Нет, нет, не такой уж он слабак и подлец, чтобы бросить на произвол судьбы жену, детей...

А что, если уехать в дальнее горное село и, постаравшись забыть все, заняться сельским хозяйством? Да, да... Пахать, сеять... Разводить скот... Очищаться в общении с природой...

Так он и сделал – переехал в село, где у него была усадьба, перешедшая в наследство от умерших родственников.

Дни шли за днями, и постепенно страх уходил, растворялся в буднях. В конце концов, у него была своя версия событий, версия, которой придерживались и которую так или иначе распространяли наиболее близкие ему люди: он – засекреченный сотрудник абхазской службы безопасности, и то, что в середине войны его отозвали с фронта, свидетельствует только об одном: агент Эшерский мог сделать и сделал для победы неизмеримо больше, чем мог бы сделать рядовой офицер абхазской армии.

Алмас внутренне напрягался, когда видел своих знакомых из того интеллигентского круга, в котором он обретался до войны (такие встречи, хоть изредка, но происходили, когда ему приходилось выезжать из села). Но они все, как сговорившись, ограничивались парой пустых, ни к чему не обязывающих фраз...

Сперва Алмас воспринимал это с облегчением, стараясь поверить в то, что они попросту ничего не слышали. Но постепенно все чаще вспоминал отведенные в сторону взгляды, поспешность, с которой знакомые с ним проща-

лись, и начинал их мысленно упрекать за это малодушие: ну, заведите разговор, я же сам не могу это сделать, чтоб рассказать, как было: как ездил в Краснодар, как умело дурачил Комошвили...

Хотя с другой стороны... Нет, молчание было все же самым уместным. Вот как спокойно и толково объяснил он сынишке, который как-то наедине с ним завел разговор о «спецзадании» папы во время войны: «Об этом я никому пока – не имею права рассказывать, даже тебе. Может, когда-нибудь, когда вырастешь...».

Ни абхазские, ни грузинские спецслужбы его больше не беспокоили.

*1996*

## ОН, ОНА И СОТОВЫЙ ТЕЛЕФОН

У Дьявола много имен: Сатана, Вельзевул, Мефистофель, Понедельник…

В зимнее воскресенье поздним вечером Алик нередко психовал оттого, что интересные телепередачи все не кончаются, откусывая по кусочку время от оставшегося на сон. Сейчас, конечно, это уже не так напрягало, как в первые послевоенные годы, когда в России переводили стрелки часов на летнее время, на час назад, а в Абхазии не переводили, в результате чего в Москве какая-нибудь интересная передача заканчивалась в час ночи, а в Сухуме аж в два...

Но в тот воскресный вечер телепрограммы выдались на редкость пустыми (для него). Было начало одиннадцатого, когда запиликал мобильник. «Ой, а это кто?». Это наивно-испуганное «ой» почему-то растрогало Алика, и он не возмутился, как обычно бывало с ним, когда слышал идиотское «кто это?» по телефону. (В 99 процентах случаев люди ошибались номером, но требовали, чтоб незнакомый человек им представился). Или, может, про-

сто настроение в тот момент было благодушное. Или так навалилась в тот вечер тоска, что захотелось с кем-то поговорить. Или телесериал, который он досматривал (из разряда боевиков, которые Алик называл «бифштексами с кровью») так уже ему обрыдл..

Так или иначе, но он не ответил «Дед Пихто!», как делал это частенько, и не выключил в раздражении телефон, а доброжелательно поинтересовался: «А кого вы хотели?». «Ой, извините, я не тот номер набрала».

Инцидент, как говорится, был исчерпан. Но оба абонента почему-то медлили и не выключали свои трубки.

– Бывает, – сказал Алик. – Но ничего страшного, бывает и хуже. А у вас приятный голос.

Боже, что могло быть пошлее! Но незнакомка, как бы приглашая к продолжению разговора, произнесла несколько смущенно:

– Спасибо.

– А внешность такая же приятная? – продолжал Алик треп, который был бы извинителен для подростка лет шестнадцати-семнадцати, но не для мужика, который «земную жизнь прошел до половины». Именно так любил он аттестовать себя уже несколько лет, одновременно прощупывая, знаком ли собеседник с творчеством Данте.

– Ну, я не знаю… От зеркала, во всяком случае, не шарахаюсь… А вам это для чего?

– Ну-у, я тоже не знаю… Если, говорят, можно влюбиться с первого взгляда, то, наверное, можно и с первого звука голоса… Во всяком случае… не помню, про кого это историки писали: у нее, мол, был такой чудный, мелодичный голос, что в него влюблялись все ее современники? То ли у Клеопатры, то ли у Екатерины Второй, то ли у Софьи Ковалевской… Не помните?

В общем, Алик нес какую-то околесицу, первое, что приходило в голову, но, как ему казалось, довольно складно. Давно, очень давно у него не было такой вот трепотни по телефону – наверное, тут все совпало: и его собствен-

ное настроение, и настроение незнакомки, и ее приятный (действительно приятный) тембр голоса.

Чей мелодичный голос описывали историки, незнакомка, естественно, не знала, но это не помешало им проболтать около получаса, чего с Аликом никогда раньше, пожалуй, не случалось. Чтобы их разговор не был материально обременителен для собеседницы, Алик, как джентльмен, после первого автоматического отключения связи спустя три минуты, перезвонил ей сам, определив номер по входящим. И в дальнейшем после отключения снова и снова перезванивал. У нее тоже в тот вечер явно не было дефицита свободного времени.

По завершении разговора, когда они, пожелав друг другу спокойной ночи, наконец, попрощались, Алик знал о ней уже немало. Звали ее Ариханда (так, во всяком случае, она назвалась), ей было 37 лет, «соломенная вдова» – в том смысле, что, не будучи разведены, они с мужем вот уже лет 7-8 жили отдельно друг от друга. Муж, который украл когда-то ее, когда она училась в 9 классе, так увлекся после войны сравнительным изучением спиртных напитков и наркотиков, что стал «уже ни на что не годен». Она добилась того, что он вернулся к себе в село, в родительский дом, и не маячил здесь, в городе, у нее перед глазами. Ариханда, оставшаяся в квартире на Новом районе, сама поставила на ноги их дочку, которая уже училась на третьем курсе университета и успела выйти замуж.

Хотя окончила Ариханда в свое время школу экстерном, а затем заочно «наш университет» и получила диплом учительницы чего-то типа географии (Алику не запомнилось, чего именно), по специальности она так и не работала. Выживала, как и множество женщин в послевоенной Абхазии, став «бизнес-вумен» в местном варианте. То есть начав с перевозки на тачках за Псоу мандаринов, мимозы, перейдя потом на закуп в России, Турции и Грузии носильных вещей и продажу их в Абхазии. Сперва – по знакомым продавала, потом арендовала место

на втором этаже Сухумского крытого рынка, потом, после выселения оттуда вещевиков, – в торговом комплексе «Сухумприбор».

И самое интересное – у нее с Аликом оказалось множество «точек пересечения», общих знакомых. Впрочем, по этому поводу можно заметить: а что за невидаль для Абхазии такое? Как тут два любые встретившихся впервые человека из разных ее уголков могут оказаться совсем без общих знакомых? Но в данном случае ключевое значение имело то, что Ариханда была родом из Калдахвары, и оттуда же – мама Алика. Естественно, он знал многих калдахварцев и выходцев из этого села. Про некоторых они достаточно долго говорили, например, про бывшую учительницу сельской школы Фрумку Уричевну, сейчас работающую в Сухумском РОВД; в отношении же некоторых других, упомянутых Арихандой, Алик предпочитал использовать фигуру умолчания. Почему? Да потому, что не хотел, чтоб она раньше времени его расшифровала, а это неминуемо бы произошло, зайди речь, откуда и как он их знает.

Разумеется, с самого начала появилась мысль и о том, что не было никакой ошибки номером, что на самом деле она изначально знала, кому звонит. Но постепенно он отказался от этой мысли. Уж очень искренне реагировала Ариханда на ряд выявленных «пересечений» в их жизнях, да и ответы ее на ряд контрольных вопросов свидетельствовали, что ей не ведомы ни имя его, ни род занятий, ни место жительства. Телефонная аферистка, способная искусно играть? Да на что его разводить, скромного преподавателя вуза? Просто и впрямь, видно, встретились в тот вечер на телефонной линии (раньше бы сказали: на двух концах телефонного провода) «два одиночества».

Алик засыпал в ту ночь, летая в мечтах о прекрасной незнакомке. Ведь в воображении так легко слепить идеальный образ… Насчет «прекрасной» – тут, конечно, можно и промахнуться. Но элементарная логика подска-

зывала, что страхолюдин из девятого класса не воруют. Да, такова, увы, упорно не уходящая в прошлое абхазская действительность: хорошеньких часто «разбирают» до достижения совершеннолетия. Кто пользуясь их наивностью и полудетской еще влюбчивостью, кто и вовсе действуя нахрапом, против их воли…

Знал Алик, точнее видел однажды, и ее «соломенного мужа». Хотя и не стал это ей пока говорить… Парень высокий, видный, жаль, что вот так сошел на «нет».

Альтону недавно минуло сорок три. Своим полным именем не совсем понятного происхождения он предпочитал не представляться; потому, в частности, и дожил до столь серьезного возраста под детсадовским именем Алик. Под этим унифицированным именем его практически все и знали. А что, разве не был Аликом для многих до такого же возраста для всей сам Александр Золотинскович Анкваб? Ну, а живущему по соседству таксисту Алику (по паспорту Альберту) и вовсе за шестьдесят…

В тридцать девять Алик развелся и пребывал, что называется, в свободном плавании. С женой они прожили без малого семь лет и расстались по причине ее бесплодия. Говорят, что таких пар в мире около десяти процентов и, в основном, они все же не распадаются. Большинство берет приемных детей, кто-то и вовсе обходится без них. Но ни первый, ни второй вариант Алика не устраивали, как и вообще в Абхазии они мало кого устраивают. «Тебе надо продолжать род», – время от времени сама заводила разговор его жена Лейла. (Они ездили проверяться в Адлер, и врачи вынесли заключение, что оба способны к деторождению, потом, спустя два года, поехали в Ростов, и там пришли к выводу, что «виновата», как в таких случаях говорят, она). Алик отмалчивался после таких ее слов, но в душе был благодарен ей за понимание. Вся его немногочисленная родня смотрела на него с надеждой, потому что на остальных «фамильцев», которых в Абхазии

насчитывалось человек шесть-семь, надеяться в смысле продления рода уже не приходилось.

Чего они с Лейлой только не пробовали для достижения заветной цели! Были и походы по врачам – сочинским и местным, и обращения к народным целителям… Одна потомственная знахарка из-под Гудауты дала им пить настой трав на чаче – обоим по столовой ложке за пять минут перед едой, потом только ей – такой же настой на меду… Каждый месяц они с замиранием сердца ждали времени наступления у нее так называемых критических дней, и когда эти дни все же наступали, это было похоже на маленькие похороны очередного их не родившегося ребенка. Похороны, о которых знали только они двое. Жена обычно плакала день-два, Алик ходил убитый, почти не разговаривая, а потом наступал месяц новой тщетной надежды.

Разошлись тихо-мирно. Когда-то развод представлялся Алику мучительным процессом вытаскивания из тела зазубренной стрелы Амура. Но в данном случае все было предельно ясно и лишено каких-либо взаимных претензий.

Бывшая жена Алика довольно быстро вышла замуж за вдовца, который остался с двумя маленькими детьми, и была счастлива, воспитывая их. Она вообще была очень чадолюбива.

Алик же решил, что теперь он, скорее всего, женится на вдове или разведенной, такой, которая уже рожала и, значит, снова может родить, если, конечно, еще в состоянии. Девственница была ему не нужна, девственница у него уже была… Но к воспитанию чужих детей душа не лежала. Растить, лелеять свою кровиночку, искать и находить в ребенке черты его дедушек и бабушек, прадедушек и прабабушек, рассказывать ему, подрастающему, о его предках, ощущать себя, в конце концов, не тупиковой ветвью тех поколений и поколений, благодаря которым ты появился на свет, а продолжателем великого процесса об-

новления рода человеческого – что же в этом страстном желании предосудительного? Тем более, что он заранее знал: чужого любить не сможет, а ребенок не может не почувствовать эту нелюбовь. И в свое время Алик возненавидел соседку, которая «по доброте душевной» сказала Лейле (а та передала ему) еще в самые первые годы их совместной жизни: «А, может, взяли бы вы ребеночка на воспитание?».

Словом, такой вариант, как с Ариханадой, его вполне устраивал. Дочка ее выросла, у нее уже своя семья; сама же Ариханда еще вполне в том возрасте, что может родить ребенка, и даже не одного. Сколько вокруг историй о том, как рожали и в сорок, и в сорок два…

Ее приятный, даже обворожительный голос – это, конечно, плюс, хотя и не самый важный. Но то, что они проболтали полчаса, – разве не свидетельство, что им нетрудно было найти общий язык? Но главное, конечно, решится при встрече.

И тут Алик поймал себя на мысли, что ему не хочется торопить события. Нет, конечно, «по законам жанра» они рано или поздно встретятся. Но сейчас он увлекся домысливанием образа незнакомки и ему хотелось, чтобы этот идеальный образ, создаваемый его воображением, просуществовал подольше, хоть еще несколько дней.

На следующий день он позвонил ей незадолго до обеда. Ариханда была вся в делах, о чем свидетельствовал звуковой фон и отдельные реплики, с которыми она обращалась к кому-то поблизости. Но ответила ему приветливо и попросила позвонить вечером, после девяти. Алик позвонил ей полдесятого, по окончании программы «Время», и они снова проговорили долго, минут пятнадцать. Впрочем, в последующие дни их сеансы телефонного общения сместились на более позднее время, к одиннадцати вечера, когда все ее домашние дела бывали уже переделаны.

Эти ежевечерние разговоры стали для них в скором времени потребностью, без которой было трудно обходиться.

Основное содержание их составляли истории из жизни обоих. Это было что-то напоминающее разговоры «душу нараспашку» с незнакомым попутчиком в вагонном купе. С тем отличием, думал Алик, что там лицо обладателя «свободных ушей» прямо перед тобой, но ты знаешь, что почти наверняка его никогда больше не увидишь; здесь же, наоборот, будто исповедуешься кому-то невидимому, но зная, что в будущем лицо собеседника проступит перед тобой, как во времена старой фотографии изображение проступало на фотобумаге в ванночке с проявителем…

Ее истории, помимо прочего, раскрывали для него мир того самого местного варианта бизнеса, где главными понятиями были «тачка, Псоу, таможня». Если бы не Ариханда, он вряд ли увидел бы этот мир изнутри и крупным планом.

Алик тоже откровенно рассказывал ей обо всем: и о своей долгой дороге в загс, которая в итоге оказалась тупиком, и о своей преподавательской работе в АГУ. И как-то незаметно они перешли на «ты».

В памяти его всплыл старый советский фильм «Каждый вечер в одиннадцать», снятый по рассказу азербайджанского писателя Анара «Я, он, она и телефон». Алик смотрел это кино пару раз по телевизору, уже много позже, естественно, выхода его на киноэкран в конце шестидесятых. Чистый, светлый, нежный, лиричный, добрый фильм. Красивые герои. В главных ролях снялись Михаил Ножкин (до сих пор еще живущий) и гораздо менее известная, но очень миловидная актриса. Действие происходит в некоем приморском советском городе. После вечеринки друзья главного героя, до сих пор неженатого, предложили ему позвонить из телефона-автомата по случайному номеру: каждый из них назвал по цифре. И вот благодаря этой шутке завязался телефонный роман. Герой Ножкина каждый вечер в одиннадцать звонил своей собеседнице, все больше и больше влюбляясь в нее. И в финале фильма произошла, наконец, встреча главных героев,

которая, слава Богу, никого из них разочаровала. Хэппи-энд. Да и вообще в картине и рассказе нет отрицательных героев и по сути нет конфликтов. Но удивительно, что эта «тишь и гладь» совершенно не раздражала. Во всяком случае – Алика. Фильм постоянно заставлял сопереживать героям и оставлял после себя чувство просветленности, влюбленности в жизнь…

С самого начала их с Арихандой телефонного романа Алик видел для себя две задачи. Задача-минимум заключалась в том, что он познакомится и «проведет время» с приятной соломенной вдовой. А почему бы нет, если и он свободен, и она по существу свободна. Задача-максимум – в том, что он на ней женится. А почему бы нет, если ее реальный образ хотя бы в общих параметрах совпадет с тем, который он себе намечтал? Ведь гады-годы все идут, и, пока еще не поздно сделать остановку, надо успеть нажать на тормоза… С самого начала он предлагал ей встретиться, хотя и не очень настаивал, и Ариханда в принципе не возражала. Но потом у нее начались всякие страхи, охи и ахи в связи с ее малохольным мужем…

Однажды он подумал было про одну свою коллегу с кафедры, дамочку за сорок лет. Но разговор, затеянный с ней, убедил: нет, и тембр другой, и лексика…

В какой-то момент ему пришло в голову, что Ариханду на самом деле зовут… Наирой. Дело в том, что один почти обезноженный старик из соседней пятиэтажки, в солнечную погоду часами сидевший во дворе на скамеечке, стал останавливать его, проходящего мимо, и заводить разговоры про не так давно поселившуюся в его подъезде одинокую женщину. Приходилось из вежливости кивать, выслушивать. Но однажды старик упомянул, что его соседка имеет торговую точку и недавно выдала дочку замуж. Почему бы не допустить, что озабоченный соединением одиноких сердец старик провел соответствующую работу и с ней и однажды вечером она Алику позвонила? А поскольку ей было неловко как соседке, она решила из-

менить в разговоре свои имя и место жительства. (Хотя, с другой стороны, зачем это ей, если она рассчитывает на их настоящее знакомство? Ведь тогда будет вдвойне, втройне неловко).

А на следующий день, когда Алик возвращался с работы домой, старик, сидевший на своем неизменном месте, пристал к нему: «Она сейчас дома, поднимись к ней в двенадцатую квартиру». «Та-ак, и что я ей скажу?». «Скажи, что я попросил тебя принести мне книгу, которую она мне обещала». Скорее всего, это был его такой по-детски наивный план, которым предусматривалось, что эта самая Наира думает, что Алик ни о чем не догадывается, а Алик должен думать, что она никоим образом не посвящена в этот план. Ну что ж, он поднялся и позвонил в указанную квартиру. Дверь открыла худощавая, с измученным лицом женщина лет сорока. Когда Алик объяснил ей суть своей миссии, она пригласила его пройти в квартиру и присесть в кресло, а сама начала рыться в книжном шкафу. Осматривая ее жилище, видимо, трофейное и не единожды перепроданное, с вывезенной более или менее ценной мебелью, он спросил, как давно она здесь поселилась. Наира ответила, что полгода назад, и ее голос показался ему действительно похожим на голос Ариханды. Уже уходя – искомая книга оказалась каким-то российским детективом – Алик вдруг спохватился, что не может найти свой мобильник. Рылся в карманах пальто, в портфеле, а затем попросил хозяйку позвонить ему, чтоб обнаружить пропажу. Наира набрала его номер с лежавшего на столе розового «девчачьего» мобильника, и Алик, вытащив из портфеля свою трубку, мельком взглянул на последний входящий номер. С тем, с которого ему звонила Ариханда, не было ничего общего.

Потом, по дороге домой, он подумал, что вообще-то у нее вполне может быть и второй мобильник; среди его знакомых уже появились те, у кого их было по два. На всякий случай, позвонив вечером Ариханде, он начал: «При-

вет, Наира!». «Ты с кем разговариваешь?» – удивилась та. И продолжила в юмористическом ключе: «Мы еще даже встретиться не успели, а ты мне с какой-то Наирой изменяешь?». «Прости, собирался позвонить одной знакомой по работе, а рука невольно набрала твой номер», – выкрутился Алик.

Сейчас уже и голоса их показались ему не столь похожими. В тот вечер, однако, он продолжал думать о Наире. Живет вот неподалеку от него такая женщина – лишнее подтверждение несправедливости мира. Воплощение, судя по словам старика, доброты и сердечности. При этом умеющая сама зарабатывать, а не из тех многочисленных девиц на выданье, которые говоря о надежном мужском плече, имеют в виду исключительно его шею. Тот, кто создаст с ней семью, точно не будет горя знать, «будет жить, как в лучшем санатории», уверял старик. Только вот не понимают мужчины своего «счастья», охотников на нее что-то мало. Хотя не она же, а природа виновата, что создала это костлявое тело с ножками-зубочистками, это заунывное лицо… «Эх, мне в своей жизни хватает уныния, куда еще добавлять», – подумал Алик и с облегчением вспомнил, что Наира не имеет к Ариханде ни малейшего отношения.

А телефонный роман с Арихандой продолжался.

Ему запомнился ее темпераментный рассказ о том, как несколько лет назад у нее умерла от родов сестра, жившая в Лазаревском, а ее муж-дегенерат всего спустя месяц после сороковин женился на другой. Да, понятно, что у них осталась крошечная дочка, с уходом за которой он не справлялся. Но разве нельзя было нанять кормилицу, няньку, которые заботились бы о малышке хотя б до года, а уж потом обзаводиться новой семьей, коль так невтерпеж? Ариханда говорила, что оскорбленная этим его поступком, она порывалась поехать в Лазаревское, выкопать тело сестры и перезахоронить в родном селе…

А он любил во время вечерних сеансов их телефонной связи пускаться в воспоминания о том, как и почему в свое время некоторые его потенциальные невесты (имена, конечно, не назывались) так и оставались потенциальными. Всегда ему чего-то не хватало: «весною лета, осенью зимы». Одной молоденькой девушкой был очарован больше месяца, но потом ему взбрело в голову спросить, знает ли она, кто такой «аращ». А та, абхазка, между прочим, вместо того, чтобы пусть и неточно, пусть «своими словами», сказать, что это крылатый конь из абхазской мифологии, запнулась, а потом побежала спрашивать у мамы (разговаривали по домашним телефонам). И, наконец, выпалила в трубку: «Это летающая китайская лошадь!». Другая же была и красавица, и умница-разумница, и все ему казалось в ней совершенным до того момента, когда однажды в группе друзей они не отправились в турпоход вверх по течению Гумисты. И вот там, сидя рядышком с ней на прибрежных камнях у речного потока и о чем-то разговаривая, он обратил внимаие на то, что большие пальцы ее ступней (оба они сидели разувшись) до уродливости укорочены и как-то сплющены. Ну что, бывает, у всех есть свои недостатки, а уж этот был таким микроскопическим, о котором большинство окружающих людей не догадывалось и никогда бы не узнало; пальцы же рук у нее были тонкие и красивые… Но вот с тех пор вид ее ступней начал его преследовать. «Дурак, идиот», – ругал он себя последними словами потом, много лет спустя. И даже о той, молоденькой, вспоминал впоследствии в сомнениях: ну, подросла бы, поумнела…

Их встречу ускорила свадьба дальнего родственника Алика, на которую, как он узнал из очередного сеанса связи с Арихандой, была приглашена и она – в качестве подруги матери жениха.

Свадьба оказалась средних масштабов, человек на четыреста-пятьсот. И когда все уже расселись и приступили, Алик внимательнейшим образом оглядел со свое-

го места в середине зала те участки столов, где сидели женщины. Конечно, не все они были одинаково хорошо доступны взгляду, но один из трех столов, прямо перед ним, почти полностью занимали женщины. И вот когда веселье было уже в разгаре, но наступила небольшая пауза между грохотаниями музыки и голоса тамады, он достал мобильник и набрал заветный номер. После трех гудков абонент отозвался. «Ариханда, привет, ты на свадьбе? Ты меня видишь?» – произнес Алик, стараясь пробиться голосом сквозь гул зала и шаря взглядом по столам. И, увы, никого из женщин, сидевших неподалеку, с мобильным телефоном у уха он не увидел. Однако, ему ответили: «Да, да…».

Оглядываясь кругом, заметил по крайней мере еще одного гостя, сидевшего за свадебным столом, который тоже разговаривал в это время по мобильнику. Значит, если Ариханда тоже оглядывает сейчас зал в поисках Алика, то она может принять за него и того парня. А тот, вынужден был с прискорбием констатировать Алик, был внешне явно выигрышнее его – моложе, плечистее, импозантнее. «Чтоб ты провалился», – ругнулся он в душе. Тут загремел абхазский танец, дальше пытаться вести разговор стало совершенно бесполезно, и Алик выключил телефон.

Свадебная шумиха стала затихать только спустя полтора-два часа. Алик решил повторить попытку, когда уже встал из-за стола и, что называется, тусовался в зале, общаясь то с одним, то с другим встреченным знакомым. Держа в поле зрения все оставшиеся группки женщин, снова набрал номер Ариханды. И обалдел, когда самая красивая в ближайшей к нему группе – густые черные вьющиеся волосы, яркий рот, тонкие длинные руки – приложила к уху телефон-раскладушку. Алик мгновенно вырубил свою трубку. Не то чтобы струсил, а просто почувствовал себя не в своей тарелке: стоять почти прямо перед Арихандой, метрах в трех от нее, и ждать, пока она начнет искать его глазами?

Он проследил за тем, как она, ничего не сказав, захлопнула свою раскладушку, и удалился нарезать круги по залу. «Ничего себе! Так она же красотка, – вертелось в голове. – А снизойдет ли до меня такая?». На свадьбе продолжались танцы. Сейчас, конечно, было бы «в масть», если б зазвучал какой-нибудь, как говорили во времена его молодости, «медляк», и он, пригласив ее, мог бы с ней пообщаться в танце. Но сегодня музыканты таких вообще не играли.

Он дождался момента, когда группа, в которой сидела Ариханда, встала, и не придумал ничего лучшего, чем снаглеть: бросился наперерез и, остановив, расцеловал ее – типа обознался. Тут сейчас все вокруг при встречах то и дело обнимались и целовались, так что подобная «ошибка» выглядела вполне допустимой и невинной. На своих безумных 12-сантиметровых шпильках, она оказалась выше него. (Алик в последнее время любил шутить, что в двадцать лет был выше среднего роста, а сейчас стал среднего. Но не потому, что «укоротился»; просто тогда средним мужским ростом считались 172 сантиметра, а сейчас это уже 175). Когда Ариханда удивленно сделала шаг назад, он пробормотал что-то извиняющееся и устремился к выходу из зала. Да, версия, что она его знает и тот первый ее звонок не был ошибочным, отпала окончательно. Если, конечно, это точно была Ариханда.

Почему он сейчас не захотел раскрываться? Чтобы не вести пьяный разговор? Чтобы еще чуть-чуть продлить интригу? Потому что чувствовал себя более уверенным лежа дома на диване с телефоном в руке? Было, впрочем, еще одно обстоятельство, вытекавшее из их предыдущих телефонных разговоров: Ариханде, которая продолжала официально состоять в браке и не раз выслушивала от своего формального мужа угрозы, чтобы она не вздумала ни с кем и т.д. (такая вот собака на сене), явно не хотелось предавать огласке их с Аликом виртуальный роман. А на свадьбе обычно вокруг множество знакомых глаз и ушей…

В тот вечер он решил ей больше не звонить. Придя домой, почувствовал, что выпитое стремительно клонит в сон, и очень скоро вырубился.

Позвонил на следующий день в обед и после вступительных вопросов: ну, какое впечатление о вчерашней свадьбе, женихе, невесте, блюдах, музыке, перешел к главной теме: «Ты меня там видела? Нет? Ну как же, мы даже поцеловались. В самом конце, когда уже расходились все». Наступил критический момент. Но, похоже, у Ариханды не пропало желание с ним общаться. И решив, что пора форсировать события, Алик начал убеждать ее встретиться сегодня вечером.

Вечером звонил несколько раз, она как бы отнекивалась. Но в промежутках между этими отнекиваниями он сумел узнать и на какой улице в Новом районе она живет, и номер дома, подъезда, этажа, квартиры…Было примерно полпервого ночи, когда Алик припарковал свою «семерку» во дворе соседней многоэтажки, поставил машину на сигнализацию и поднялся на лифте на ее восьмой этаж. У него было опасение, что она не откроет дверь, тогда он рассчитывал снова позвонить по мобильнику и начать «давить на совесть»: в такую погоду (стоял январский дубарь, еще и снежная крупа заметала), мол, хороший хозяин и собаку на двор не выгонит. К счастью, она открыла быстро: не хотела, чтоб он слишком долго маячил на лестничной клетке.

Была Ариханда в цветастом домашнем халатике, который хорошо подчеркивал достоинства ее фигуры. Алику вспомнилось прочитанное недавно про небезызвестного российского олигарха и бабника Бориса Березовского: он, мол, делит мужчин на три типа – «лицеистов», «фигуристов» и «душистов». Первые – это те, кто ценят в женщине, прежде всего, красоту лица, вторые – фигуры, а третьи – души. Любопытно, что и Алик, подобно Борису Абрамовичу, мог сказать про себя, что изначально он был «лицеистом», но с годами стал все больше становиться

«фигуристом». Впрочем, если говорить об Ариханде, то тут, похоже, было «прекрасно все».

Квартира оказалась трехкомнатной, с весьма добротным ремонтом. Стены столовой, куда провела его хозяйка, были обшиты деревом. Ариханда чувствовала себя довольно скованно, но когда стала приносить из кухни и ставить на массивный круглый полированный стол блюда традиционной абхазской кухни: курятину в ореховой подливе, ачапа, домашнюю водку, – стала ясно, что она к этой встрече готовилась.

– Не поздновато ли для застолья? Может, по чашке кофе хватит? – стал из вежливости отказываться Алик, хотя аппетитный вид поставленного на стол делал его протесты не совсем искренними.

После пары рюмок они почувствовали себя уже столь же свободно, как и во время телефонного общения. Дело неотвратимо шло к постели. Взрослые же действительно оба люди, оба желали этого. Тем не менее, ритуал требовал от Ариханды колебаний, смущений, попыток отправить его домой, но все в итоге окончилось, как и должно было окончиться.

…После часа сна их разбудил будильник, поставленный на пять утра, и вскоре Алик выскользнул из квартиры (предварительно Ариханда, на всякий случай, долго смотрела в глазок). «Вот это да! – думал он, выезжая из Нового района и вспоминая подробности этой сказочной ночи. – Любимая, увидишь: я превращу твою жизнь-зебру в жизнь-радугу!». «Жизнь-зебра» – это были ее слова о своей жизни, в которой, как и у многих, белая полоса, увы, быстро сменялась черной.

Их ночи любви стали довольно часто проходить по тому же примерно сценарию в ее квартире. Как-то во время одной из первых ночей Ариханда рассказала, не то жалуясь, не то завидуя, что несколько месяцев назад по соседству поселилась заполошная семейная парочка.

И, думая, что их в этом огромном полузаселенном доме никому не слышно, принялась ночами будить ее своими постельными криками. Они жили этажом ниже и, как и Ариханда, не могли спать без открытой форточки. И вот после этого ее рассказа он еще явственней представил себе, как в этой большой пустой квартире, надраенной до блеска ее неутомимыми руками, она тихо сходит с ума от одиночества.

Один раз она провела ночь у него. Алик встретил ее на остановке троллейбуса, когда уже стемнело, и, тоже соблюдая меры конспирации, провел в свою холостяцкую квартиру.

Но примечательно, что телефонное их общение не стало менее интенсивным. Когда они не виделись, все равно могли и утром, и посреди дня, и тем более по вечерам долго рассказывать друг другу о всех событиях дня, о том, что увидели и услышали.

На Восьмое Марта Алик решил сделать Ариханде сюрприз: приехав к ней поздно вечером 7-го «на ночевку», вручить подарок, как говорится, вместе с боем часов в 12. В качестве подарка, вернее подарков, были избраны цветок орхидеи («почти твоя тезка») в горшочке и фамильное золотое кольцо, сохранившееся в их семье от прабабушки.

– Ариханда, – поднялся Алик из-за стола, когда настал момент вручения, о котором он так много думал, и так много волновался, думая о нем. – Хочешь верь, хочешь нет, но за всю свою уже не короткую, хотя не такую уж яркую жизнь я всего два-три раза произносил эти сакраментальные слова: «Я тебя люблю». Хотя разнообразных любовных приключений… ты знаешь, я это никогда от тебя не скрывал… у меня было в десятки раз больше. Но я могу разбрасываться какими угодно словами, но только не этими. И никогда в жизни я не верил в свои слова так, как сегодня: «Я тебя люблю». В общем, не пора ли нам создавать ячейку общества? Не хватит ли уже играть в эти игры, таиться от людей, как будто мы преступники какие,

а? Да найду я подход к этому твоему Гарику, поеду в Аджампазру с такими авторитетными ребятами, что он сразу язык проглотит и угомонится.

Ариханда же, приняв кольцо, вдруг заплакала, так что Алик даже немного подрастерялся.

Вообще, она была эмоциональной, и это импонировало Алику. Женщина с «перчиком», не то, что его бывшая жена Лейла, слишком пресная, напоминавшая порой восковую куклу. Например, во время ночевок у Ариханды он стал каждый раз отправляться с ней в спальню «строем», под пение какой-нибудь советской маршевой песни: «Марш, марш, вперед, рабочий народ», «Смело мы в бой пойдем», «Вихри враждебные веют над нами», «Вперед, заре навстречу, товарищи, в борьбе», «Шли лихие эскадроны приамурских партизан», «Дети разных народов, мы мечтою о мире живем», «Сегодня мы не на параде, мы к коммунизму на пути»… Пел, вернее горланил, их слова, каждый раз стараясь вспомнить новую, правда, он один; Ариханда оправдывалась тем, что слов таких допотопных песен не знает и не хочет запоминать, но она охотно вышагивала рядом все три метра до дверей спальни, стараясь попадать с ним в ногу. Предложить что-то подобное в свое время Лейле ему как-то никогда не приходило в голову. Случись такое, она наверняка только нахмурилась бы и отказалась от этих глупостей.

Кстати, насчет «глупостей». Как-то Алик рассказал Ариханде про случай, который приключился с ним в конце 80-х. Встречался он тогда некоторое время с одной девушкой, про каких говорят, что сами-то они из деревни уехали, а вот деревня из них – нет. Ну, что значит «встречался»? После неудачной попытки поступления в университет она осталась жить и готовиться к новому штурму АГУ у своих сухумских родственников, а Алик был их хорошим знакомым и решил «наладить контакт» с симпатичной девчушкой, взяв как бы культурное шефство над ней. И вот после пары прогулок по набережной он предло-

жил ей сходить в кино. Но надо же было такому случиться: чехословацкий фильм, на который они пошли в кинотеатр «Сухум» (тогда – «Сухуми»), называвшийся «Боны и любовь», содержал в себе некоторые элементы эротики, в определенной мере уже дозволенной тогда в СССР и братских странах социализма. И во время оригинальной сцены: парень и девушка, оказавшиеся ночью наедине в квартире, целуются в дверном проеме между комнатами, а затем, если судить по движениям их силуэтов, переходят, стоя там же, к большему – девчушка вдруг громко, на весь почти заполненный кинозал, возмущенно вскричала: «Глупостями занимаются!». Алик не знал, куда деваться; ему пришло тогда в голову, что единственный для него выход – умереть на месте… Ариханда оценила юмор и пикантность той сценки, и с тех пор слово «глупости» стало у них с Аликом паролем: для посторонних ушей непонятно, но если он предлагал по телефону: «Как ты сегодня насчет глупостей?» – и она соглашалась, он уже планировал день так, чтобы вечером отправиться к ней на ночлег.

…В ту ночь ее объятия были как никогда, показалось ему, страстными, но потом, когда они разговаривали лежа на спине, Алик похолодел, услышав:

– Ты знаешь, Алик, я не могу взять от тебя кольцо. Не потому что не люблю… Я очень, очень тебя люблю, мой хороший. Но я после первых родов не могу иметь детей. «Пустая коробочка», как говорила моя свекруха.

*2007*

## ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Директор рекламно-дизайнерской фирмы «XXI век» Заур Джикирба уже почти засыпал, сидя в кресле перед телевизором. Хотя не было и девяти вечера, но дрема после обстоятельного домашнего ужина так и накатывала волнами… И вдруг высветившееся в левом верхнем углу

экрана цветное фото заставило его встрепенуться и сжать почти выпавший из руки пульт, который он привык вечерами у телевизора держать в деснице наподобие гетманской булавы.

«…В пятницу 12 мая, около девяти утра, – вещал бесстрастный голос дикторши, – вышла из дома и не вернулась Киртба Эсма Алхасовна, 1984 года рождения. Была одета: в сиреневую блузку, темно-синюю джинсовую юбку и черные босоножки на высоком каблуке. Рост – 168 сантиметров, волосы длинные, прямые, светло-русые, нос прямой, глаза голубые. Просьба ко всем, кто что-либо знает о ее местонахождении, срочно сообщить по телефонам…».

Пару минут Заур сидел переваривая услышанное, а потом потянулся к телефону.

– Добрый вечер. Людок, ты сейчас Абхазское телевидение смотрела?

– Нет, а что там? – откликнулась главбух Людмила Альбертовна.

– Да наша Эсмочка пропала, объявление было.

– Какая Эсмочка?

– Эсма, которая в прошлом году у нас работала. Киртба.

– Как пропала?

– Ну, вот этого, извини, в объявлении не сказали…

– Может, она замуж просто вышла?

– Ну, мать, ты даешь! Трое суток прошло. Она что, не позвонила бы?.. Представляю, что с ее родителями сейчас творится. Там столько телефонных номеров надавали: милицейский, домашний, сотовый…

– Ма-ама! Неужели убили? – Зауру моментально представилось, как подрагивает полное лицо Людмилы Альбертовны, а ее большие выразительные черные глаза наполняются слезами. – Сейчас и вправду столько маньяков по телевизору показывают. А она ведь девочка видная была – высокая, стройненькая. Красавица-девочка!

– Окстись, Людок, что значит «была»? Подожди хоронить, не причитай… Ладно, завтра по-любому надо к Алхасу заехать. Может, и мы чем поможем.

Заур положил трубку. Сонное состояние, конечно, вмиг улетучилось. Жена в соседней комнате шумно укладывала спать младшего сына, а он, вполглаза наблюдая за тем, что показывала программа «Время», погрузился в размышления, что же могло стрястись с Эсмой Киртба.

…Заур Джикирба основал ООО «XXI век» еще в конце XX века, когда такое название выглядело оригинально и даже несколько завораживающе. Однако, когда человечество после всех «охов» и «ахов» в связи с «миллениумом» стало жить-поживать в этом самом XXI веке, очень быстро весь аромат загадочности этого названия испарился. Но нет худа без добра – зато и «тезок» мастерской Заура среди наплодившихся в последние годы в Сухуме фирм и фирмочек, магазинчиков и кафешек, слава Богу, не появлялось. В отличие, конечно, от конкурентов в этом секторе бизнеса. Но мастерская «XXI век» (рекламно-дизайнерская деятельность, широкоформатное фото, полиграфические услуги) держалась-таки на плаву, хотя текучесть кадров все годы была постоянная: кто-то из сотрудников, посчитав, что с ним плохо «делятся», уходил, чтобы основать свое дело, кого-то переманивали «конкурирующие фирмы»… Но Эсма не вписывалась ни в одну из этих категорий уходивших. Она окончила экономический факультет АГУ и проработала несколько лет в каком-то ведомстве референтом по связям с общественностью, пока эту должность не сократили. Ее отец, старинный товарищ Заура, попросил его «пристроить девочку на время». А в «XXI веке» как раз было свободным место… ну, естественно, как это теперь принято называть, менеджера.

Она действительно проработала в мастерской месяцев шесть-семь, не больше, а потом ушла преподавать в какой-то колледж, которых тоже в последние годы расплодилось немало. Заур расставался с ней, безусловно, с со-

жалением, хотя с самого начала понимал, что надолго она здесь не задержится.

Такой, как она, самое место – быть на виду, среди множества людей, а не сидеть в маленькой мастерской, пусть даже и с громким названием «XXI век». Девчонка броская, что там говорить. Но броская – без крикливости в одежде и манере поведения. Не заносчивая, но и не простушка, которая не способна за себя постоять. В меру веселая и компанейская, в меру серьезная. В общем, славный человечек, как сказал однажды о ней заместитель Заура и отличный дизайнер Сурен. А благорасположение одного из старожилов «XXI века» Сурена не так-то просто заслужить. Этот, бывало, припечатает кого, так припечатает…

Но к Эсмочке все в коллективе относились с придыханием. Кстати, уж на что Заур терпеть не мог эту привычку – придавать абхазским именам русские уменьшительно-ласкательные суффиксы, когда, например, не дошкольник, а глава многочисленного семейства откликается на имя «Астик», но тут и он стал повторять за другими: «Эсмочка». Такая уж она была нежная, утонченная, «будто одинокая гвоздика на длинном стебле в высокой хрустальной вазе», как однажды на удивление всем выразился компьютерщик фирмы Эрик, казалось бы, совершенно не гораздый на такие цветистые выражения.

…На следующее утро Заур приехал в мастерскую полдесятого и вошел в конторку аккурат в момент, когда Людок наливала дымящийся кофе в чашку Сурена и в свою. Заур далеко не всегда присоединялся по утрам к этой парочке завзятых кофеманов, но сегодня не стал отказываться. Людмила Альбертовна снова взялась за кофеварку, а могучий, как гора, Сурен, сходу потребовал его комментариев к вчерашней сенсации:

– Ну, что про Эсмочку слышно? Звонил родителям?

– Да никуда я не звонил. По телефону неудобняк расспрашивать, сам понимаешь. Тут заехать надо…

– А версии?

Конечно, в голове у Заура крутилось разное, но все – такое, о чем не хотелось говорить вслух. Однако Сурен не унимался и начал рассуждать сам:

– В маньяков этих самых, серийных убийц я не верю. Такие у нас не водятся.

– Ничего нигде не водится, пока не заведется. Да и что вы оба заладили: маньяки, маньяки… А насильников-убийц у нас никогда не бывало? Помнишь, как перед войной в Новом районе история была, все обсуждали…

– А помните, мальчики, – вмешалась Людок, наливая кофе в чашку Заура, – как сразу после войны по телевизору показывали? Одну сухумскую девочку группа ребят увезла куда-то в горное село и месяц там держала. Выкуп хотели. Потом милиция туда понаехала и ее освободила…

– Да, да, эти пацаны подкинулись, что у нее какой-то дяхоз богатый в Америке живет… – вспомнил Сурен.

– Спасибо, конечно, Людочек, за «мальчиков», – Заур церемонно наклонил свои залысины, – но, поверь, здесь явно не тот случай. Семья у Эсмы, конечно не бедствует, но миллионами там и не пахнет.

– Ой, да выскочила, скорее всего, наша Эсмочка замуж, укатила куда-нибудь за речку Псоу, а домой сообщить почему-то не смогла, – засмеялся Сурен, поглаживая пышные усы, в которых активно пробивалась седина.

– Ерунду говоришь, – буркнул Заур, – никогда бы она так с родными не поступила. Тысячи способов сообщить есть…

Тут подошли заказчики, и Людмила Альбертовна занялась ими. Заур и Сурен допивали кофе молча.

Вскоре появился Эрик. И, как обычно, молча застыл на пороге, махнув в знак общего приветствия рукой, которую кто-то увидел, а кто-то – занятый своими делами – нет. Людмила, которая обычно любила его «перевоспитывать» за то, что так невнятно здоровается, на этот раз сразу заругалась с Эриком из-за какого-то заказа, который тот должен был закончить еще неделю назад. И лишь отругавшись, спросила:

– Ты хоть слышал насчет Эсмочки?

– Что?

– Что пропала…

На лице Эрика сменилась целая гамма чувств, пока он, наконец, выдавил из себя:

– Да, слышал.

– Вот не хлопал бы ушами, – подал голос из своего угла злоязыкий Сурен, – а украл бы ее, как люди делают, сидела бы Эсмочка сейчас как молодая домохозяйка дома – и ничего б с ней такого не случилось.

Это был, конечно, чистый подкол, и все это понимали, кроме, может быть, самого Эрика.

– Ладно, – вмешался Заур, – об этом позже. А сейчас, Эрик, быстро давай за работу. Заказчик уже дважды обещал тебе голову оторвать.

Эрик молча уткнулся в дисплей своего компьютера. Но Сурен все же не удержался от еще одной реплики на тему:

– Вот если Эрик подключится к поискам Эсмочки… А он точно землю носом рыл бы… И найдет… Вот тогда бы она просто обязана будет выйти за него. Согласна, Альбертовна?

…Это была история, которую с год назад смаковал весь маленький коллектив «XXI века». Вскоре после увольнения Эсмы с работы, Эрик проговорился, что влюблен в нее и хотел бы на ней жениться. Коллективно с ним эта деликатная тема, конечно, не обсуждалась. Разговоры велись, как правило, один на один, «по секрету». Эрик то начинал просить Люду зайти в колледж и откровенно поговорить о нем с Эсмой, то вдруг менял свое решение и просил лишь «прощупать» почву в таком разговоре. То советовался, как ему быть, с Зауром. То просил Сурена, который жил в одном микрорайоне с Эсмой, в Синопе, передать ей в подарок какую-то компьтерную графику, свою работу… Естественный вопрос: «А о чем же ты раньше думал, когда она у нас работала?» – если и задавался, то чисто для проформы, как риторический. И так было понятно: решиться не мог.

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. И дело не только в почти пятнадцатилетней разнице в возрасте: ей – 26, ему – 40. Даже представить себе Эсму рядом с таким зажатым, неловким субъектом, было бы странно.

– Я сам чудак, многих чудаков видел, но такого чудака еще не встречал, – вздохнул как-то по его поводу Сурен.

– Чудака на букву «м»? – уточнила дотошная Люда.

– Ну, это уж на твое усмотрение.

Нет, Эрик не был уродлив, как горбун Квазимодо, влюбившийся в красавицу Эсмеральду (почти, кстати, как Эсма, подумалось однажды Зауру), он был просто невзрачен и неприметен настолько, что казалось: стеклянные двери с фотоэлементом, которые сами распахиваются перед входящими и выходящими, перед ним вряд ли распахнутся. И, конечно, то, что он тут на что-то продолжал рассчитывать, было лишним проявлением его, мягко говоря, чудаковатости. Или «тормознутости» (Сурен не раз в сердцах называл его «ручником»).

***

У дома Эсмы стояло несколько легковушек. «Словно на оплакивание съехались», – подумал Заур, втискивая свой «Опель» в промежуток между двумя машинами. И тут же мысленно поправился: «Скажем шире – на «несчастье». А в доме-то и впрямь несчастье».

Такой же худощавый, как и Эсмочка, Алхас поднялся навстречу им с Людой со скамейки во дворе дома, и сердце сжалось при виде его потемневшего лица. Зауру представилось, как во множестве мест в городе сегодня с утра велись разговоры об этом исчезновении: везде, конечно, сочувственно, но у кого-то в словах наверняка проскальзывала тщательно маскируемое удовольствие от возможности посудачить о чужой беде, кто-то по привычке старался выделиться большей, чем у других информированностью, а кто-то – своими де-

дуктивными способностями, – и лишь в душах хозяев дома все подавляли горе и страх, что их красавица-дочь, возможно, не переступит больше этот порог.

– Утром – все как всегда. Позавтракала, поехала на работу. Из маршрутки позвонила матери: посмотри, мол, на моем столе справочник «Альфа и Омега» не лежит? Хотела в колледж взять, да забыла… А после обеда начали ей звонить – не отвечает, – рассказывал им с Людмилой Алхас. В сотый, наверное, уже раз рассказывал, включая свои показания милиции. Скорее всего, это был один из самых сокращенных вариантов его рассказа, но вряд ли, подумал сейчас Заур, их повторение так уж утомляло хозяина дома; может, наоборот, он черпал в этом повторе какие-то силы. Да и надежда, наверное, не оставляла: вдруг очередной собеседник, услышав о деталях, вспомнит что-то полезное – город небольшой, пересечений может быть уйма…

– А что в колледже говорят? – спросил Заур.

– Ничего особенного. Прочитала две лекции, около часу вышла из здания… Тут, через несколько минут, гроза налетела: гром, молния, ливень… Ну, помните же, что в тот день было.

– Да, да, – вспомнил Заур, – в Гагре та гроза еще больше, чем у нас, дел натворила…Послушай, Алхас, есть тут у меня одна мысль…

Извинившись перед Людой и еще парой человек, стоявших с ними, они отошли на несколько шагов в сторону.

– В общем, краем уха слышал, – продолжил Заур, – что у Эсмочки налаживались отношения с одним молодым лектором АГУ, моим знакомым. Ну, встречались, мол, в общей кампании, по набережной гуляли. Беслан его зовут.

– В первый раз слышу. Ну, потом?..

– Я никому пока об этой версии не говорил. Звоню, в общем, сегодня ему несколько раз: «телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Я даже знаю, где он живет. Если хочешь, можем проскочить к нему. Что тут сложа руки сидеть?

Алхас, подумав, сказал:

– Поехали. На твоей или моей?

– Давай на моей. Заодно Альбертовну домой завезу.

Через минут десять оба стояли у калитки особняка в районе центрального рынка и ждали. Вышедшая на их голоса старушка запропастилась, казалось, на вечность. Наконец, к калитке вышел рослый черноволосый парень лет тридцати. И, поздоровавшись, стал упрашивать их зайти в дом.

– Нет, Беслан, мы на минуту. У тебя чего телефон был выключен? А-а, на зарядке стоял… Скажи, ты же с Эсмой Киртба знаком? Вот это ее отец…

Почему у этого красавца-парня так забегали глаза? Или сейчас Зауру уже все казалось подозрительным? Не исключено, это было вполне естественное смущение молодого человека перед отцом девушки, которую он рассматривает в качестве потенциальной невесты…

Беслан повел себя в полном соответствии с тем, как должен был повести: сокрушенно развел руками, стал рассказывать, когда видел ее в последний раз – за день до 12 мая они в общей компании, человек пять-шесть, сидели в «Пингвине», болтали о том, о сем…

– Как понять «человек пять-шесть»? – решил зачем-то уточнить Заур. – Так пять или шесть?

– Ну, вообще-то, семь, – подумав, ответил Беслан. – Просто кто-то позже подошел, кто-то раньше ушел.

– А откуда вы Эсму знаете? – это уже Алхас спросил.

– Моя сестра – ее коллега по работе, – исчерпывающе объяснил Беслан.

– Ну, и какие версии есть у вас, у всех в вашей компании? – смягчился Алхас.

– Никто ничего не может понять.

***

– Благодать, – Заур, пригубив чашку кофе, поставил ее на столик. Морской ветерок дул ему в спину, трепал корот-

кие рукава сорочки. – Ну какой кондиционер с «Амрой» сравнится… А помнишь, что тут до войны творилось?

– Ну да, да, сто раз мы с тобой это вспоминали. Столпотворение, – усмехнулся Сурен. – Я же тоже «амритянин» со стажем.

– «Амритянин»… Не люблю этой кастовости. Ну, кто такие «амритяне»? Те, кто тут каждый вечер часами сидели, витийствовали? Или раз-два в неделю сюда поднимались? Где грань? А может, это такой эвфемизм, чтобы разграничивать «старых» сухумских жителей и после войны «понаехавших»? Ладно, что нам с Эриком делать? Два дня уже в мастерской не появлялся, заказчик рвет и мечет.

– Звонил ему?

– Много раз. То не берет трубку, то отключено у него. Пару раз дозвонился: да, да, говорит, скоро буду – и снова ни слуху, ни духу. Может, домой к нему заедем завтра с утра?

– Как он уже достал своими прибабахами…

– Да, лазит всю ночь в интернете, потому что ночью дешевле, а потом отсыпается до обеда. Я ему говорю: ну, спи тогда вечером, а утром приходи на работу. Дохлый номер: а вечером, говорит, все самые интересные телепрограммы. Уволить бы его к чертовой матери… Но как работник он нам нужен.

– В том-то и дело – компьютерщик от Бога. Ну, знаешь, сейчас во всем мире таких полно, которые там живут, в интернете. Интересно, а до того, как интернет пришел в Абхазию, как он жил? Все равно, по-моему, в каком-то своем обособленном мирке…

– Недавно знаешь, что он мне рассказал? Оказывается, каким-то американским изданием… не помню, каким… был составлен список богатейших людей за всю историю человечества. Список состоит из 25 человек, а размер их состояния определялся в долларах США 2012 года с поправкой на инфляцию. Так вот, пятое место в этом списке занимает… кто бы ты думал… Николай Второй, по-

следний русский царь. А первое – какой-то Муса Первый, царек африканского государства Мали в четырнадцатом веке. В пересчете на нынешние деньги у него было 400 миллиардов долларов – за счет золота и соли, которым обладал.

– Осподя… Мне бы его заботы…А после того, как Эсмочка пропала, вообще парень тронулся. Хотя спрашивается: кто она ему и кто он ей?

– Ничего, кстати, нового не слышал?

Сурен мрачно помотал головой.

– Я позавчера к ним заходил. Все то же… Да какие у нас следаки? Птенцы желторотые. Ни одной зацепки так и не нашли. Все, испарилась девчонка, шла по улице – и распалась на атомы…

– Да, не хочется думать о худшем, но… Обычно в таких случаях люди больше не появляются.

– Типун тебе на язык. Да сколько случаев было…

– Ну, сколько? Какие?

– А как одна драндская девчушка приехала на маршрутке в Сухум и после никто ее не видел? Тоже объявление по телевизору давали. А оказалось, что она в Сочи рожать отправилась.

– Ну, ты думай, что говоришь. Эсма не так воспитана. Ты что, можешь представить себе… И чтоб она сама, сознательно, заставила родителей вот так с ума сходить, волноваться?

– Слушай, я же не сказал, что тут то же самое. А Эрик что говорил о ее исчезновении? «Тронулся», ты сказал.

– Ну, как «тронулся»? У него-то, сам знаешь, давно крыша… в пути. Отмалчивался, в основном, но видно, как переживает.

– Да, помню, как он меня в прошлом году месяц доставал: найди, мол, повод и позвони Эсме, чтоб она в мастерскую пришла. В колледже-то ему, понятно, стыдно было маячить, искать ее, там куча народа. Я говорю: «Милый мой! Вы тут, бывало, часами вдвоем наедине сидели. Что

у тебя, язык тогда отсыхал?». Молчит. Но знаю: если я его просьбу проигнорирую, возненавидит. А если начну ему объяснять, что там ему ловить нечего – тогда вообще по гроб врагом стану. Ладно, думаю, пусть сам убедится. И чем раньше, тем лучше, чтоб побыстрее перестал себе и всем вокруг голову морочить. И тут как раз надо было Эсме запись в трудовую книжку сделать; предупредил его, что она придет. Пока она у меня в кабинете сидела, позвал его какую-то бумагу почитать, а сам по своим делам вышел. Прихожу минут через пять. Оба сидят как сычи. «Ну что, – потом его спрашиваю, – признался, наконец?». Нет, говорит. И начал меня упрекать, что я за день до ее прихода его не предупредил, чтоб он с духом собрался.

– Ох, мама дорогая… А он не просил тебя с ней поговорить?

– Нет, миновала меня чаша сия. Да я бы и не согласился, ты что… Знаешь, как абхазцы говорят? Не тот дурак, кто кукурузу на чердаке сеял, а тот, кто ему помогал. Чтоб потом Эсма на меня всю жизнь с неприязнью смотрела? А тебя не просил?

– Я на опережение сыграл. Пойми, говорю, эта девочка тебе не по зубам…

– Так и сказал? А он?

– Да, так и сказал. Вот вы с Альбертовной малодушничали… А розовые очки с человека надо сбивать сразу, одним махом. Для его же пользы. А он… что он… Когда посмотрел на меня, думал: убьет. Потом говорит: «А ты что, мои зубы измерял, исследовал?».

– Смотри… Не ожидал… Знаешь, а ведь я однажды Эрику посочувствовал. Когда он так высказался: она говорит, навсегда в моем сердце, и я, сколько ни пытаюсь, не могу вырвать ее из своей груди; вырвать ее можно только с сердцем.

– Ух ты, прямо «Гранатовый браслет» какой-то…

– Интересное сравнение. То есть Эрик – это влюбленный чиновник Желтков, а Эсмочка – княгиня Шеина?.. Не

знаю, по-моему, сейчас ты ему слишком польстил. К тому же он оказался не таким уж однолюбом. Или просто дело в том, что любая книжка заканчивается, а жизнь продолжается? «Тик-так ходики, поджимают годики». Потом он, если помнишь, на другую переключился. Тоже молоденькую, даже моложе Эсмы. Помнишь, продавщица-армянка из магазина, где он ночным сторожем подрабатывал.

– Ну, той вообще 23 было. Я ее, правда, ни разу не видел.

– Так я тоже…

– И снова: там он с ней постоянно сталкивался, но объясниться все никак не мог. А в мастерскую приходит и снова просит меня: позвони вот по этому телефону в магазин и попроси, чтоб она подошла… Не помню уже, как ее звали… Тут я не выдержал, взорвался… А потом все равно позвонил-таки, чтобы он обиды не затаил. К счастью, ее на месте не оказалось. Но та влюбленность у него быстро закончилась.

– Н-да, какое все-таки это увлекательное занятие – злословить о ближнем, как мы сейчас.

– Ну, ты меня прости, лично я не злословлю. Мне его искренне жаль.

– А мне – нет. И почему мы должны его жалеть? Он что, убогий, увечный, больной? Кстати, согласись, что внешне парень вполне даже ничего. Рост – нормальный, телосложение – нормальное, черты лица – нормальные… А если он по жизни такой… Тогда давай бездельника будем жалеть за то, что бездельник, наркушу – за то, что наркуша… А у Эрика душа переполнена не только обид на весь мир, но и озлобленности. Это он в компании, среди народа – такой тихий. А останешься с ним один на один – о-о, какое клокотание начнется!.. У тебя с ним, по-моему, гораздо меньше таких задушевных бесед было, чем у меня. Раз, помню, на что-то обиделся, вскочил с дивана… Потом демонстративно пустой стул на пол опрокинул и вышел…

– Интересный жест.

– Но и тебе, по-моему, приходилось слышать его длинные запальчивые речи о тотальной несправедливости мира, в котором мы живем. Причем каждый раз он на собеседника агрессию выплескивает. Я ему: «Подожди, а от меня ты что хочешь? Я допускал к тебе по работе несправедливое отношение, ущемлял в чем-то? Нет. Я их защищаю, этих жуликов, чиновников-коррупционеров и так далее? Нет. Ну, тогда чего ты из меня душу вынимаешь? Ты обижен на весь мир, но забываешь, что Бог неравно делит. И для того, чтобы добиться чего-то в жизни, нужны обычно не только мозги, но, увы, и локти. Вернее, мозги не только физика-теоретика».

– Ну, а вот скажи на милость, что мешало Эрику в свое время не искать принцессу-распринцессу, а найти себе подобную… ведь нет такого человека на Земле, которому не нашлась бы пара… создать семью… Жить, как люди живут.

– О, дорогой мой… Ты задаешь такой философский вопрос! Тайна сия велика есть. А может, наоборот, все слишком просто… таков, как говорится, божественный промысел. А почему еще сотни миллионов лет назад самцы разных животных стремились показать, что у кого-то из них хвост пушистее, рога ветвистее, сшибались и даже гибли в брачных боях, как будто просто так, без проблем, не могли спариться? А почему началась Троянская война, по крайней мере – по версии Гомера? А что, тот самый «влюбленный телеграфист», над которым смеялись в «Гранатовом браслете», а на самом деле мелкий чиновник Контрольной палаты Желтков, не мог бы своевременно жениться на себе подобной и прожить обычную, вполне счастливую жизнь? Но мы ведь не смеемся над ним, а впечатлены его проникновенными, пронзительными словами любви. Помнишь, перед самоубийством он ощущал себя счастливейшим человеком, потому ему была дарована эта любовь. Не то что бесперспективная, а вообще бессмысленная! Да, это своего рода психическая болезнь, неспо-

собность адекватно оценить окружающую реальность. Но какая возвышенная болезнь… А почему мы тогда смеемся над Эриком?

***

Удивительно, но такому «человеку не от мира сего», как Эрик, в свое время нежданно-негаданно обломился целый домище с приусадебным участком. При этом он ни на минуту не изменился, не стал деловым и оборотистым. Просто таким вот чудодейственным для него образом совпали обстоятельства. Его старший брат, прошедший всю войну с оружием в руках от первых до последних выстрелов, в октябре 93-го занял дом на почти полностью опустевшей улице на северной окраине Сухума. («Все как сто с лишним лет назад, – любил порассуждать на эту тему Заур, – только тогда после русско-турецкой войны в Османскую империю ушло большинство абхазов и на их месте поселились, в основном, грузины, а сейчас, наоборот, – грузины ушли на родину предков, а на их место, то есть на свое прежнее, поселились абхазы»). Но спустя пару недель брат Эрика облюбовал для себя и своей семьи гораздо более понравившийся ему дом в прибрежной части города, который на тот момент тоже оказался «бесхозяйным», а этот, окраинный, отдал ему. Эрик учился на момент начала войны на физмате пединститута в Брянске, на очном отделении, несколько раз порывался (ну, точнее скажем так: обозначал намерение) бросить учебу и тоже отправиться воевать, но на семейном совете ему строго-настрого запрещено было это делать; как сказал отец, польза на фронте от него будет нулевая, а вероятность того, что в первом же бою подставит голову под пулю, – стопроцентная.

Дом и подворье Эрика сразу заставляли подумать об отсутствии здесь как женской, так и хозяйской мужской руки. Большое громоздкое строение из шлакоблоков воз-

вышалось в самом конце улицы на порядочном удалении от других домов, над обрывистым берегом безымянной речушки, наподобие мрачной старинной крепости. Сам Эрик рассказывал, что в нескольких жилых комнатах домины он, заселившись, обнаружил брошенные патроны, использованные одноразовые шприцы, то есть там, скорее всего, в последние дни войны разместилось подразделение грузинских гвардейцев, где были и наркуши. А в одной из дальних комнатушек – старую ветхую женскую одежонку: в довоенные годы доживала, видно, здесь свой век одинокая старушка.

Было полдесятого утра, когда Заур и Сурен, вдоволь наоравшись снизу: «Эрик, выходи, подлый трус!», стали, чертыхаясь, подниматься на второй этаж по заставленной банками-склянками широкой каменной лестнице. Сурен пару раз увесисто стукнул кулаком в массивную порядком изъеденную древесным жучком дверь. Ответом было молчание. Мобильник Эрика по-прежнему не отвечал. Но тут Заур увидел в окне его мелькнувшее лицо и махнул рукой: «Эрик, открывай, подлый трус. Мы с Суреном в гости пришли».

***

Все вдруг совпало: и хлынувший ливень, и совершенно пустая после только что отошедшей маршрутки остановка, и брат сегодня без разговоров дал ему на пару часов машину… А еще, наверное, в Эсмочке жили угрызения совести после того прошлогоднего случая, когда он точно так же, широко улыбаясь, предложил подвезти ее после двадцати минут ожидания у этой остановки, а она, не снизойдя даже до объяснений, отрицательно помотала головой и молча обошла его, как обходят попавшийся на дороге столб. Она поспешила тогда к маршрутке, а он так и застыл с будто приклеенной, много раз отрепетированной «голливудской» улыбкой. Нет, конечно, можно было

сказать себе: ну, допустим, в маршрутке уже подружка сидела, с которой они только что по мобильнику разговаривали, и она собиралась с ней поехать. Да, много чего можно было себе представить… Но вот это выражение неприязни, чуть ли не брезгливости на лице – оно же ему не приснилось, и его не сотрешь из памяти… Ладно, не будем злопамятны… Главное – она на этот раз приветливо с ним поздоровалась. На душе потеплело.

– У вас, Эрик, кто-то знакомый в этом районе живет? – спросила она, усаживаясь рядом.

– Да товарищ мой, иногда к нему заезжаю, – ответил он, не солгав ни единым словом. На соседней улице действительно жил один его знакомый, и когда-то пару раз он действительно бывал у него.

Дождь уже с силой лупил по капоту. Поспешил завести мотор… Время пошло. До поворота две минуты езды, потом по прямой до колледжа еще минут пять, без остановок перед светофорами. Надо брать быка за рога, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно потраченные секунды.

– Ну, как тебе в колледже работается?

– Мне нравится.

– Замуж еще не вышла?

– Нет.

– И не собираешься пока?

– И не собираюсь пока.

– Ну, так выходи за меня.

– За вас?..

Как подарок неба где-то со стороны моря сверкнула молния, вслед за которой оглушили раскаты грома. Иначе бы, наверное, его барабанные перепонки лопнули от невыносимой тишины наступившей паузы. Во рту пересохло. От волнения он не заметил «лежачего полицейского», и их здорово тряхнуло.

– Ну, так что? – осмелился, наконец, он бросить взгляд в ее сторону. Она сидела, сжавшись в нервный комок.

– Если вы не шутили, давайте будем считать, что я ничего не слышала.

«Ладно, все путем, – успокаивал он себя. – Ну, какая порядочная девушка сразу согласится?».

– Эсма, – начал он свой десятки раз произнесенный в мыслях монолог. – Я все понимаю. Конечно, мне до тебя далеко, как до звезды. Но у меня есть то, чего ни у кого нет. Такого чувства, как у меня к тебе, ни у кого нет и не будет.

– А как вам кажется: мне оно надо, ваше «чуйство»?

У Эрика потемнело в глазах.

– Знаете, я не хочу вам грубить, хамить… Поэтому лучше остановите машину, я как-нибудь доберусь…

Шедший впереди «Фольксваген» затормозил, и, чтобы избежать столкновения, Эрик крутанул руль вправо. Так и есть: уже перед вокзалом начиналась пробка. Много десятилетий, независимо от смены властей и экономических формаций, стоит пойти хорошему дождю, как на участке трассы между вокзалом и бензоколонкой, где протекает речушка, образуется огромная лужа, этакий мини-потоп. Легковушки с низкой посадкой часто не могли проехать и отправлялись в объезд, чуть ли не через село Яштхуа, а пешеходы поднимались на железнодорожную насыпь и шли по ней. Вот и Эрик, не долго думая, подал назад и свернул вправо, в проулок.

Эсма ударилась в панику и стала кричать, чтобы он остановил машину. Решила, что он ее хочет украсть? Она что, не знает, что девушек гурьбой дружков воруют и что он – не из тех, кто может вот так, силой навязать девушке свою волю?

– Эсма, не сходи с ума! Ты за кого меня принимаешь?

– Негодяй! Мои родные знаете, что с вами сделают!.. Остановите сейчас же!

Она попыталась на ходу открыть дверцу, он попытался затормозить, но в растерянности перепутал педали и нажал на газ. Навстречу стремительно летело дерево.

Сколько их, «деревьев смерти» растет в Сухуме и его окрестностях!.. Каким-то чудом он успел вывернуть руль, но машина все же задела по касательной это проклятое дерево. Раздался звон разбившейся фары… Он не заметил, что происходило с Эсмой в момент столкновения, но, взглянув на нее в следующую секунду, увидел, что она сидит без движения, уткнувшись лбом в ветровое стекло. Ужас... Он боялся притронуться к ней. Но и делать что-то было надо…

Машина, что удивительно, завелась с первого же поворота ключа. Он выехал на дорогу и двинулся дальше, лихорадочно соображая, что делать. Теперь настало время паниковать ему. Хотя удар не был так силен, чтобы могло произойти что-то серьезное. Когда начался участок дороги, проходивший у кустарника, вдали от жилых домов, он заглушил мотор и, тихонько взяв Эсму за плечи, откинул ее на сиденье. Никаких видимых ушибов не было. А на виске ее пульсировала голубая жилка, которую ему нестерпимо захотелось поцеловать.

Через метров триста была развилка. Дорога влево вела в город. Там – больница, где Эсму привели бы в чувство и оказали помощь. А потом бы начались неминуемые разборки…

И он свернул направо – туда, где примерно через километр находился его дом.

А дождь хлестал не переставая.

В такую погоду вряд ли кто высунет нос из дому, и это было хорошо.

Эрик остановил машину впритык с лестницей своего дома. Еще раз, замирая, посмотрел на будто спящую Эсму. И не выдержал, коснулся губами пульсирующей жилки на ее виске. Она не шевельнулась.

Словно во сне… или нет… словно управляемая радиомодель, он поднялся по каменным ступенькам наверх, открыл ключом дверь, спустился к машине, открыл дверцу с той стороны, где сидела Эсма, сгреб ее в охапку (она

оказалась, как он и думал, очень легкой) и потащил вверх по лестнице.

В зале опустил на диван.

***

– Посмотри, любимая, что я тебе принес.

Фразу эту Эрик выложил одновременно с водружением на стол в углу двух черных полиэтиленовых пакетов. Щелкнул выключателем, после чего полутемный «каземат» озарился светом электролампочки, и понес показывать Эсме довольно увесистый прозрачный кулек с крупной клубникой.

Эсма, полулежавшая на старой железной кровати, резко повернула лицо к стене, молча демонстрируя отвращение ко всему, что могла сейчас увидеть и услышать. Но ноздри ее точеного носика не раздувались от гнева, как в первые дни. И это было расценено Эриком как добрый знак, хотя в глубине души понимал: скорее всего, она просто устала от пережитого, и только.

«Посмотри, любимая, что я тебе принес», – повторил он мысленно. То ли это была оставшаяся в закоулках памяти фраза из какого-то старого фильма, то ли сам он ее слепил поднимаясь по лестнице из того, что было на душе…

– Сейчас будет завтрак, – сообщил Эрик. Он положил кулек на стол, вернулся к кровати и присел на стул рядом с ней. – Чай с твоим любимым сыром и клубника со взбитыми сливками. Ну, как твоя ручка? Давай помассирую.

Прямо перед ним, в полуметре от него, было прекрасное лицо любимой. Оно казалось ему еще прекрасней без всех этих женских штучек – ухищрений, именуемых макияжем.

Она резко отклонила подвешенный в воздухе острый локоток, которого он хотел коснуться. Узкое запястье натерто браслетом наручников, застегнутых на водопрово-

дной трубе, ведущей к нагревательному баку. Но ничего, укрощение строптивой продолжается…

***

В Анапе, где три года назад Эрик гостил у осевшего там в свое время родственника, ему пришлось пережить весьма сильные впечатления. Он шел по набережной и, свернув от центрального пляжа вверх, наткнулся на музей средневековых пыток. Какое отношение имели средневековые пытки к окружавшей Эрика курортной неге? Да никакого! Просто мозаика курортной индустрии была здесь настолько разнообразна, что нашлось место и для такого.

Экспозиция состояла из двух зальчиков, по периметру которых стояли восковые фигуры представителей святой инквизиции, палачей со зверскими физиономиями, ряд которых неожиданно венчал тогда еще живой Усама бен Ладен. Но рассматривать их было не столь интересно, как установленные вперемешку с ними деревянные и железные орудия пыток: колоды, дыбы, «ведьмино кресло», «канатная постель», дробитель черепа, стул для перелома позвоночника, «испанские сапоги»… Тут же на стенах висели тексты, описывающие, как, когда и где применялись эти «милые штучки».

Самым безобидным, почти не причинявшим физических мучений орудием была широкая доска с двумя отверстиями для шеи, – «скрипка сплетниц». Точнее, это были две доски, соединенные и закрываемые на замок после того, как шеи женщин оказывались в этих отверстиях. Сплетницы должны были ходить по центру города, в самых людных местах, соединенные этой доской и подвергаемые осмеянию и поношению. Естественно, в сопровождении исполнителя наказания – экзекутора. А что, подумалось Эрику, недурственно придумано. Оно бы и сегодня было неплохо – если б некоторых сухумских «трещоток» поводили вот так по проспекту Мира да по набережной…

А начиналась экспозиция с «позорного столба». Это был, впрочем, не столб, а вертикально стоявшая колода высотой в человеческий рост с отверстиями для рук и головы. Точнее, для запястий и шеи. Эрик попытался просунуть кулак в одно из крайних отверстий, но, естественно, у него ничего не получилось: для этого нужно было сперва поднять верхнюю доску, которая была жестко закреплена висевшим на скобе ржавым навесным замком. Да, постоять в таком устройстве несколько часов с зажатыми в нем головой и руками – и, как сообщал сопроводительный текст, немалые проблемы появятся с суставами рук и шеи… Это не говоря уже об ощущении моральной раздавленности, которое испытывал человек, поставленный в столь униженное и уязвимое положение.

Рядом на приставке лежали рисунки, для сохранности запечатанные в полиэтилен. Одна из картинок поразила, впрочем, не жестокостью, а скорее эротичностью – обнаженная стройная молодая женщина была изображена на ней в согнутом виде: щиколотки зажаты в колоде, лежащей на более высокой плоскости, а шея и запястья – в другой, на более низком уровне.

Далее шли все более суровые приспособления – дробящие кости, приводящие к увечьям и смерти. А чего стоила бочка с вбитыми остриями вовнутрь большими ржавыми гвоздями: при одной только мысли, каково было чувствовать себя помещенному в эту бочку, мороз продирал по коже. И завершало экспозицию жуткое орудие казни, пришедшее в средневековую Европу с Востока – кол. Гладкий, высотой примерно в человеческий рост, диаметром в 7-8 сантиметров, заостренный вверху. В сопроводительном тексте подробно рассказывалось, как сажали на кол – сперва на смазанное жиром острие насаживали человека, лежащего на боку, потом кол поднимали вертикально и закрепляли. Казненный мог умирать на нем несколько суток… Было там также и упоминание о том, что знаменитый румынский владетель Влад IV, он же Дракула, конечно, никаким вампиром не был, но зато любил пировать во дворе в окружении умирающих на колах врагов.

Дерево, из которого были сделаны все экспонаты, выглядело старым, потертым, но Эрику все время думалось, что это искусно состаренный новодел, муляжи, однако когда спросил у кассирши на входе, та сказала, что это подлинные предметы, которым по несколько сот лет, что они хранились в каком-то замке в Бельгии. Она даже упомянула, как называется этот замок, но он не запомнил. Ничего себе, так значит, все эти деревяшки и железки и впрямь когда-то извлекали душераздирающие крики и стоны из реальных, из плоти и крови людей…

Спустя время орудия из музея стали приходить к Эрику во время его утренних, сразу после сна, и вечерних, перед сном, погружений в мечтания на постели. Причем поначалу это было лишь острой приправой к основному блюду – позитиву, сладким видениям того, как, например, он с парой телохранителей и кругленькой суммой на счету («ах, как хочется порою положить лимон не в чай, а в швейцарский банк») совершает неспешное кругосветное путешествие, включая самые экзотические страны и не пренебрегая сексуальным туризмом, как он становится новым Биллом Гейтсом или Марком Цукербергом и постепенно (куда спешить?) вытесняет этих ребят с их строчек в списке Форбс… Но чем дальше, тем больше в видениях его становилось чернухи с картинками изощренных пыток: жизнь преподносила удар за ударом, которые пополняли число ненавидимых им людей, и душа полнилась жаждой мести.

С некоторых пор он все чаще воображал себе сумеречные своды, под которыми проходит СУД над теми, кто когда-либо имел роковую неосторожность его задеть, оскорбить, унизить… Начиная с того хулиганистого мальчишки, его одноклассника в интернате, имя которого память даже не сохранила: наверное, потому что учились вместе они только в младших классах. Мальчишечка был явный садист; как-то ни с того, ни с сего, сидя рядом с Эриком в школьном дворе на лавочке во время перемены, он зажал его голову у себя между коленок и начал обеими руками с силой рвать у него волосы на голове. Было жутко больно,

на глазах у Эрика выступили слезы, но он молчал, терпел изо всех сил, потому что кричать было стыдно, а высвободиться не мог – так ловко юный садист сплел ему перед этим руки и сделал беспомощным… Он не знал, жив ли еще тот юный мерзавец, но желание воздать ему сторицей не утихало за минувшие десятилетия… Ну, а заодно и той сухопарой воспитательнице в интернате, которая не пустила его, маленького, в туалет во время тихого часа: «Нечего, нечего, потерпишь, скоро уже подъем...».

А Ленька Колушкин, его брянский однокурсник, плейбой и разгильдяй – как же тут без него! Однажды на первом курсе он встретил Эрика поздним вечером в коридоре институтской общаги и, пошатываясь, сообщил, что придумал для него определение: «моральный импотент». До смерти хотелось в ту минуту съездить кулаком по его пьяной морде, но… То, что Эрик так и не смог, не в силах был это сделать, доказывало, в общем-то, правоту Колушкина…

А вот еще один персонаж.. Как-то, незадолго перед войной, зимой, шел Эрик по проспекту Мира в Сухуме близ горсовета, столкнулся на тротуаре с красивой девушкой с бумажной папкой в руке, которая, кажется, работала где-то рядом, может, даже в горсовете, и задал ей вопрос – типа как пройти куда-то. Просто захотелось остановить ее на секунду, услышать ее голос. Она ответила, он поблагодарил и пошел дальше. Слова лишнего не сказал. Но когда перешел на другую сторону улицы, у самого почти перекрестка его остановил плотно сбитый мужчина в сером пальто и спросил: «Ты чего сейчас к той девчонке подходил, что хотел?». Чуть поодаль от него стояли еще двое. «Просто спросил…». «Что спросил?». Плотный не стал разбираться и крепко зажал его нос между указательным и средним пальцами своей правой руки, да так крепко… Мимо шли прохожие и смотрели. Больше он его никогда, кажется, не видел; скорее всего, его обидчика унес ветер грузино-абхазской войны. Даже лицо его стерлось из памяти. Но Плотный почти всегда фигурировал в воображаемых им судебных процессах.

Кстати, сам он участвовал в них только в качестве зрителя. Тихонько, незаметно для окружающих присаживался на одну из нижних расположенных амфитеатром скамеек со зрителями и становился бессловесным свидетелем происходящего. Процессы же были самые настоящие – с судьей, прокурором, адвокатом, и разбиралось каждое обвинение против разномастных обидчиков Эрика очень тщательно, всесторонне. Но практически все обвиняемые, даже самые наглые и дерзкие, быстро ломались, поскольку процессы шли конвейером; те, кто ждали своей очереди с головой и руками, зажатыми в «позорном столбе», наблюдали, как обвиняемые отвечали на вопросы. Если ответы тех казались судье неискренними, они тут же получали оглушительный удар по голове длинной деревянной колотушкой с утолщением на конце, обмотанным тряпками. А еще стоявшие в очереди наблюдали за теми, кто, уже приговоренный, издыхал на колу, помещался в яму с голодным львом или корчился в «ведьмином кресле». А еще была ультрасовременная электрогильотина с десятком разнообразных ножей и ножичков, которые аккуратно отчикрыживали у приговоренных по очереди: пальцы на руках и ногах, уши, носы… да что душе угодно… Оправдательных приговоров тут практически не было; ведь любого своего обидчика, прежде чем представить его в этих своих видениях, Эрик уже приговорил…

«Каратель» – слово-то какое жуткое… Очень популярное в советских книгах и фильмах про Великую Отечественную. Ну, а если кара справедливая? Почему тогда быть карателем плохо?

Так он и жил в этом большом гулком неуютном и неприбранном бельэтажном доме и в этой неизменно враждебной к нему Вселенной, будто поделив каждые сутки своей жизни на две части. В первой, реальной, ходил чаще всего как сомнамбула, вялый и почти бессловесный, чтобы добыть средства на пропитание, и время от времени с радостью вспоминая, что его ждет сегодня и вторая часть его жизни, воображаемая. Она начиналась после того, как

он ужинал приготовленным на холостяцкой кухне (еда самая простая, непритязательная – рис, гречка, куриные окорочка, чай) и смотрел передачи по старому черно-белому телевизору. Потом Эрик ложился на спину на простенькую железную кровать и решал для себя, о чем и в каком порядке сегодня он будет мечтать…

Все так и продолжалось до появления в этом доме Эсмы.

***

Уже четыре месяца длилось его ослепительное счастье…

Спустя несколько дней она поняла, что сопротивляться и кричать бессмысленно. Это был тупик, конец улицы, куда не доезжала ни одна машина. Кто услышит ее в этой глухомани, в этой пристроенной сзади к дому баньке, маленькое зарешеченное окно которой выходит на заросший папоротником обрыв над ручьем, а дальше только предгорья и горы? (Где-то на дне этого ручья лежал ее мобильник, распотрошенный на всякий случай Эриком и брошенный им в воду). И как сопротивляться насилию, если запястья рук и щиколотки ног ее он всегда жестко пристегивал ремнями к спинкам старой железной кровати, которая стала теперь ее постоянным и единственным ложем?

В первые дни, кстати, он не терял надежды… Да, да, надежды, что это похищение, несмотря даже на всю сопутствующую ужасную огласку, заведенное уголовное дело (слава Богу, ни желторотику-следаку, ни начальству желторотика не пришло в голову допросить тех, с кем Эсмочка работала до колледжа, все внимание было сосредоточено на колледже, соседях, однокашниках), может вырулить в достаточно распространенное на Кавказе русло. А именно: похищенная девушка смиряется с тем, что произошло, и возникает совершенно обычная для стороннего взгляда семья.

По вечерам Эрик, сидя у ее кровати на стуле, не раз грузил Эсмочку историями на тему «стерпится – слюбит-

ся»: про свои знакомые вполне благополучные семьи, о которых он лишь относительно недавно узнал, что начало им положило похищение. В последнее время, кстати, стал специально обращать внимание на пары, где жена хорошенькая, а муж «чуть красивее обезьяны». И что же? В большинстве случаев, как осторожно выяснял он, не обошлось без умыкания.

Она обычно молчала в ответ, устав от слез и оскорблений, проклятий и угроз в его адрес, которые он, впрочем, приловчился не слышать – словно уши закладывало.

О Джамбуле и Селме он, однако, промолчал…

Джамбул очень часто являлся ему в его последних видениях про Суд, хотя в реальной жизни они почти не соприкасались. Селма была чудной каштановокосой девочкой из класса Эрика в школе-интернате, можно сказать – его первой любовью. Его глаза во время уроков целыми днями повсюду искали ее, но дальше тайных, тщательно маскируемых взглядов в ее сторону дело не пошло. Он даже представить себе не мог, как, какими словами сможет заговорить с ней об Этом, но твердо решил, что во взрослой жизни найдет ее, а уж тогда... Какова же была его ярость, когда услышал, что Джамбул не дал ей доучиться даже первый курс АГУ, украл. Причем кто был этот Джамбул, учившийся в их интернате на класс старше? Был бы он какой-то блатной или приблатненный, можно было бы еще понять – несмышленые девочки порой на таких западают. Был бы «взорванный», сын богатого папашки – но такие в их интернате, в общем-то, и не водились. Заурядный, недалекий троечник, а про внешний вид его на каком-то интернатовском вечере один зубоскал сказал: «Обезьяна в костюме». В общем, единственное «преимущество» его перед Эриком – не ломал голову над тем, достоин ли он этой чудной девочки, не достоин; он действовал… Как действовали многие вокруг. Сбил вокруг себя «стаю товарищей» и подстерег с ними на чьих-то задрипанных «Жигулях» первокурсницу. Селма долго и безутешно плакала, но потом приняла свою судьбу… В общем, как говорят по-русски, «кто смел, тот и съел». Или

«кто успел, тот и съел»… Эрик, конечно, никогда не жил по таким принципам, но та гроза… Это был будто знак свыше, будто веление: хватит подчиняться обстоятельствам, решись хоть раз взять судьбу за грудки!

Спустя пару недель Эрику пришло в голову, что будь Эсмочка хоть чуть-чуть хитрее, она легко могла бы обмануть его: сделать вид, что согласна, чтобы только выбраться отсюда, а потом… Но она гневно и презрительно все отвергала и вынесла тем самым себе приговор – пожизненное заключение в этом «каземате». Да, именно пожизненное, ибо спустя несколько дней эйфории до него, наконец, дошло, что прежняя, обычная жизнь его кончена бесповоротно. Атмосфера вокруг исчезновения Эсмы все больше накалялась, до него доходили разговоры об ужасах, которые ждут виновных в нем независимо от того, будет она найдена живой или мертвой; речь, понятное дело, шла о самосуде… Ну, и что? По трезвому размышлению подумалось: все, что ни делается – к лучшему. А разве он создан для обычной, нормальной жизни – со всеми этими семейными церемониями, гостями, воспитанием детей? Слава Богу, годы одинокой жизни в доме-крепости избавили его от житейской суеты. На похороны ходил крайне редко, только когда умирал кто-то самый близкий; к родителям в село тоже выбирался не больше двух-трех раз в год. Нет, он не нормальный человек с достаточно развитым хватательным инстинктом, которому было бы под силу тянуть семейную лямку. Разве не мог он найти какую-нибудь серую мышку-норушку, еще более убогую, чем сам, и впрячься в эту лямку? Конечно, мог. Быть как все… Но он – не как все, уж с чем-чем, а с этим спорить невозможно. Какой смысл сюда ни вкладывай – положительный, отрицательный…

Да и каким мужем Эсме он мог бы быть? Откуда ему взять «денежные средства», чтобы обеспечить ей достойную жизнь: соответствующие одежду, обувь, украшения… Потом бы ему пришлось таскаться на разные тусовки, концерты, вечера… Нет, мужем ее он быть не мог. А вот повелителем – да! Повелителем этой маленькой Вселенной из двух человек, как когда-то Адам и Ева в раю…

Как-то начал он с ней разговор о тех нашумевших в свое время случаях… в Курской области, кажется… потом в Австрии… потом в Штатах (в последнее время Эрик собирал все публикации о них в инете), когда безбашенные мужики многие годы содержали у себя «в застенках» целые гаремы из малолеток. И Эсма прервала свое обычное молчание: «Ну, и видите, чем все это заканчивалось рано или поздно – все равно эти уроды попадались». Не смотря ни на что она продолжала разговаривать с ним на «вы». «Ну да, – хмыкнул Эрик. – Вот именно: «рано или поздно». Через десять лет, пятнадцать… А меня это, знаешь, устраивает. Йозеф Фрицль, австрийский маньяк, двадцать четыре года свои жертвы в подвале держал! А главное, милая моя, это все случаи, которые были раскрыты. Обычно – по случайности. А сколько тех, что не раскрыты? Может, их в сто раз больше было, а? В тысячу? Откуда нам знать? Скелеты уже никогда никому ничего не расскажут. Согласна?».

Первый раз он применил к ней телесное наказание спустя примерно месяц после появления ее в этом «каземате». Отхлестал ремнем лежавшую ничком, с притороченными к спинкам кровати руками и ногами, с оголенной спиной. А потом долго стоял на коленях у ее кровати, умоляя простить за причиненную боль, гладя ее подрагивающую руку, дуя на красные полосы на спине… С тех пор она стала крайне осторожной в произносимых словах. Но вспышки гнева у него время от времени повторялись, и все шло по тому же сценарию.

Как здорово то, что довоенные обитатели дома успели сделать эту банную пристройку к дому с ванной и воду сюда подвести. Это решало, в основном, гигиеническую проблему. Конечно, условия жизни Эсмочки здесь по сравнению с ее «привычной средой обитания» выглядели кошмаром, но было главное – горячая вода (лет пять назад Эрик установил в бане электронагреватель «Поларис»), и она могла держать себя в чистоте. Было даже во что переодеться – пара халатиков, купленных Эриком на свой вкус, так как Эсма упорно отказывалась говорить ему, ка-

кие вещи ей необходимы. Он приносил ей и книги, газеты, даже радиоприемник принес.

Чудовище, монстр? Да, монстр, подумал как-то Эрик. Но он, по крайней мере понимает всю мерзость и чудовищность совершенного им. А эти тупорылые Джамбулы, погрязшие в пьянстве и превратившие своих жен в рабынь – они не монстры? Одноклассница пару лет назад рассказывала, во что превратилась улыбчивая милая Селма. Измученная тяжелой работой в дальнем селе, забитая… В прямом смысле «забитая», поскольку Джамбул оказался семейным драчуном. А еще про этого Джамбула говорят, что он днями после попоек может валяться под деревом во дворе, смотреть на ворон и ждать: вдруг ворона ему покушать что-то кинет. Ну, и чем рабство в доме Джамбула отличается от рабства в доме Эрика? Но оно освящено традицией: ведь главное, что время от времени они, чисто одетые, выбираются на чьи-то свадьбы или похороны – Джамбул, Селма, двое детей… И со стороны все представляется вполне благополучным.

***

Вот она, случайность… Та самая, нелепая и роковая. Или все же закономерность? Вообразил себя в последние месяцы ухватившим Бога за бороду? А Эсмочка-то не просто так молчала, она думала… И ждала. Ведь мог, наконец, в кои веки, зайти кто-то в этот дом…

В момент, когда Сурен разорался, как обычно, что в мастерской Эрика невеста ждет, которую «работой» зовут, за стеной пустого зала с линялыми обоями дважды раздался гулкий удар. Потом еще дважды… Дотянулась до стула и бьет им сейчас в стену?

Все замолчали, прислушиваясь. Еще удар. И еще.

– Что это? – поднялся Заур.

– Не иначе как мыши? – остался верен себе Сурен.

Эрик сидел окаменевший.

Заур и Сурен решительно направились на поиски гулких звуков. И вскоре он услышал их голоса вперемешку с голосом Эсмы.

Эрик, наконец, поднялся со стула и направился в другую сторону, к лестнице.

Вообще он порой называл свое обиталище «умным домом» – несмотря на всю внешнюю его непривлекательность и мрачность. Чего только не обнаруживалось здесь полезного… Группа грузинских вояк в сентябре 93-го оставила о себе на память в каком-то закутке не только наручники и кучу патронов, но и ручную гранату – «лимонку». Сперва хотел избавиться от нее, выбросить подальше и забыть. А потом по принципу «в хозяйстве все сгодится» припрятал в надежном месте, в дупле одиноко росшего во рву дерева. Даже если бы вдруг она взорвалась самопроизвольно, то никому не смогла бы причинить вреда.

Точно такая же зеленая граната Ф-1 врезалась ему в память в первые дни войны в Гудауте, когда среди «кадров», которые еще не нашли своего места в общей борьбе и приходили бесплатно харчеваться в столовую районной администрации (был там тогда такой период военного коммунизма для некоторых), он встречал одного знакомого. Вполне призывного возраста, высокий и стройный, с располагающей внешностью, он повсюду таскался с этой гранатой, а садясь за столик, клал ее рядом, на столешницу. Причем, это была не игрушка, а настоящая боевая граната. Что он хотел этим сказать? Что у него тоже есть оружие и вообще-то он ого-го, а не на фронте, потому что занят выполнением какого-то важного поручения руководства? Но сидеть с ним за одним столиком хватало нервов, конечно, не у всякого.

А уже через месяц-полтора после войны в освобожденном Сухуме произошла, рассказывали, такая трагическая история. Какая-то пьяная шваль ворвалась в городскую милицию, размахивая гранатой и требуя, чтобы освободили такую же шваль в лице нескольких дебоширов, задержанных комендантской ротой у Красного моста. Тогда бесстрашный казак, который командовал этой ротой, пошел на эту шваль, выкрутил ему руку, вырвал гранату и… в следующее мгновение увидел, что она уже без чеки.

А вокруг было множество людей. Тогда он шагнул к стене, присел и вставил гранату под коленный сгиб… Кроме него, погиб еще один милицейский сотрудник, несколько человек было ранено, но если бы не это самопожертвование, полегло бы гораздо больше. А может быть, подумалось как-то Эрику, правильней, грамотней было бы просто лечь ничком на эту гранату, прижать ее всем телом?.. Конечно, тот казак лучше его разбирался в том, как обращаться с боевыми гранатами, но когда тебе остается несколько секунд жизни, не до мыслей, какие действия грамотней, не так ли?

На миг ему представились лица Заура, Сурена и Эсмы, увидевших, как он врывается в «каземат» с этой гранатой в левой руке и правой выдергивает чеку. Да, это был бы миг наивысшего торжества в его жизни… Хотя разве не были наивысшим торжеством в его жизни все последние четыре месяца? Он ведь сделал это, он отомстил ненавидимому им миру! И невелика разница: четыре месяца это продолжалось, четыре года, сорок лет… Он вкусил от жизни все, что мог вкусить, и был совершенно спокоен.

Он выдернул чеку прямо под деревом, лег на гранату, прижался к ней грудью и начал считать до трех.

*2013*

## ПЕНАЛЬТИ

– Они в этом матче выложат все, но мы должны у них выиграть! – главный тренер «Амткела» Альберт Сацба суровым взглядом из-под лохматых поседевших бровей обвел футболистов команды.

Это «Мы должны у них выиграть» как заклинание произносилось им трагическим голосом в начале любой установки на игру и, если и не помогало побеждать во всех матчах подряд, то во всяком случае стало уже ритуальным и даже оказывало на некоторых членов команды определенное гипнотическое воздействие.

– Ну, в середине поля мы их, пожалуй, переиграем… Но вот что делать с Кураскуа?

– Да, что делать с Кураскуа? – как эхо прозвучал голос старшего тренера команды Симендяева – худосочного невысокого мужчины с чертами лица, делавшими его похожим на муравьеда.

Сацба недовольно покосился на него и продолжал:

– У него же удар как из гаубицы. Сколько захочет, столько нам и накидает.

– Надо к нему Отдельного приставить, – раздался голос кого-то из футболистов. – Он его быстро из игры выключит.

Дюжий защитник Отдельный засопел, собираясь что-то сказать.

– Бесполезный ход, – опередил его Симендяев. – В последнем туре, когда «Самшит» играл с «Гумистой», к нему аж двух защитников приставили, ну и что? Они как конвоиры за ним ходили, ни одного паса не дали получить, а он взял и один гол со штрафного забил, другой – с углового. 2:1 – и ваши не пляшут.

– Ни одного штрафного им не давать, не играть будем, а как ангелы летать, – предложил Отдельный.

– Вот-вот, – ехидно сказал Симендяев, – такому костолому, как ты, только крылышек не хватает. И на угловые мяч выбивать не будем – пусть лучше в ворота летит.

– В общем, глухо, как в танке, – констатировал капитан команды Какоба.

Все снова приуныли.

– Но ведь должно же быть у этого Кураскуа какое-то слабое место, – сказал Сацба и даже кулаком от злости по столу стукнул. – Если мы в этом году чемпионат Абхазии не возьмем, ох многие головы полетят.

– В нынешнем сезоне, после того, как в команде «Самшита» появился Кураскуа, команда не проиграла ни одного матча, – бесстрастным голосом диктора поведал Симендяев, совмещавший в «Амткеле» работу старшего тренера с обязанностями врача, массажиста, психолога и статистика одновременно. – Если против-

ник забивает гол, «Самшит» в ответ – два, если два – то три, если три…

– Вот вам, уважаемый Павел Анатольевич, – вскипел Сацба, – мы и поручим подготовить конкретные, научно обоснованные рекомендации игры против Кураскуа. Вы ведь у нас выдающийся футбольный специалист, вы такие задачки, как орехи, щелкаете.

– Это за три дня до матча? – уточнил Симендяев.

– С сегодняшним – четыре. Ничем другим можешь не заниматься. Только за нейтрализацию Кураскуа ты, Паша, будешь отвечать. Заметано?

– Пожалуйста, – с вызовом ответил Симендяев.

* * *

Спустя сутки белая картонная папка с крупной надписью «Сергей Кураскуа, 31 год, №12 «Самшита», распухла от распечаток информации, скачанных Симендяевым из интернета и газетных вырезок.

Первое появление Сергея Кураскуа в составе сухумского «Самшита» окружено легендами и толкуется во множестве вариантов, так что Симендяеву пришлось провести немалую работу не только по сбору фактов, но затем и по их рассортировке, отделению, так сказать, пшеницы от плевел – подлинного и неоспоримого от позднейших домыслов и наслоений.

…Шел один из матчей начала сезона, игравшийся «Самшитом» на своем поле. Эта команда, некогда довольно сильная, вот уже несколько лет переживала серьезный кризис. Вот и в тот раз к середине второго тайма «Самшит» проигрывал аутсайдеру чемпионата – «Апсилам» из Очамчыры – со счетом 0:2.

Зрители были раздосадованы и счетом, и вялой, безвольной игрой «Самшита». Некоторые даже начали уходить со стадиона, когда на 71-й минуте матча один из защитников команды был заменен игроком под двенадцатым номером. Но это потом уже много раз вспоминали ту цифру – 71-я минута, – а тогда, конечно, никто и внимания не обратил на замену. Мало того, лысоватый светловоло-

сый увалень в красной майке, очень уж непрофессионально – без всякой разминки – выскочивший на поле, поначалу только подлил масла в огонь негодования публики: до чего докатился «Самшит», если на поле уже таких выпускают! Во-первых, двенадцатому номеру явно мешало бегать его брюшко; во-вторых, с мячом он обращался на редкость неуклюже: один раз даже просто промахнулся по нему, когда тот тихо-мирно катился по травке; в-третьих, он и с азами футбольных правил был, по-видимому, не в ладах – это выяснилось, когда «двенадцатый» не сумел ввести мяч из аута. Выбрасывая его из-за боковой линии, он оторвал ноги от земли, и судья определил: мяч должна перебросить команда соперников. Тут уже болельщики не выдержали и разразились свистом.

Но вот на 75-й минуте игры произошло нечто неожиданное и ошеломляющее. Двенадцатый номер медленно вел отскочивший к нему мяч, приближаясь к центру поля, и его никто не атаковал. Вел он мяч неуверенно, будто перед ним был не ровный газон, а усеянное кочками болото и он ежесекундно боялся споткнуться. Потом Кураскуа посмотрел вперед и пробил по мячу. Удар получился почти без замаха, носком бутсы (этот удар может – «пыром» – может получится сильным, но почти никогда не бывает точным, и поэтому им практически не пользуются). Мяч сделал над полем дугу и опустился за спиной далеко вышедшего вперед и скучавшего где-то в центре штрафной площадки вратаря точнехонько в сетку ворот. В первое мгновение почти никто не понял, что случилось, но мяч, трепыхавшийся в сетке ворот противника, вернул зрителей к реальности. Болельщики взорвались. Еще бы, ведь не каждому за всю даже его жизнь удается увидеть подобный гол – забитый со своей половины поля в точно пойманный момент, когда вратарь соперников беспомощен. Впрочем, слишком велик был диссонанс между проявленным только что мастерством, и всей предыдущей игрой двенадцатого номера; поэтому многие склонялись к тому, чтобы воспринять увиденное как удивительную, но все же случайность. Однако вскоре им пришлось убедить-

ся в обратном. После забитого гола игра у самшитовцев пошла веселей, они стали больше атаковать, и с одного из угловых Кураскуа сравнял счет. Мяч, закрученный им, вонзился подобно камню из пращи в дальнюю «девятку» ворот, так что вратарь даже не шелохнулся. «Сухой лист, – ахнули зрители, – и как исполненный!».

Ну а после третьего гола, забитого Кураскуа со штрафного, болельщики не могли успокоиться уже до самого конца матча. Проигрывать за пятнадцать минут до финального свистка со счетом 0:2 и вырвать победу – уже только этого было достаточно, чтобы назвать матч необычайным. Ну а если учесть, что все три гола забил новый, никому не известный игрок!

«Хет-трик» в первом же матче – это тебе не фунт хурмы…

Следующую встречу «Самшит» проводил на выезде, в Гудауте, но на игре присутствовало не менее сотни сухумцев, которые приехали, чтобы посмотреть на новую «звезду». И хотя двенадцатого снова выпустили только во втором тайме, он вполне оправдал их надежды, забив два гола из трех. «Самшит» победил – 3:1.

Так началась удивительная и блистательная футбольная карьера Сергея Кураскуа. Не было матча, с которого он ушел бы, не забив гола – независимо от того, насколько: на один тайм, на тридцать или на пятнадцать минут – его выпускали. И вот что любопытно: этих мячей обычно хватало, чтобы «Самшит» добился победы или по крайней мере сравнял счет, уйдя от проигрыша с разгромным счетом (если команда выигрывала, Кураскуа иной раз и вовсе не выпускали на поле, оберегая его «золотые ноги» для более трудных ситуаций). «Мне бы такую палочку-выручалочку, – вздыхали тренеры других команд, – и я бы тоже горя не знал».

Накануне появления Кураскуа в составе «Самшита», сухумская команда занимала в турнирной таблице второе место снизу, но уже к середине второго круга стала лидером чемпионата. Что уж говорить о взлете славы самого Сергея Кураскуа! Уже после первых матчей с

его участием газета «Спортивная Абхазия» взяла у него интервью, в котором, в частности, мелькнула такая фраза: «Казалось, в тот день над полем витала тень легендарного Пеле». Газета «Вечерний Сухум» опубликовала подвальную статью-размышление под интригующим заголовком: «Сергей Кураскуа: вспышка «сверхновой» или факир на час?» (журналиста беспокоило то, что новый кумир болельщиков, сам забивая необычайно много, не сделал еще почти ни одного голевого паса и вообще слабо участвует в коллективной игре команды; «хороший ли это пример для спортивной смены?» – задавался он вопросом).

Манеру игры Кураскуа и впрямь многие называли чересчур своеобразной. Обычно он почти не бегал, а, что называется, «пасся» вблизи штрафной площадки противника (бегать ему вообще было трудно, он быстро выдыхался, и именно поэтому тренеры никогда не выпускали его с начала игры). Впрочем, даже ничего полезного на поле не делая в течение десяти, пятнадцати больше минут, Кураскуа тем не менее даже в это время в накладе команду не оставлял, ибо приставленный к нему игрок соперников боялся оставить его без присмотра хоть на секунду и тоже оказывался выключенным из игры. А оставлять Кураскуа без опеки действительно было нельзя: стоило ему получить мяч в удобной ситуации, как обычное полусонное его состояние улетучивалось и следовал взрыв – быстрый проход вперед и, как правило, страшный по силе удар в незащищенный участок ворот.

Опасения «Вечернего Сухума» относительно того, что Кураскуа не выдержит испытания «медными трубами», не сбылись. Он оставался очень скромным парнем, строго соблюдал спортивный режим, прилежно тренировался (кстати, интенсивные тренировки помогли ему избавиться от лишнего веса, и на поле он теперь выглядел гораздо подтянутей).

Сухумские болельщики души в нем не чаяли. Да что там сухумцы! Многие любители футбола из других горо-

дов и всей Абхазии начали болеть за «Самшит», потому что в этой команде играл Кураскуа. Появились упорные слухи о том, что Кураскуа должны вот-вот пригласить в московский «Спартак».

***

Обо всем этом Симендяев, впрочем, и раньше имел общее представление, но теперь он многое для себя сумел уточнить и дополнить.

Следующим этапом сбора информации он решил сделать встречу с самим Кураскуа – футбольной звездой республиканского масштаба, которой, впрочем, многие прочили и гораздо более широкую известность. Так как они еще не были лично знакомы, Павел Анатольевич решил предстать перед ним в роли внештатного корреспондента газеты «Спортивная Абхазия», каковым, собственно, и являлся. Дабы все было «на чистом сливочном масле», он зашел в редакцию и договорился о том, что напишет для газеты интервью с Кураскуа. Там не стали возражать, да и кому бы пришло в голову, что этот солидный человек, автор многих публикаций в «Спортивной Абхазии», вынашивает в данном случае разведывательные планы!

… Беседа с Кураскуа протекала в его холостяцкой квартире в Синопе. Хозяин дома принял Симендяева в синем тренировочном костюме. На протяжении всего разговора, проходившего за чашкой кофе, футболист не слишком вежливо отвлекался, поглядывая на экран телевизора, где гремел выстрелами какой-то боевик.

За этой невежливостью, однако, Симендяеву сразу увиделась некая нервозность, неуверенность в себе. Сергей то начинал охотно, даже с излишними подробностями рассказывать о своей жизни, то вдруг замыкался, уходил в себя. Иногда он казался Симендяеву чересчур скромным, а иногда удивлял вдруг своими наполеоновскими планами: его, мол, уже пригласили в одну из команд российской Премьер-лиги, затем он планирует попасть в сборную России, а с ней – и на чемпионат мира. Мало того: начинал рассуждать о том, как он будет играть с бразильцами, англичанами, немцами…

В целом его карьеру футболиста можно было назвать совершенно нетипичной. Так поздно в футбол на уровне команд мастеров никто не приходил. Нет, когда-то в школьные годы, Сергей гонял, конечно, мяч на дворовой площадке, но не больше того. Играл ничем не лучше своих сверстников, если не сказать – хуже. Но когда ему было двенадцать, приключился один эпизод, который произвел на него неизгладимое впечатление. В команде его четвертого отряда, выступавшего в первенстве детского оздоровительного лагеря, один игрок объелся ежевикой и заболел, и Сергей был единственным, кто подвернулся под руку, чтоб заменить его.

Два тайма и дополнительное время во встрече с ребятами из третьего отряда, к удивлению последних, закончились вничью. Стали бить послематчевые пенальти, и так получилось, что Сережин удар должен был решить, победит ли четвертый отряд или серия одиннадцатиметровых будет продолжена. Потом ему говорили, что когда он установил на траве мяч и стал отходить для разбега, у него было такое сосредоточенное лицо, такое сосредоточенное… И он пробил. Удар был как выстрел. Мяч прошелестел по траве и плотно вошел в левую от вратаря «шестерку». Вратарь даже не сдвинулся с места. И тогда Сергея впервые в жизни бросились качать…

В целом же он рос отнюдь не спортивным, а «книжным» мальчиком (хотя и страстным болельщиком), закончил политех в Питере, работал в Сухумском физико-техническом институте. А потом вдруг ушел в ателье ремонтировать телевизоры. И вот когда ему было уже тридцать, он вдруг задумался о том, что, как ни странно, в его жизни не было минуты счастливей, чем та, в двенадцать лет, когда его бросились подбрасывать в воздух…

Когда он явился к главному тренеру «Самшита» и предложил попробовать себя в качестве нападающего, тот отреагировал так, как на его месте сделал бы любой, – постарался поскорее отделаться от чудаковатого парня. Ведь тот, помимо прочего, сразу предупредил, что скорость у него – чуть больше, чем у черепахи, и, что полные два

тайма ему не под силу отбегать… Но Кураскуа был упорен, и стало ясно, что проще всего отделаться от него, посмотрев его, как он и просил, на завтрашней тренировке.

На тренировке во время двусторонней игры слова Сергея полностью подтвердились: он почти стоял на месте, но заколотил тем не менее несколько голов…

– Иными словами, в вас были все же с раннего детства заложены какие-то природные данные, позволявшие бить по футбольному мячу с поразительной силой и точностью? – решил уточнить Симендяев.

– Не думаю, что в большей степени, чем у тысяч других мальчишек. Дело в сочетании биометрических, психологических и прочих данных, а нужное сочетание сложилось во мне не иначе, как годам к тридцати. Я имею в виду огромную работоспособность, чудовищную целеустремленность, изрядный запас тщеславия и веру в чудо.

– В чудо?

– «Чему бы жизнь нас не учила, а сердце верит в чудеса». Помните, кто сказал?

– Кто-то из классиков.

– Тютчев. И люди, согласитесь, очень нуждаются в чуде. Лучше всего это ощущаешь, когда весь стадион, множество людей, часто ничего общего между собой не имеющие, солидные отцы семейств и пятиклассники, сбежавшие с урока, прагматики и мечтатели всех видов, люди с нервами, напоминающими канаты, и психопаты, культуристы и дистрофики – все вскакивают на ноги в едином порыве, а ты сознаешь, что имеешь отношение к этому маленькому чуду, название которому «гол».

«Да он еще и поэт, – подумал Симендяев. – Или где-то вычитал и зазубрил».

***

Сацба был прав, когда называл матч между «Амткелом» и «Самшитом» решающим в борьбе за чемпионское звание. Хотя до конца чемпионата оставалось еще два тура, все понимали, что именно в этой игре встре-

тятся сильнейшие противники, ибо только «Амткел» был способен нынче остановить победное шествие «Самшита».

Симендяев, между тем, появился всего за полчаса до начала игры, когда на выяснение отношений с ним времени уже не оставалось. Да и выражение его лица – хмурое и озабоченное – к подобному выяснению Сацба не располагало.

Первый тайм («Самшит» играл его без Кураскуа) прошел при подавляющем преимуществе «Амткела». Его футболисты прорывались к воротам соперников по центру и по флангам, часто били с ближней и дальней дистанции, прочно владели серединой поля. Но мяч в воротах «Самшита» побывал лишь однажды, в самом конце тайма, и все понимали, что этого слишком мало, ибо во втором тайме на поле должен был выйти Кураскуа.

В перерыве по-прежнему озабоченный и хмурый Симендяев долго шептался о чем-то с защитником «Амткела» Отдельным.

Во втором тайме старший тренер «Самшита» заменил одного из полузащитников команды на Кураскуа и, как все зрители и предполагали, картина игры моментально изменилась.

На 3-й минуте тайма Кураскуа подавал угловой, и лишь каким-то чудом вратарь «Амткела» сумел дотянуться до крученого мяча, шедшего в дальний угол ворот, и отбить его.

На 6-й минуте удар Кураскуа метров с двадцати угодил в штангу, на 11-й минуте нападающий «Самшита» Зухба, получив изумительной точности пас Кураскуа по своей половины поля, вышел один на один с вратарем. Гол, казался, неминуем, но Зухба пробил выше ворот.

Наконец, на 14-й минуте после почти аналогичной комбинации, разыгранной Кураскуа и Зухба, последний расстрелял ворота ударом в упор. Голкипер «Амткела» среагировал, но удержать мяч в руках не смог.

Даже самому неискушенному болельщику стало ясно: исход матча уже предопределен. Сровняв счет, «Самшит»

продолжал атаковать. Мячи, посылаемые Кураскуа чуть ли от своей штрафной площадки, находили партнеров в самых дальних уголках поля. Сам Кураскуа раза два остро бил по воротам, и только отчаянные броски вратаря «Амткела», который сегодня, казалось, превзошел самого себя, выручали команду (трибуны в эти минуты взрывались аплодисментами, а Кураскуа улыбался и разводил руками: что ж, мол, против достойного соперника и играть приятно).

На 19-й минуте тайма защитник Отдельный попытался применить против прорвавшегося на большой скорости в штрафную площадку Зухба подкат, но вместо этого получилась подножка, и оба рухнули на землю. Тут же, не дожидаясь судьи, на поле выскочил со своим чемоданчиком Симендяев. Сперва он помог подняться Зухба, а затем уже склонился над неподвижно лежавшим Отдельным.

Несмотря на этот благородный жест со стороны врача команды «Амткел», а также на страдание, написанное на лице Отдельного, судья был неумолим: пенальти.

Трибуны замерли, когда к мячу, установленному на одиннадцатиметровой отметке, не спеша направился Кураскуа. До этого в матчах чемпионата он забил 29 голов, и этот должен был стать 30-м, юбилейным. Даже вратарь «Амткела», до сего момента игравший очень уверенно, заметно приуныл: мыслимое ли дело – взять пенальти у Сергея Кураскуа, который и с середины поля может в «девятку» заколотить!

И поэтому в первый миг после того, как мяч пролетел метрах в двух выше ворот, многие оторопели. Может быть, Кураскуа решил сделать подарок «Амткелу», считая назначенный пенальти несправедливым или чтобы не снижать у зрителей интерес к матчу? Но нет, реакция Кураскуа говорила об обратном: он был растерян.

Счет оставался ничейным – 1:1, и тут зрители увидели, что в игре «Самшита» все пошло наперекосяк. Кураскуа совершенно перестал играть. Если мяч попадал к нему, он старался поскорее от него избавиться: отправить или ближайшему партнеру или вовсе, чтобы не рисковать, – куда-нибудь подальше. Нападающие команды, перестав

получать его пасы, тоже выглядели беспомощными, Зухба абсолютно перестал его понимать. Зато футболисты «Амткела», почувствовав, что над их воротами больше не висит ежесекундно угроза гола, постепенно обрели уверенность и перешли в наступление. На 25-й минуте тайма «Амткел» вышел вперед, а до конца матча его футболисты сумели забить еще два безответных мяча.

4:1! То, что творилось на трибунах в момент, когда зазвучал финальный свисток, трудно поддается описанию. Идол был повержен, да еще с таким шумом и грохотом!

…Спустя часа полтора после игры Сацба и Симендяев сидели в приморском кафе «Пингвин» и с улыбкой смотрели друг на друга.

– Ну ладно, Анатольевич, – вздохнул, наконец, Сацба, – не томи душу, колись.

Симендяев положил на столик черный кожаный кружок и красную пластмассовую палочку и, закурив, не спеша начал рассказ.

…В который раз уже анализируя собранную информацию о Кураскуа, он обратил внимание на то, что в школе тот увлекался радиоуправляемыми планерами. С чем-то подобным была связана и его работа в СФТИ. Тут кое-что стало проясняться.

Симендяев вновь минута за минутой проанализировал каждый из виденных им матчей с участием Кураскуа. В свете новой догадки многие детали, на которые прежде он не обращал внимания, обретали значительный смысл. Например, то, что ни один из блестящих ударов по воротам или пасов Кураскуа не были произведены им сразу же после выхода на поле. Всегда перед этим должно было пройти какое-то время, а именно: до той минуты, пока мяч хоть на несколько секунд – при вбрасывании из аута, подаче углового или штрафном – не оказывался у него в руках. То же самое можно сказать и о концовке матча: в последние две-три минуты перед финальным свистком Кураскуа уже фактически не играл.

– Когда сегодня в перерыве встречи, – продолжал свой рассказ Симендяев, – я попросил Отдельного спровоциро-

вать столкновение с каким-либо игроком «Самшита», желательно с Зухба, это мне нужно было для одного: чтобы иметь возможность хоть на несколько минут выскочить на поле и осмотреть мяч. Правда, я никак не ожидал, что этот костолом умудрится снести Зухба в нашей штрафной площадке… Мяч, к счастью, лежал тут же, неподалеку, и пока я левой рукой оказывал помощь Отдельному, правой – лихорадочно отдирал от мяча вот эту нашлепку…

Симендяев взял со стола черный кружок и перочинным ножиком осторожно проделал с ним ту же операцию, какую проделывают с раковиной моллюска, приоткрывая ее створки. Шахбазян с любопытством уставился на блеснувшие внутри кружка проволочки.

– Ты видел когда-нибудь соревнования по радиоуправлению летательными аппаратами? – продолжил Симендяев.

– Вроде бы, – неуверенно отозвался Шахбазян.

– Ну, помнишь? Маленькие планеры то взмывают вверх, то набирают скорость и уносятся вдаль. И руководит всем этим на расстоянии нескольких десятков метров человек, который что-то там держит в руках. Ничего принципиального нового в изобретении Кураскуа не было. Его задача состояла только в том, чтобы сконструировать такое устройство, в котором радиопередатчик помещался бы на руке и был незаметен, а принимающая часть – вот в этой плоской нашлепке, которую при помощи специального клеющего состава можно было бы прикреплять к поверхности футбольного мяча.

– В голове не укладывается, – пробормотал Шахбазян.

– А у мяча есть кинетическая сила удара, которой Кураскуа Бог не обидел… После того, как устройство было сконструировано, наступили долгие месяцы тренировок. Причем он ведь не кривил душой, когда говорил, что секрет точности его ударов – в многочасовых, неустанных тренировках, в отработке ударов с самых различных позиций и расстояний. Правда, тренировки его были не совсем обычные – надо было научиться так в считанные доли секунд скорректировать полет мяча после удара, чтобы он

угодил точно в цель и чтобы ни одна живая душа не заметила в полете мяча каких-то странностей. И лишь достигнув в этом деле совершенства, он отправился к тренеру «Самшита».

– Значит, после выхода на поле он незаметно приклеивал эту нашлепку к мячу, а перед финальным свистком – отдирал…

– Схватываешь на лету.

– А если мячом играли не пятнистым, а, к примеру, белым?

– Ну, значит у него были в запасе нашлепки разных цветов. А управляя мячом в полете, было уже несложно попасть в «девятку» или отдать сверхточный пас. Кстати, как ни странно, иногда Кураскуа бил в штангу или на несколько сантиметров мимо ворот. Я думаю – для отвода глаз, чтобы не возникло лишних подозрений. Что касается удивительного взаимопонимания между Кураскуа и Зухба, то тут дело обстоит еще проще. Кураскуа уговорил Зухба, и перед каждым матчем оба пришивали к отвороту футболки по вот такой пластмассовой палочке, одна из которых – у Кураскуа – миниатюрный радиопередатчик, а вторая – такой же радиоприемник. Да Господи, сейчас такие средства мобильной связи, что я вообще удивляюсь, как футболисты их в массовом порядке не используют. А может, где-то уже и используют… Короче, готовясь отдать пас, Кураскуа едва слышно командовал в радиопередатчик, в каком участке поля в следующую секунду должен находиться партнер, и тот незамедлительно устремлялся туда. …Это я оторвал от футболки Зухба, когда помогал ему подняться.

– Ну и шельмы! – воскликнул Сацба и, схватив нашлепку и палочку, хотел было в негодовании выбросить их в море. Или сделал вид, что хочет…

– Ты что? – остановил его Симендяев. – Ни в коем случае! Я тоже вначале думал первым делом написать в Федерацию футбола и просить аннулировать все матчи с участием «Самшита». А потом решил: пока не увижусь с Кураскуа еще раз и не поговорю с ним откровенно, ничего

не буду предпринимать. Все-таки у этого парня золотые руки и золотая голова, и не хочется портить ему имя в самом начале его карьеры. Я имею в виду, конечно, не футбольную, а научную карьеру.

*2006*

## МАЭСТРО НА ОСТРОВЕ ГРЕЗ

Поначалу все происшедшее с лауреатом Гонкуровской премий Морисом Пуатье до омерзительности точно напомнило ему кадры дешевого боевика. Внезапно погасший свет в коридоре маленькой гостиницы на Лазурном берегу, навалившаяся сзади тяжесть чьей-то туши, сопение в затылок, затхло-сладкий запах хлороформа... Потом – пробуждение в богато обставленной гостиной с ухмыляющимся господином в кресле-качалке напротив. Господин был молод, черняв, одет с иголочки.

– Рад приветствовать вас, дорогой мсье Пуатье, в моем загородном доме, – осклабился молодой человек.– Разрешите представиться: Марио Клозетти, один из многочисленных почитателей вашего таланта.

– И, конечно же, вы похитили меня только для того, чтобы без помех взять автограф... – растирая лоб и виски, произнес Пуатье. – Хочу вас, однако, разочаровать: мои финансовые дела сейчас далеко не блестящи... И, Боже, что за нелепая идея – похищать литератора, когда вокруг столько коммерсантов! Или вы рассчитываете, что мои читатели пустят шляпу по кругу?

– Ну что вы, маэстро, – расхохотался Марио, – у меня и мысли такой не было…

– Послушайте, мсье Не Имею Чести Знать, я буду краток. Если вы дадите мне сейчас перо и бумагу, я напишу жене. В течение трех дней она сможет собрать вам триста... ну, максимум триста пятьдесят тысяч франков. На большее, уверяю вас, рассчитывать не имеет смысла.

– Маэстро, – молитвенно сложил руки Марио, – мы пока явно не понимаем друг друга. Перед вами вовсе не тупоголовый мафиози, способный манипулировать жизнью одного из лучших прозаиков современности ради тривиального обогащения... Хотя ваша мысль относительно пущенной по кругу шляпы, признаюсь, кажется мне плодотворной. Наверняка нашлось бы немало меценатов и у нас, и за океаном, не позволивших исчезнуть таланту Мориса Пуатье в расцвете его творческих сил...

– Благодарю вас...

– Так что тезис о преимуществах похищения коммерсантов – довольно спорный... Но ближе к делу. Не хочется вас огорчать, однако оно имеет для вас гораздо более серьезный оборот, чем потеря трехсот тысяч франков. Чтобы суть была понятней, позвольте несколько слов о себе. Вам что-нибудь говорит имя Франческо Клозетти?

– Ммм...

– Это неважно. Мой папа – глава одной из могущественных семей корсиканской мафии. Сам не обремененный образованием, он сделал все, чтобы его единственный отпрыск, то есть я, мог окончить Сорбонну. Увы, мой достопочтимый папаша не подозревал, чем обернутся для нас обоих годы моей учебы – тем, что в итоге я отвернусь от фамильной профессии и пополню собой ряды графоманов. Да, дорогой маэстро, я болен той самой неизлечимой болезнью, которая заставляет проводить бессонные ночи за письменным столом, исписывать горы бумаги, гореть в лихорадке творчества – и все это без малейшей пользы для общества и удовлетворения для себя. Многочисленные обращения в редакции и издательства лишь подтвердили первоначальный диагноз, поставленный когда-то еще в мои студенческие годы одним вашим коллегой: «Для того, чтобы стать писателем, недостаточно научиться правильно расставлять запятые». О, если б вы знали, мсье, с каким восхищением я читал и перечитывал произведения настоящих художников слова, какую бурю чувств, какой восторг вызывали у меня их страницы! И как я презирал в этот момент собственную

беспомощную мысль, которая, подобно кудахчащей курице, не способна была взлететь выше насеста, в то время как мечты мои, подобно орлам, свободно и мощно парили в небе. И, признаюсь, ваш стиль, ваш язык, ваши образы восхищали меня всегда больше, чем стиль других писателей...

– Так чего вы, собственно, хотите – чтобы я провел с вами краткосрочные литературные курсы?

– Ну-ну, маэстро, я, конечно, бездарен, но вовсе не так глуп и понимаю, что таланту нельзя научить и научиться. Нет, все для вас гораздо трагичнее... Вчера утром вашу искореженную машину нашли в пропасти, в 30 километрах от Ниццы. В автомобиле был обнаружен обгоревший до неузнаваемости труп мужчины примерно одного с вами телосложения и возраста... Нет-нет, не тревожьтесь, мои люди просто позаимствовали тело какого-то бродяги в одном из близлежащих моргов. А вот о чем пишут все сегодняшние газеты... – Марио бросил на столик перед Пуатье кипу изданий.

Веря и не веря своим глазам, писатель впивался взглядом то в одну, то в другую газетные страницы: заголовки и фотографии кричали о его, Мориса Пуатье, трагической гибели.

Марио выдержал тактичную паузу, давая Пуатье осознать случившееся, и лишь затем заговорил снова:

– Итак, маэстро, для родных и близких, для всего читающего мира вас уже не существует. Что ж, скажу я, можно только позавидовать такому уходу. Вы ушли не немощным старикашкой, а полным сил мужчиной и именно таким останетесь в памяти потомков. Вы ушли, громко хлопнув на прощанье дверью, породив множество разговоров про обстоятельства вашей смерти и создав тем самым своим книгам дополнительную рекламу. Наконец, вы ушли в пятьдесят лет (напомню, что Бальзак окончил свой земной путь в сорок четыре, а Байрон– в тридцать два), то есть в достаточной мере вкусив свою долю земной славы. Поработайте же теперь на меня...

– Так вот зачем вам понадобилась эта чудовищная мистификация! Да по сравнению с вами ваш папочка – херувим!

– Но не таким ли – жестоким и беспощадным – вы всегда описывали мир в своих романах? А сами намеревались прожить жизнь в каком-то другом мире? Итак, мы находимся на крошечном острове в Средиземном море, который является моей частной собственностью и на котором нет никого, кроме персонала моей виллы. Для работы вам здесь будут созданы идеальные условия: у меня прекрасная библиотека, кинозал... Телевизор, радиоприемник, диктофон, персональный компьютер – все это в вашем распоряжении. Еженедельно с материка катером будут доставляться газеты и журналы. Можете хоть весь день гулять по острову, но не пытайтесь бежать: два моих человека будут повсюду ненавязчиво следовать за вами. Теперь непосредственно о работе. Вот тут, – Марио положил перед Пуатье несколько листков с текстом, – изложены основные сюжетные линии романа, который я давно мечтаю написать. Впрочем, вы можете менять эти линии по своему усмотрению.

– О, вы настолько великодушны! – вскинул брови Пуатье.

– Я рад, маэстро, – рассмеялся Марио, – что даже в такой нелегкой для себя ситуации вы не теряете чувства юмора. И это – предвестник успеха нашего будущего предприятия.

– Послушайте, Клозетти, или как вас там... А что, если я откажусь, или иными словами – пошлю вас к чертовой бабушке?

– Что ж, – пожал плечами Марио, – в таком случае мне придется признать неудачной свою операцию. Но для того, чтобы уничтожить все нежелательные следы, надо будет привести реальность в соответствие, – он постучал пальцем по фотографии на одной из газетных страниц, – с официальной версией. Учтите при этом, что даже могилы, которая была у Наполеона на острове Святой Елены, на этом острове я вам обещать не могу.

– Хорошо, еще один вопрос. Вы, как я понял, обладаете достаточными средствами, чтобы можно было совершить подобную сделку полюбовно...

-– Да, я, безусловно, мог бы нанять пару борзописцев, которые сварганили бы для меня роман, потом, может быть, другой... Но ведь моя цель – опубликовать, истинную вещь. Крупный же художник, вроде вас, на такую сделку никогда бы не пошел. Ведь не пошли бы, правда?

Пуатье надолго задумался. Марио не мешал ему размышлять. Наконец, маэстро поднял голову:

– Ну и как вы представляете мою дальнейшую жизнь?

– О, – оживился Клозетти, – это будет прекрасная жизнь. Ничто – ни окололитературная суета, ни интриги завистников – не будет отвлекать вас от творчества. Конечно, несколько обидно, что под сочинениями будет стоять не ваша фамилия, но... представьте, что это просто псевдоним. В конце концов, разве вы не слышали о прелестном обычае, который существует в Японии? Некоторые писатели там, достигнув сорока лет, сознательно исчезают с литературного горизонта, чтобы начать творить под новым именем... Здесь, на острове, вам будет обеспечен изысканный стол. Захотите развлечься – к вашим услугам теннисный корт, площадка для игры в гольф. Добавлю, что персонал моей виллы состоит не из одних только мужчин. Словом, все это гораздо лучше по сравнению с участью того обгоревшего трупа.

– Допустим, я приму ваше предложение. Но вам не приходило в голову, что литературная критика, которая очень хорошо изучила мой стиль, будет несказанно удивлена тем, как подобен ему стиль письма восходящей литературной звезды Марио Клозетти?

– Что ж, про меня напишут, что я очень хорошо впитал в себя плодотворные идеи моего литературного учителя. К тому же, выбирая вас в качестве, так сказать, компаньона, я учитывал, что в своих произведениях вы, как писала критика, всегда новый. ...А теперь разрешите показать ваш кабинет.

* * *

Спустя три с половиной года в одном из парижских издательств вышел в свет и сразу стал бестселлером роман никому до этого не известного начинающего прозаика Марио Клозетти «Когда боги безмолвствуют». Марио не успевал давать интервью газетам и телекомпаниям, а один из ведущих критиков, желая подчеркнуть эпическую мощь его прозы, тут же окрестил его «новым Пуатье».

...Промозглым февральским днем Марио сидел у камина на своей вилле на острове и вслух зачитывал Морису Пуатье очередную хвалебную рецензию на роман «Когда боги безмолвствуют». Идиллию нарушили раздавшийся совсем рядом звук автоматной очереди и яростный лай собак. Через мгновение в комнату ворвалось несколько вооруженных полицейских. Марио не успел и пикнуть, как на его руках оказались наручники.

– Морис! – вскричал один из вошедших, маленький плотный субъект в штатском.

– Шарль! – прослезился, протягивая ему руки Пуатье...

– Это был мой последний шанс, – рассказывал маэстро через несколько дней на пресс-конференции в Париже.– Начисто лишенный средств общения с внешним миром, я решил передать весть о себе в зашифрованном виде. Помните то место в романе «Когда боги безмолвствуют», где мальчик Морис разговаривает со своими друзьями в пансионе и шлет потом на уроке одному из них непонятное послание, составленное с помощью тайнописи. Так вот, с точностью до мельчайших деталей я воспроизвел в романе реальный эпизод своего детства, который кроме меня наверняка должны были помнить еще человек десять воспитанников нашего пансиона, названные мной в книге их реальными именами. Я очень рассчитывал, что хоть кто-нибудь из них да прочтет этот роман, и в тексте той записки зашифровал изобретенной нами, детьми, и имевшей хождение в пансионе тайнописью всю информацию о себе: где я, что со мной, примерные координаты острова... Не скрою: особенно я рассчитывал именно на друга моего детства известного издателя Шарля Андре...

От ответа на вопрос корреспондента, знаменует ли этот случай, по его мнению, начало новой эпохи в истории гангстеризма, Морис Пуатье уклонился.

Спустя еще год, в Париже вышли и тут же стали бестселлером воспоминания отбывающего тюремное заключение Марио Клозетти «Как я был великим». «Чудовищный язык, которым написана эта книжка, – отмечала одна из газет, – как ни странно, становится ее достоинством, ибо придает откровениям гангстера-графомана дополнительную достоверность». Другая газета рассуждала о том, что еще не известно, принесли бы ли Клозетти большую славу книги, написанные Морисом Пуатье, нежели эта скандальная история.

Впрочем, вскоре отклики на воспоминания Клозетти утонули в потоке сообщений о новой сенсации. Морис Пуатье исчез из своего дома в Париже, оставив письмо, в котором объявлял о решении провести остаток дней в уединении, занимаясь творчеством и не общаясь с внешним миром. «Я осознал, – писал он, – что счастливейшим временем моей жизни стали годы, проведенные на островке в Средиземном море».

Свои будущие местонахождение и псевдоним он оставил в тайне.

*1987*

## У СТЕН ДИОСКУРИИ

Все утро на землю хлопьями падал мокрый снег.

...Двое дюжих воинов стащили туземца с его малорослой лошадки и бросили под ноги коня Митридата. Гениох оказался совсем юным. Когда черная косматая накидка с его плеч упала в грязь дороги, а Эксиподр замахнулся на него мечом, он выглядел так жалко, что Митридат подумал: «Вряд ли это может быть помпеевский лазутчик».

Допрос был продолжен на вершине холма неподалеку от городских стен, где Митридат устроил свою ставку. Вскоре подтвердились подозрения евнуха Тимофея: этот

гениох, который второй день издали неотступно следовал за процессиями Митридата, замыслил похищение царской дочери Асандры.

– Богоравный царь Понта и Боспора, – обратился Эксиподр к туземцу, – дарует тебе право выбора смерти. Тебя могут посадить на кол, и тогда твои мучения будут длиться несколько дней. А могут надрезать кожу у шеи, содрать ее до пальцев ног, вывернуть, как кожаный мех, и подвесить тебя в таком виде на скале; тогда ты, конечно, умрешь намного быстрее и в этом смысле смерть твоя будет легче...

Но когда толмач перевел гениоху эти слова, царь так и не увидел, как ожидал, судороги страха на лице юноши.

– А согласишься ли ты отпустить меня, если твоя дочь Асандра решит последовать за мной? – дерзко спросил на своем клекочущем языке гениох.

По рядам приближенных царя прокатился сдержанный смех: только сумасшедшая могла бы променять жизнь в роскоши царских дворцов на существование в этих диких горах среди варваров. Впрочем... Ведь выдал же недавно Митридат двух других своих дочерей за родовых царьков гениохов, да еще богатыми подарками новых родственников осыпал – и все ради согласия тех пропустить его войско через их земли, если придется отступать дальше на север. «Великий царь раздает своих дочерей варварам, как кур перед праздником!» – посмеивались диоскурийские греки, о чем Митридату незамедлительно донесли его соглядатаи. Ну да пусть смеются! Дочерей у Митридата при его десятках жен и наложниц еще хватит: лишь бы все, что он делает, могло б хоть на йоту приблизить его к великой цели... Но те-то хоть были царьками, а этот без роду-племени гениох – пожалуй, уже слишком.

Привели шестнадцатилетнюю Асандру – и она бросилась отцу в ноги, умоляя сохранить жизнь туземному юноше. Мало того: сказала, что хочет стать его женой и готова провести с ним всю жизнь в убогой хижине с закопченной надочажной цепью... Митридат в гневе поднялся во весь свой исполинский рост.

...Ночью он долго ворочался на ложе. События дня продолжали тесниться в памяти. После полудня он посетил Диоскурию, где в храме Кибелы принес пред ликом богини жертву. Затем на большой круглодонной туземной ладье, называемой «камара», совершил плаванье по диоскурийской лагуне. К этому времени небо очистилось, пригрело солнышко, и вид города с белыми храмами и колоннадами, подковой лежащего у подножия поросших курчавым лесом гор, показался ему красивым. Мелькнула даже мысль: а что, если когда закончится победой его великий северный поход в Италию в обход Понта Евксинского и ненавистный Рим будет, наконец, повержен, он в насмешку над гордецами-римлянами сделает эту захолустную Диоскурию столицей своей державы – столицей мира?!. А на плоской вершине вон той трапециевидной горы воздвигнет величественный храм в честь своей победы... Сопровождавший его архонт тем временем в который раз уже рассказывал историю этих мест: как в незапамятные времена приплыли сюда на поиски золотого руна отважные аргонавты, среди которых были и близнецы-диоскуры Кастор и Поллукс – вылупившиеся из яйца сыновья Зевса и Леды; как их возничие спартанцы Амфит и Керкий основали здесь город и назвали его в честь братьев Диоскурией. Они же положили начало и племени гениохов, что по-гречески означает «возничие». А сами-то гениохи называют себя совсем по-другому...

Ветреной безлунной ночью его вновь обуяла тоска-сомнение-отчаяние. Неужто права его дочь от наложницы Стратоники Асандра, которую он отпустил сегодня с безродным гениохом, и жизнь в этих диких чащобах может быть счастливей его жизни – владыки полумира? ...Кто там воет, скребется снаружи? Смерть... Уходи, подлая, не тронь его, помедли, потомись где-нибудь там, вдали...

Жить здесь, среди лесов и горных ущелий, заниматься охотой... Но как же данный еще в юности обет – осуществить то, что не удалось его великим предшественникам – ни по отцовской, персидской линии, ни по материнской, греческой – впервые объединить весь мир под властью

одного человека? Для этого надо было одолеть «тучу с запада» – Рим. И он громил римские легионы, пока боги не отвернулись от него... Сейчас ему 67 – это две сложенные вместе жизни Александра Македонского – и он похож на высохший древесный сук. Он дряхлеет с каждым днем, все чаще вынужден для поддержания бодрости принимать возбуждающие настойки на травах – и, словно Сизиф, так же далек от поставленной цели, как десятилетия назад. Чудом вырвавшись из железных объятий Помпея, полумертвым волком уполз сюда, в Колхиду, зализывать раны...

«О, прекрасная Лаодика, сестра родная моя и жена моя! Какой багряной была твоя кровь, хлынувшая во время казни... Но я не мог продолжать жить, сомневаясь в тебе. О, юный царь каппадокийский Ариарат, собственноручно заколотый мной! О мать моя, брошенная в темницу... О, три дочери и три сына, умерщвленные по моему приказу, и прежний гарем мой, преданный смерти, чтоб не достался врагу как трофей... Вы должны понять, что так было нужно, что я не мог поступить иначе, вкатывая и вкатывая на вершину свой тяжкий камень...

Что уж говорить о тысячах младенцев, вырезанных в одну ночь его воинами вместе со всеми семьями римлян, живших в его землях! Жестокого и неумолимого врага надо уничтожать под корень – таков закон жизни. Но, может быть, воспоминания об этих младенцах, которые стали посещать его в последнее время, и заставили дрогнуть сердце при виде распластавшейся у его ног Асандры.

А затем его мысли вновь привычно потекли по устоявшемуся руслу – о том, как весной он двинется дальше, на север, в Пантикапей, собирать силы для решающего похода.

...Он не знал, конечно, в ту ночь, что спустя два года в Пантикапее его сын Фарнак поднимет против него мятеж и коронует себя при живом отце. И Митридат покончит с собой, бросившись на меч.

И тем более не знал он того, что спустя тридцать пять лет в Иудее, по-прежнему изнывавшей под властью Рима,

родится тот, в честь кого весь мир потом будет вести летосчисление. А спустя шестьсот лет два его, Митридата Евпатора, потомка в 23-м колене, потомки его дочери Асандры и безродного гениоха, падут в битве с отрядом византийцев, командовать которым будет Илл, потомок митридатова сына Фарнака. Но останутся еще тысячи других потомков Асандры.

А еще через четырнадцать столетий, в начале XXI века, на Земле будет жить 28 миллионов его потомков в 82-м, 83-м и 84-м коленах. В том числе, конечно, и большинство населения этой маленькой горной страны, где он остановился на зимовку.

1999

## СОДЕРЖАНИЕ

Букет Абхазии. *Рассказ*. . . . . 3
Наваждение. *Рассказ* . . . . . 35
Красавица Нисфа. *Рассказ* . . . . . 41
Новая жизнь Мэрилин Монро. *Повесть*. . . . . 53
Бешеный огурец. *Рассказ*. . . . . 90
Дорога на Чумкузбу. Рассказ . . . . . 110
Скорпион в конверте. *Рассказ* . . . . . 123
Ошибка минера. *Рассказ* . . . . . 135
Марика. *Рассказ* . . . . . 146
Ромео, Джульетта и избирательная урна. *Рассказ*. . . . 155
Персик. *Повесть* . . . . . 167
Сексот Сазонов. *Рассказ*. . . . . 201
Он, она и сотовый телефон. *Рассказ*. . . . . 221
Исчезновение. *Повесть* . . . . . 239
Пенальти. *Рассказ* . . . . . 270
Маэстро на острове грез. *Рассказ* . . . . . 284
У стен Диоскурии. *Рассказ* . . . . . 290

Виталий Валерианович Шария

# БУКЕТ АБХАЗИИ

**Повести и рассказы**

Редактор *С. Цвинария*
Корректор *И. Патаманова*
Художник *Р. Габлиа*
Верстка *А. Береджи*

Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Тираж 500.
Физ. печ. л. 9,25. Усл. печ. л. 15,5.
Заказ №